

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

2

2021

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	МАЛЮГИН О. И. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: maliugin@bsu.by

Белецкий С. В.	Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
Бон Т.	Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородин Л. И.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волански Ф.	Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жеребцов И. Л.	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Республика Коми.
Линднер Р.	Констанцкий университет, Констанц, Германия.
Упадуэй А.	Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Дели, Индия.
Фишер Д.	Техасский университет в Браунсвилле, США.
Фэн Ш.	Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М.	Университет Матей Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бригадин П. И.	Институт бизнеса Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Вавищевич А. Н.	Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э.	Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г.	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Колесник В. Ф.	Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
Космач В. А.	Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В.	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Локотко А. И.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзальюк И. А.	Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н.	Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р.	Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Пилипенко М. Ф.	Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ходин С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Федосик В. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шадурский В. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар

КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: kohanovsky@bsu.by

Намеснік галоўнага рэдактара

МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: menkovski@bsu.by

Адказны сакратар

МАЛЮГІН А. І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: maliugin@bsu.by

Бародкін Л. І. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.

Бон Т. Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.

Бялецкі С. В. Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры Расійскай акадэміі навук, Санкт-Пецярбург, Расія.

Валанскі Ф. Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.

Жарабцоў І. Л. Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтру Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктыв'кар, Рэспубліка Комі.

Лінднер Р. Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.

Упадуэй А. Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Дэлі, Індыя.

Фішэр Д. Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, ЗША.

Фэн Ш. Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.

Шмігель М. Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.

Яноўскі А. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Брыгадзін П. І. Інстытут бізнесу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.

Вабішчэвіч А. М. Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.

Відэр Э. Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.

Дук Д. У. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.

Каваленя А. А. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.

Калеснік В. Ф. Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.

Карпаў С. П. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.

Карпюк С. Г. Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.

Космач В. А. Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.

Кошалеў У. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

Лакотка А. І. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.

Ларын М. В. Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.

Лаўрыновіч Д. С. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.

Марзалюк І. А. Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.

Мікніс Р. Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.

Мязга М. М. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.

Нячухрын А. М. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.

Піліпенка М. Ф. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.

Туманс Х. Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.

Ходзін С. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

Фядосік В. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

Шадурскі В. Г. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	KAKHANOUSKI A. G. , doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	MENKOUSKI V. I. , doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	MALIUGIN O. I. , PhD (history), docent; associate professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: maliugin@bsu.by

Beletsky S. V.	Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.
Bohn T.	Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh.	School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies of the East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D. C.	University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R.	University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Šmigel' M.	Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A.	Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F.	Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
Yanouski A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zherebtsov I. L.	Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Bryhadzin P. I.	Institute of Business, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Duk D. V.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Fedosik V. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karpov S. P.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G.	Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzin S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kolesnyk V. F.	Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Koshelev V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A.	Vitebsk State University named after P. M. Masharov, Vitebsk, Belarus.
Kovalenya A. A.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V.	Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrionovich D. S.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Lokotko A. I.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Marzaluk I. A.	House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M.	Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Miknys R.	Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N.	Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Pilipenko M. F.	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Shadurski V. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Tumans H.	University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N.	Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E.	Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.

ОТ РЕДАКЦИИ АД РЕДАКЦЫІ EDITORIAL

Британский историк Эрик Хобсбаум ввел в научный словарь термин *долгий XIX век*, определив его как время империй, завершившееся в 1914 г. Первая мировая война действительно привела к краху Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской империй, но не изменила практику поведения великих держав на международной арене – практику, основанную на праве сильного. Интересы малых и средних стран, многие из которых создали или восстановили государственность именно как результат завершения великой войны, учитывались только в контексте геополитических взглядов более сильных акторов мировой политики. И таким образом для новых независимых государств *долгий XIX век* не завершился ни с началом Первой мировой войны, ни с ее окончанием. Более того, эта геополитическая тенденция *долгого века* сохранится не только в течение следующего *короткого XX века*, но и в некоторой степени после его завершения. Провозглашаемые принципы равноправия, учета интересов всех участников международных отношений так и остались декларациями, красиво звучащими с высоких трибун.

18 марта 2021 г. исполнилось 100 лет со дня заключения одного из наиболее значимых международных договоров XX в. – Рижского мирного договора 1921 г. Этот договор стал формальным завершением военного конфликта между РСФСР и Польской Республикой, определил почти на два десятилетия границы стран в восточной части Европы, зафиксировал расклад сил противоборствующих сторон, заложил новые противоречия в международных отношениях и сыграл значимую роль в судьбах всех народов Восточной Европы и частично Центральной. Вместе с тем интересы многих новых государств и народов Европы так и остались неучтенными, а их судьбы решались более сильными участниками процесса переговоров.

Для Беларуси Рижский мирный договор стал одним из сложнейших моментов столкновения с внешнеполитическими реалиями. Польские устремления к границам Речи Посполитой 1772 г., а также попытка

«экспорта революции», предпринятая руководством советской России, привели к польско-советской войне, в ходе которой Красная армия не смогла достичь своих военно-политических целей. Стремясь сохранить плацдарм для будущей мировой революции, В. И. Ленин и его соратники согласились на переговоры. В свою очередь, польская дипломатия осознала необходимость ограничиться лишь территориями, обладание которыми не обязывало бы Польшу учитывать белорусские и украинские политические требования. Начатые в Минске переговоры продолжились в Риге. После прекращения военных действий представители воевавших сторон заключили прелиминарное мирное соглашение, а затем 18 марта 1921 г. делегации РСФСР, УССР и Польской Республики подписали и текст окончательного мирного договора. Соглашение было составлено на русском, украинском и польском языках в трех равноправных экземплярах и вступало в силу после его ратификации. Договор не просто затрагивал интересы Беларуси, его положения предопределяли судьбу белорусского социума и факт существования белорусской государственности. Однако белорусская делегация в переговорах не участвовала и прямого влияния на их результаты не оказывала. Руководители БНР не смогли добиться международного признания, а руководители ССРБ согласились делегировать свои полномочия российской стороне. Хотя страны, подписавшие договор, подтвердили государственный статус советской Беларуси, что необходимо расценивать как большое достижение, но одновременно Беларусь можно считать стороной, чьи интересы были учтены в наименьшей степени. Значительная часть территории была поделена, а белорусы были вынуждены сохранять свою идентичность в сложном положении национального меньшинства в границах Польской Республики.

В более широком плане исторические процессы, связанные с Рижским мирным договором, весьма разнообразны и в странах Центральной и Восточной Европы охватывают период от Первой мировой

войны до начала Второй мировой. Так или иначе, это не только вопросы дипломатии и международных отношений первой половины XX в., но и проблематика войн, революций, национальных и социальных конфликтов на территории Восточной и Центральной Европы, социально-экономических и цивилизационных трансформаций, формирования наций и национальных государств и др. Именно проблемам Рижского мирного договора в широком контексте исторических изменений конца XIX – XX в. была посвящена конференция «Рижский мирный договор 1921 г. в судьбах народов Восточной и Центральной Европы», которая прошла на историческом факультете БГУ 26 марта 2021 г. Короткая хроника этой конференции, а также тематические материалы размещены на страницах данного номера журнала.

В статье Н. Н. Мезги «Праблематыка польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. і Рыжскага мірнага дагавора ў адлюстраванні пратаколаў пасяджэнняў Палітбюро ЦК РКП(б)» определяется роль проблематики польско-советской войны и Рижского мирного договора в деятельности Политбюро ЦК РКП(б) (далее – Политбюро). Автор приходит к выводу, что в 1919 г. эта проблематика занимала незначительное место в работе Политбюро, а польско-советскому противостоянию отводилась второстепенная роль на фоне борьбы большевиков с Белым движением. Протоколы Политбюро 1920 г. отражают рост значения польского фронта для советской России. Но и в этих условиях вопросы польско-советской войны не стали доминирующими в деятельности Политбюро. Наибольшее внимание оно уделило пропагандистской работе и подготовке к мирным переговорам с Польшей летом – осенью 1920 г. Материалы заседаний Политбюро подтверждают, что именно этот партийный орган принимал решения по ключевым проблемам польско-советских отношений, которые затем реализовывались советской дипломатией. Белорусский вопрос во время польско-советской войны рассматривался Политбюро крайне редко и лишь в контексте достижения советской Россией ее внешнеполитических целей.

Исследованию истории выработки основных положений статьи XI Рижского мирного договора, регламентировавшей размежевание архивов между договаривавшимися сторонами, посвящен материал М. Ф. Шумейко. Эти положения были сформулиро-

ваны крайне неблагоприятно для белорусско-российско-украинской стороны как по причине неудач Красной армии в польско-советской войне, так и ввиду возникших в России внутренних проблем, важнейшей среди которых являлось восстание в Кронштадте в феврале – марте 1921 г. В статье раскрывается роль в выработке этих положений будущего первого ректора БГУ – В. И. Пичеты, работавшего главным инспектором Главархива РСФСР и осенью 1920 г. принимавшего участие в мирных переговорах в Риге в качестве эксперта. Автор делает вывод, что в ходе реализации положений статьи XI договора белорусские архивы понесли значительные утраты. Этим объясняется имевший место так называемый архивный саботаж, суть которого заключалась в показе польской стороне как несуществующих тех или иных архивных комплексов, подлежавших по условиям договора передаче Польше.

В статье Е. Н. Дубровко проанализированы оценки, которые давали представители политической элиты Великобритании итогам польско-советского территориального размежевания, зафиксированного в тексте Рижского мирного договора 1921 г. Выявлено, что в преддверии мирных переговоров в Риге притязания Польши на значительное продвижение ее границ в восточном направлении негативно характеризовались британскими политиками. Линия рижской границы оценивалась скептически, рассматривалась как возможная только в условиях временной слабости РСФСР. Автором установлено, что британскими политиками не исключался вариант пересмотра линии рижской границы с учетом позиции советской стороны при заключении общеевропейского соглашения в Генуе в 1922 г., и показано, что при принятии решения об отказе от ратификации Женевского протокола 1924 г. одним из доводов стала оценка региона рижской границы как потенциальной зоны конфликта в Европе, вовлечения в который Великобритания стремилась избежать.

Редакция «Журнала Белорусского государственного университета. История» надеется, что размещенные в этом номере материалы будут способствовать повышению интереса читателей к событиям, связанным со столетним юбилеем Рижского мирного договора.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

SPECIAL TOPIC SECTION

100-летие Рижского мирного договора

100-годдзе Рыжскага мірнага дагавора

100th anniversary of the Riga Treaty

УДК 930:327.5((47+57)+438)«1919-1920»:327((47+57)+438)(094.2)«1921»:930:329.15(47+57)

ПРОБЛЕМАТИКА ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОЙ ВОЙНЫ 1919–1920 гг. И РИЖСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА В ОТРАЖЕНИИ ПРОТОКОЛОВ ЗАСЕДАНИЙ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б)

Н. Н. МЕЗГА¹⁾

¹⁾Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

Определена роль проблематики польско-советской войны и Рижского мирного договора в деятельности Политбюро ЦК РКП(б). Установлено, что в 1919 г. эти вопросы занимали незначительное место в работе политбюро, польско-советскому противостоянию отводилась второстепенная роль на фоне борьбы большевиков с Белым движением. Протоколы политбюро 1920 г. отражают рост значения польского фронта для советской России, но и в этих условиях вопросы польско-советской войны не стали доминирующими в деятельности политбюро. Наибольшее внимание оно уделяло вопросам пропагандистской работы, а также подготовки и хода мирных переговоров с Польшей летом – осенью 1920 г.

Образец цитирования:

Мязга ММ. Проблематика польско-советской войны 1919–1920 гг. и Рижского мирного договора в отражении протоколов заседаний Политбюро ЦК РКП(б). *Вестник Белорусского государственного университета. История.* 2021;2:7–16.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-7-16>

For citation:

Miazga MM. Problems of the Polish-Soviet war of 1919–1920 and the Riga Treaty in reflection of the RCP(b) Central Committee Politburo minutes of meetings. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;2:7–16. Belarusian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-7-16>

Автор:

Николай Николаевич Мязга – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой всеобщей истории исторического факультета.

Author:

Mikalai M. Miazga, doctor of science (history), full professor; head of the department of general history, faculty of history.
nmezga@gsu.by

Материалы заседаний политбюро подтверждают, что именно этот партийный орган принимал решения по ключевым вопросам польско-советских отношений, которые затем реализовывались советской дипломатией. Белорусский вопрос во время польско-советской войны рассматривался политбюро крайне редко и лишь в контексте достижения советской Россией ее внешнеполитических целей.

Ключевые слова: польско-советская война; Рижский мирный договор; Политбюро ЦК РКП(б); советская Россия; Польша; польско-советские отношения; мирные переговоры.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения задания государственных программ научных исследований на 2021–2025 гг.

ПРАБЛЕМАТЫКА ПольшКА-САВЕЦКАЙ ВАЙНЫ 1919–1920 гг. І РЫЖСКАГА МІРНАГА ДАГАВОРА Ў АДЛЮСТРАВАННІ ПРАТАКОЛАЎ ПАСЯДЖЭННЯЎ ПАЛІТБЮРО ЦК РКП(б)

М. М. МЯЗГА^{1*}

^{1*} Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны,
вул. Савецкая, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

Акрэслена роля праблематыкі польска-савецкай вайны і Рыжскага мірнага дагавора ў дзейнасці Палітбюро ЦК РКП(б). Устаноўлена, што ў 1919 г. гэтыя пытанні займалі нязначнае месца ў працы палітбюро, польска-савецкаму супрацьстаянню адводзілася другарадная роля на фоне барацьбы большавікоў з Белым рухам. Пратаколы палітбюро 1920 г. адлюстроўваюць рост значэння польскага фронту для Савецкай Расіі, але і ў гэтых умовах праблема польска-савецкай вайны не стала дамінуючай у дзейнасці палітбюро. Найбольшую ўвагу яно надавала пытанням прапагандысцкай працы, а таксама падрыхтоўкі і ходу мірных перамоў з Польшчай летам – восенню 1920 г. Матэрыялы пасяджэнняў палітбюро пацвярджаюць, што менавіта гэты партыйны орган прымаў рашэнні па ключавых пытаннях польска-савецкіх адносін, якія затым рэалізаваліся савецкай дыпламатыяй. Беларускае пытанне ў час польска-савецкай вайны разглядалася палітбюро вельмі рэдка і толькі ў кантэксце дасягнення Савецкай Расіяй яе знешнепалітычных мэт.

Ключавыя словы: польска-савецкая вайна; Рыжскі мірны дагавор; Палітбюро ЦК РКП(б); Савецкая Расія; Польшча; польска-савецкія адносіны; мірныя перамовы.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны ў рамках выканання задання дзяржаўных праграм навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг.

PROBLEMS OF THE POLISH-SOVIET WAR OF 1919–1920 AND THE RIGA TREATY IN REFLECTION OF THE RCP(b) CENTRAL COMMITTEE POLITBURO MINUTES OF MEETINGS

M. M. MIAZGA^a

^aFrancisk Skorina Gomel State University, 104 Savieckaja Street, Homiel 246019, Belarus

The role of the problems of the Polish-Soviet war and the Riga Treaty in the activities of the Politburo of the RCP(b) Central Committee is revealed. It is established that in 1919 this problem occupied an insignificant place in the work of the Politburo, the Polish-Soviet confrontation was given a secondary role against the background of the struggle of the Bolsheviks with the White Movement. The protocols of the Politburo of 1920 reflect the growing importance of the Polish front for Soviet Russia. But even in these circumstances, the issues of the Polish-Soviet war did not become dominant in the activities of the Politburo. It paid the greatest attention to the issues of propaganda work and the preparation and progress of peace negotiations with Poland in the summer and autumn of 1920. The materials of the Politburo meetings confirm that it was this party body that made decisions on key issues of Polish-Soviet relations, which were then implemented by Soviet diplomacy. The Belarusian question during the Polish-Soviet war was considered by the Politburo very rarely and only in the context of Soviet Russia's achievement of its foreign policy goals.

Keywords: Polish-Soviet war; Riga Treaty; Politburo of the RCP(b) Central Committee; Soviet Russia; Poland; Polish-Soviet relations; peace negotiations.

Acknowledgements. The article is prepared within the framework of the state research programs task for 2021–2025.

Уводзіны

Польска-савецкая вайна і падпісанне Рыжскага мірнага дагавора, якім яна завяршылася, з'яўляюцца падзеямі, што прадвызначылі многія гістарычныя працэсы на беларускіх землях на працягу ўсяго міжваеннага перыяду. У час гэтай вайны Беларусь была полем узброенай барацьбы паміж Савецкай Расіяй і Польшчай. У ходзе канфлікту вырашалася пытанне аб дамінаванні ва Усходняй Еўропе, і Беларусь выступала як адзін з аб'ектаў гэтай барацьбы. Асноўныя рашэнні, якія непасрэдна датычыліся Беларусі, прымаўся палітычнымі лідарамі іншых краін. Яны зыходзілі з уласных міжнародна-палітычных інтарэсаў. У гэтым артыкуле зроблена спроба вызначыць месца праблематыкі польска-савецкай вайны і мірных перамоў у Мінску і Рызе ў дзейнасці Палітбюро ЦК РКП(б). Устаноўлена ступень значнасці ўказанай праблематыкі для вышэйшага кіраўніцтва РКП(б), зыходзячы з інтэнсіўнасці яе абмеркавання на пасяджэннях палітбюро, выяўлены

тыя яе аспекты, якім бальшавіцкія лідары надавалі найбольшую ўвагу. Вывучэнне матэрыялаў, звязаных з дзейнасцю палітбюро, дазваляе больш поўна зразумець механізм прыняцця рашэнняў, што вызначалі знешнюю палітыку Савецкай Расіі ва ўмовах вайны з Польшчай.

Асноўнымі гістарычнымі крыніцамі для дасягнення пастаўленай мэты даследавання сталі матэрыялы фонду 17 «Цэнтральны Камітэт КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991 гг.)» Расійскага дзяржаўнага архіва сацыяльна-палітычнай гісторыі. Шэраг гісторыкаў у сваіх працах выкарыстоўваюць матэрыялы гэтага архіва, у тым ліку і фонду 17 (гл. даследаванні Г. Матвеева [1], Д. Кораткавай [2], І. Міхуцінай [3], У. Снапкоўскага [4], Р. Лазько [5], В. Бароўскай [6], В. Зубачэўскага [7]). Але работа па сістэмным вывучэнні рашэнняў Палітбюро ЦК РКП(б), якія датычыліся польска-савецкай вайны, на сёння яшчэ далёкая да завяршэння.

Вынікі і іх абмеркаванне

У сярэдзіне лютага 1919 г. пачаліся ваенныя дзеянні паміж Чырвонай арміяй і Войскам польскім. Аднак праблемы польска-савецкага фронту ў парадку дня працы Палітбюро ЦК РКП(б) з'явіліся толькі ў канцы красавіка. Не будзе памылкай звязаць гэта з канчатковай стратай бальшавікамі Вільні. Так, 26 красавіка палітбюро абмяркоўвала факт падрыву польскімі дыверсантамі двух чыгуначных мастоў на ўсход ад Мінска. У прынятай пастанове ставілася задача ўзмацніць ахову мастоў, адказным за выкананне рашэння прызначаўся І. Сталін¹. Па прапанове Л. Троцкага 29 красавіка палітбюро прыняло рашэнне аб ліквідацыі двайнога падначалення армій на заходнім фронце. Гэта азначала, што будзе ліквідавана фармальная самастойнасць Беларуска-Літоўскай арміі².

Як сведчаць матэрыялы палітбюро, становішча савецкіх войск на польскім фронце было не самым лепшым. На сумесным пасяджэнні палітбюро і арганізацыйнага бюро 22 мая 1919 г. абмяркоўвалася пытанне баяздольнасці арміі. Ужо сама фармулёўка пытання («...аб усіх непарадках на гэтым фронце і неабходнасці ўзмацніць работу»³) утрымлівае адмоўную ацэнку становішча на заходнім фронце. Але, па сутнасці, для паляпшэння становішча прадугледжвалася толькі адна мера – накіраванне на ўмацаванне фронту камуністаў. У якасці «рэвізора»

на заходні фронт камандзіраваўся І. Смілга. З рашэнняў палітбюро бачна, што чакалася далейшае адступленне савецкіх войск на заходнім напрамку, бо планавалася стварэнне брыгад чыгуначнікаў, задача якіх заключалася ў падрыве мастоў і разбурэнні чыгуначных пуцэй⁴.

З дакументаў палітбюро вынікае, што фронт з Польшчай не разглядаўся вышэйшым кіраўніцтвам бальшавіцкай партыі як адзін з найбольш важных. Яскрава пра гэта сведчыць рашэнне палітбюро ад 1 чэрвеня 1919 г., калі была адобрана дырэктыва, якая прадпісвала «зняць з заходняга фронту ўсё магчымае, скараціўшы да мінімуму ўсе актыўныя дзеянні». Знятыя войскі планавалася перакінуць у Данбас супраць арміі Дзянікіна⁵. Стаўленне да польска-савецкага фронту як да друга-раднага не змянілася і восенню 1919 г. Палітбюро ў сваім рашэнні ад 15 кастрычніка адзначала, што пытанне аб паўночным і заходнім франтах павінна разглядацца толькі «з пункта гледжання бяспекі Маскоўска-Тульскага раёна ў першую чаргу, Петраграда – у другую чаргу». Зноў ставілася задача зняць войскі з заходняга фронту, каб накіраваць іх супраць Дзянікіна⁶.

На сумесным пасяджэнні палітбюро і аргбюро 2 чэрвеня была заслухана справаздача І. Смілгі аб яго паездцы на польскі фронт. Па выніках справа-

¹Рос. гос. арх. соц.-полит. истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/56632/images> (дата обращения: 10.12.2020).

²Там же. Д. 6. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/56632/images> (дата обращения: 10.12.2020).

³Тут і далей пераклад наш. – М. М.

⁴РГАСПИ. Д. 8. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/56681/images> (дата обращения: 10.12.2020).

⁵Там же. Д. 10. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/56695/images> (дата обращения: 10.12.2020).

⁶Там же. Д. 31. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/56847/images> (дата обращения: 10.12.2020).

здачи прынялі рашэнне перш за ўсё аб кадравым умацаванні заходняга фронту. Ставілася задача знайсці кандыдатаў на пасады камандарма і члена Рэвалюцыйнага ваеннага савета (РВС) Беларуска-Літоўскай арміі. Таксама планавалася папоўніць гэту армію 5–6 тыс. прызыўнікоў першай чаргі, а таксама за кошт новай мабілізацыі прафесійных саюзаў. І. Смілгу зноў камандзіравалі ў Беларуска-Літоўскую армію для ўпарадкавання яе дзейнасці. На гэтым жа пасяджэнні было прынята рашэнне аб карэннай рэарганізацыі заходняга фронту, што прадугледжвала і ліквідацыю фармальна самастойных армій нацыянальных савецкіх рэспублік, у тым ліку Беларуска-Літоўскай арміі. Усе войскі цяпер павінны былі падпарадкоўвацца непасрэдна галоўнаму камандаванню расійскай Чырвонай арміі⁷. Тым самым даводзілася да лагічнага завяршэння рашэнне палітбюро, прынятае яшчэ 29 красавіка, у адпаведнасці з якім Беларуска-Літоўская армія была рэарганізавана ў 16-ю армію [8, с. 114].

Летам у парадку дня палітбюро з'яўляецца пытанне магчымага мірнага ўрэгулявання канфлікту з Польшчай. Гэта можна звязаць з тым, што ў Белавежскай пушчы пачыналіся перамовы Ю. Мархлеўскага з прадстаўнікамі Ю. Пілсудскага. Народны камісарыят замежных спраў РСФСР 27 чэрвеня прадставіў у Палітбюро ЦК РКП(б) праект урэгулявання спрэчных тэрытарыяльных пытанняў паміж Савецкай Расіяй і Польшчай. У дачыненні да Беларусі ў праекце ўказвалася, што да ліку магчымых уступак не можа адносіцца ачышчэнне савецкімі войскамі занятых «беларускіх мясцовасцей, гэта значыць Мінскай губ. і Дзісненскага і Вілейскага павятаў (Віленскай губ.)» [9, с. 323].

У жніўні – верасні 1919 г. палітбюро звярнулася да гуманітарных аспектаў у адносінах з Польшчай. У прыватнасці, 16 жніўня была прынята прапанова Г. Чычэрына аб згодзе пачаць перамовы з палякамі аб залоўніках. У той жа час было вырашана зацягваць абмен місіямі Чырвонага Крыжа⁸. Палітбюро звярнулася да гэтага пытання 6 верасня. Канстатавалася, што польскі ўрад даў згоду на прыезд дэлегацыі расійскага Чырвонага Крыжа. Яе кіраўніком быў зацверджаны Ю. Мархлеўскі⁹. Пры гэтым 2 лістапада бакі падпісалі пагадненне аб залоўніках. Згодна з ім вызваляліся і накіроўваліся ў Польшчу арыштаваныя ў савецкіх рэспубліках палякі [10, с. 35]. Але фактычна Ю. Мархлеўскі пад прыкрыццём місіі Чырвонага Крыжа накіроўваўся для перамоў з прадстаўнікамі Ю. Пілсудскага ў Мікашэвічах. Палітбюро абмеркавала ход перамоў 14 лістапада. Л. Троцка-

му і Г. Чычэрыну даручалася «распрацаваць дэталёва ўмовы перамір'я з палякамі». Умовы палякаў, якія перадаў Ю. Мархлеўскі, лідары бальшавікоў палічылі прымальнымі, за выключэннем пункта аб спыненні ўзброенай барацьбы з Пятлюрам. Савецкае кіраўніцтва пагаджалася з патрабаваннем палякаў аб таемнасці перамоў¹⁰. Як справядліва адзначае расійскі даследчык Г. Матвееў, 1919 г. стаў для савецкай улады самым цяжкім за ўвесь час вайны, таму бальшавікі былі гатовы на любыя тэрытарыяльныя ўступкі Польшчы за кошт нерасійскіх тэрыторый, абы толькі завяршыць канфлікт з ёй [1, с. 33], што і праявілася ў час перамоў у Мікашэвічах.

Вопіс 3 фонду 17 Расійскага дзяржаўнага архіва сацыяльна-палітычнай гісторыі ўтрымлівае матэрыялы аб 51 пасяджэнні Палітбюро ЦК РКП(б) у 1919 г. Толькі на 11 пасяджэннях абмяркоўваліся пытанні, якія мелі дачыненне да польска-савецкай вайны. Гэта дазваляе зрабіць выснову, што дадзеная праблема мела невысокую значнасць для вышэйшага савецкага кіраўніцтва. Акрэсліваліся меры, якія павінны былі спрыяць павышэнню баяздольнасці заходняга фронту, але іх цяжка прызнаць значнымі. Закраналіся пытанні дасягнення мірнага ўрэгулявання канфлікту з Польшчай.

У 1920 г. фронт з Польшчай ператварыўся ў адзін з галоўных для Савецкай Расіі. Гэта адразу адбілася на інтэнсіўнасці абмеркавання палітбюро пытанняў польска-савецкай вайны і іх змесце. У сувязі з гэтым 27 лютага адбыўся абмен тэлеграмамі паміж У. Леніным і Л. Троцкім. Два бальшавіцкія лідары прыйшлі да высновы, што існуе рэальная пагроза аднаўлення вайны з Польшчай [12, с. 280–281]. Пасля гэтага 28 лютага палітбюро паставіла задачу накіраваць на заходні фронт усіх палякаў-камуністаў з іншых франтоў і ўнутраных губерняў. Прадпісвалася прадаставіць у распараджэнне польскага бюро пры ЦК РКП(б) «усе неабходныя матэрыяльныя сродкі для падтрымкі руху ў Польшчы». К. Радэку даручалася кіраўніцтва «ўсёй друкаванай агітацыяй і азнаямленне грамадскай думкі з пазіцыяй Расіі і польскага ўрада ў польскім пытанні, каб вайна, якая можа ўзнікнуць з Польшчай, была правільна зразумета рускімі і польскімі масамі як нападзенне імперыялістычнай Польшчы ва ўгоду Антанце на жадаючую міру Савецкую Расію»¹¹. Як бачна, лічачы цалкам верагодным пачатак актыўных дзеянняў на Польскім фронце, палітбюро надзвычай вялікае значэнне надавала таму, каб прадставіць Савецкую Расію ў вачах грамадскасці

⁷РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/56697/images> (дата обращения: 10.12.2020).

⁸Там же. Д. 21. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/56764/images> (дата обращения: 10.12.2020).

⁹Там же. Д. 25. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/56794/images> (дата обращения: 10.12.2020).

¹⁰Там же. Д. 38. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/56922/images> (дата обращения: 10.12.2020).

¹¹Там же. Д. 63. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57155> (дата обращения: 13.12.2020).

як бок, які абараняецца. Таксама рабілася стаўка на аслабленне Войска польскага праз актыўную прапагандысцкую работу з удзелам польскіх камуністаў.

Важнае значэнне ў барацьбе з Польшчай надавалася дзеянням партызан. Так, 8 сакавіка 1920 г. палітбюро разгледзела пытанне аб мэтазгоднасці пачатку партызанскага руху ў Літве і Беларусі. У прынятым рашэнні адзначалася, што «разгортванне партызанскіх выступленняў у межах Тарыбскай Літвы і польскай акупацыі» прызнавалася «крайне пажаданым»¹².

Ва ўмовах набліжэння новай фазы вайны з Польшчай заходні фронт меў патрэбу ў папаўненнях. Па гэтым пытанні 17 красавіка палітбюро прыняло пастанову, у якой указвалася, што тыя падмацаванні, якія накіроўваюцца на заходні фронт, складаюцца ў значнай частцы з сялян, якія раней ухіляліся ад мабілізацыі. Таму для павышэння баяздольнасці заходняга фронту ставілася задача накіраваць на яго «значную колькасць рабочых камуністаў». У пастанове падкрэслівалася таксама неабходнасць «у значна большай меры, чым гэта зроблена да цяперашняга часу, сканцэнтравать увагу партыйных арганізацый і шырокіх рабочых мас на польскім фронце». Партыйныя арганізацыі павінны былі ўзмацніць ваенную прапаганду і накіраваць пэўную частку работнікаў на польскі фронт. Перад палітычным упраўленнем Чырвонай арміі ставілася задача адправіць на заходні фронт ваенных палітработнікаў з іншых франтоў і тылу. Таксама прадугледжваліся меры па забеспячэнні заходняга фронту харчаваннем¹³. Такім чынам, для ўмацавання баяздольнасці заходняга фронту палітбюро першаснае значэнне надавала ўмацаванню яго большавіцкімі і рабочымі кадрамі.

Наступны раз палітбюро звярнулася да праблематыкі польска-савецкай вайны 28 красавіка, калі ўжо разгортвалася польскае наступленне на ўкраінскіх землях. К. Радэку і Л. Троцкаму даручалася сфармуляваць тэзісы аб неабходнасці праяўлення «максімальнага напружання партыйных, агітацыйных і іншых сіл на заходнім фронце», а таксама напісаць «маніфест да рускага народа». Давалася распараджэнне прызначыць «неабходных асоб для кіраўніцтва агітацыяй»¹⁴. У гэты ж дзень палітбюро адабрала стратэгічны план ваенных дзеянняў супраць Польшчы. Прадугледжвалася, што галоўны ўдар Чырвоная армія нанясе ў Беларусі сіламі заходняга фронту. Паўднёва-заходні фронт павінен быў наступаць у напрамку Роўна – Брэст. Яго планавалася ўзмацніць Першай коннай арміяй [10, с. 52–53].

На пасяджэнні палітбюро 4 мая абсалютная большасць пытанняў парадку дня была прысвечана польска-савецкай вайне. У першую чаргу, як і на пасяджэнні 28 красавіка, намячаліся мерапрыемствы агітацыйнага характару. Польскае наступленне на Кіеў у тыя дні развівалася паспяхова. На выпадак здачы горада планавалася спыніць «на паўгадзіны работу ўсіх заводаў, устаноў і г. д. і правесці лятучыя мітынгі, прысвечаныя польскаму наступленню». Саўнаркам павінен быў на працягу 12 гадзін знайсці «папяровыя сродкі для абслугоўвання агітацыі». Губернскім і павятовым выканкамам даручалася перадрукаваць маніфест саўнаркама аб вайне з Польшчай і распаўсюдзіць яго па ўсіх валасцях, вёсках. Маніфест і агітацыйная літаратура аб вайне з Польшчай павінны былі максімальна шырока распаўсюджвацца сярод сялянства. Паўсюдна планавалася правесці валасныя сходкі, на якіх трэба было зачытаць маніфест. Чакаліся выступленні У. Леніна, Л. Троцкага, Л. Каменева на тэму вайны з Польшчай. У сваіх прамовах большавіцкія лідары павінны былі характарызаваць польскае наступленне як «абломкі плана інтэрвенцыі, які праваліўся», указаць на парушэнне правоў «самавызначанай Украінскай Рэспублікі» (Беларусь у гэтым кантэксце не прыгадваецца). Неабходна было рабіць акцэнт на тым, што Савецкая Расія з'яўляецца бокам, які абараняецца. Для таго каб прадставіць Польшчу як агрэсара, што парушае ўзяттыя на сябе абавязальствы, планавалася абнародаваць інфармацыю аб патаемных перамовах Ю. Мархлеўскага з палякамі летам і восенню 1919 г. і дасягнутых на іх дамоўленасцях. Для арганізацыі адпору палякам Л. Троцкі мусіў адправіцца ў паездку на заходні фронт. Пры палітычным упраўленні Чырвонай арміі стваралася камісія для кіраўніцтва агітацыяй на польскім фронце. Палітбюро зацвердзіла рашэнне «польскай канферэнцыі аб мабілізацыі ўсіх камуністаў-палякаў, якія з'яўляюцца прыгоднымі для фронту». Было вырашана надрукаваць ліст генерала Брусілава, у якім выказвалася падтрымка савецкаму ўраду ў вайне з Польшчай. Гэтым крокам большавікі разлічвалі прыцягнуць да барацьбы тых, хто не з'яўляўся іх прыхільнікам, але быў гатовы адстойваць у змаганні з палякамі «расійскія» тэрыторыі¹⁵. Як адзначае Г. Матвееў, у дадзеным рашэнні палітбюро гучалі нязвыклых для большавікоў патрыятычныя ноткі [11, с. 37]. Шмат увагі надаючы разгортванню прапагандысцкай работы, палітбюро не пакідала без увагі і ваеннае ўмацаванне заходняга фронту. Так, 6 мая было прынята рашэнне аб паскарэнні перакідкі войск

¹²РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 65 [Электронный ресурс]. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57185/images> (дата обращения: 13.12.2020).

¹³Там же. Д. 70. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57242/images> (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁴Там же. Д. 73. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57284/images> (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁵Там же. Д. 74. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/13305/childs> (дата обращения: 13.12.2020).

з каўказскага фронту на польскі. Адказным за гэту справу прызначаўся І. Сталін¹⁶.

У наступныя дні палітбюро прыняло рашэнні аб кадравым умацаванні польскага фронту высокапастаўленымі партыйнымі работнікамі. А. Чарвякова пакінулі ў распараджэнні заходняга фронту¹⁷. Рашэннем ад 10 мая на ўмацаванне польскага фронту накіроўваліся Пятакоў, Смілга, Сакольнікаў, Мяснікоў, Мархлеўскі і Радэк¹⁸. У далейшым палітбюро працягвала працу па кадравым умацаванні савецкіх войск на заходнім напрамку. У прыватнасці, 18 мая І. Сталін быў прызначаны членам РВС паўднёва-заходняга фронту¹⁹. На пасяджэнні 8 чэрвеня палітбюро вырашыла накіраваць на заходні фронт Разенгольца (у якасці члена 15-й арміі), Грынштэйна і Аляксандрава (у распараджэнне РВС фронту). Аргбюро даручалася паскорыць накіраванне «адказных работнікаў са складу савецкіх і партыйных устаноў Масквы» на заходні фронт. У якасці папярэдняга для фронту планавалася адправіць рабочых тых прадпрыемстваў, якія спынялі сваю работу²⁰. Дадзеныя рашэнні адлюстроўвалі актыўную падрыхтоўку да наступлення войск Чырвонай арміі ў Беларусі.

На пасяджэнні 10 мая былі вызначаны новыя крокі па ўзмацненні прапагандысцкай работы на польскім фронце. Ставілася задача «намеціць польскага камуніста, агітатара і літаратара, для складання зладзённых адозваў». Палітбюро прыняло рашэнне прапанаваць паэту Дзям'яну Беднаму накіравацца на заходні фронт для «літаратурна-агітацыйнай палітычнай работы». А вось ад ідэі адпраўкі на заходні фронт агітацыйнага цягніка палітбюро адмовілася з-за транспартных цяжкасцей. Для кіраўніцтва агітацыйнай работай у прыфрантавой паласе стваралася часовае Бюро ЦК РКП(б). Мянжынскі павінен быў узмацніць асобы аддзел заходняга фронту «шляхам перакідкі туды работнікаў з іншых месцаў»²¹. У рамках разгортвання прапагандысцкай кампаніі 15 чэрвеня палітбюро вырашыла падрыхтаваць маніфест да польскіх салдат, які павінна была прыняць сесія УЦВК [13, с. 121].

Паспяховае польскае наступленне ва Украіне падштурхнула бальшавікоў да пошуку саюзнікаў супраць Польшчы. Яшчэ 4 мая палітбюро абмеркавала ліст члена РВС заходняга фронту І. Уншліхта аб адносінах да «беларускіх левых эсэраў». Іх вырашылі выкарыстаць для «работы ў тыле праціўніка»²². Гэта

было невыпадковым. Даследаванні беларускіх гісторыкаў паказваюць, што прыкладна палова партызанскіх атрадаў на тэрыторыі Беларусі ў той час знаходзіліся пад кіраўніцтвам бальшавікоў, а другую частку ўзначальвалі беларускія эсэры [8, с. 122]. Палітбюро зноў звярнулася да беларускага пытання 25 мая ў сувязі з падзеямі польска-савецкай вайны. Па-першае, быў зацверджаны новы склад Бюро ЦК Літбела. У яго ўвайшлі «Смілга (старшыня), Алекса, Далецкі, Кнорын, Міцкевіч, Мяснікоў, Уншліхт». Таксама было вырашана «па заняцці Мінска арганізаваць губернскае рэўкам у складзе старшыні Чарвякова, сябра Кнорына, другога сябра, пажадана яўрэя-камуніста», кандыдатуру якога даручалася вызначыць аргбюро ці РВС заходняга фронту сумесна з Бюро ЦК Літбела. Другі аспект беларускага пытання, які абмеркавала палітбюро 25 мая, быў звязаны з прапановай Г. Чычэрына аб «перамовах з белым урадам Беларусі». Наркам тлумачыў неабходнасць перамоў з урадам В. Ластоўскага тым, што той мог «у еўрапейскім маштабе стварыць нам дыпламатычныя непрыемнасці», а таксама трэба было прадухіліць магчымасць для польскага ўрада перацягнуць беларусаў на свой бок [1, с. 140]. Было прынята рашэнне даручыць наркамату замежных спраў «выклікаць з Рэвеля афіцыйнага прадстаўніка беларускага буржуазнага ўрада, які чакаў там адказу». Гэта азначала згоду бальшавікоў пачаць перамовы з урадам В. Ластоўскага²³. Палітбюро 15 чэрвеня прыняло рашэнне пачаць перамовы з левымі эсэрамі аб іх удзеле ў вайне з Польшчай [13, с. 121].

У кантэксце пошуку бальшавікамі саюзнікаў супраць Польшчы можна разглядаць і рашэнне палітбюро аб адносінах з Літвой. На пасяджэнні 10 мая абмяркоўвалася праблема ўзаемадзеяння з гэтай краінай падчас заплаванага савецкага наступлення на польскім фронце. Камандуючы заходнім фронтам М. Тухачэўскі звярнуўся ў палітбюро з прапановай прадпрыняць намаганні, каб «падштурхнуць літоўскі ўрад да захопу Вільні». Палітбюро даручыла А. Іофе зрабіць папярэднія крокі для рэалізацыі гэтай прапановы²⁴. Ход перамоў з Літвой аб мірным дагаворы палітбюро абмяркоўвала 25 мая. Нягледзячы на вялікія тэрытарыяльныя патрабаванні літоўцаў, было вырашана не перарываць перамовы з імі ў бліжэйшы час. Гэта звязана са спадзяваннямі выкарыстаць Літву як антыпольскую сілу²⁵.

Па меры таго як на фронце Чырвоная армія дабівалася ўсё больш значных поспехаў, на пер-

¹⁶РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 75 [Электронный ресурс]. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57339/images> (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁷Там же.

¹⁸Там же. Д. 76. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57349/images> (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁹Там же. Д. 79. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57425/images> (дата обращения: 13.12.2020).

²⁰Там же. Д. 82. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/13317/childs> (дата обращения: 14.12.2020).

²¹Там же. Д. 76. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57349/images> (дата обращения: 13.12.2020).

²²Там же. Д. 74. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/13305/childs> (дата обращения: 13.12.2020).

²³Там же. Д. 82. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57463/images> (дата обращения: 14.12.2020).

²⁴Там же. Д. 76. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57349/images> (дата обращения: 13.12.2020).

²⁵Там же. Д. 82. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57463/images> (дата обращения: 14.12.2020).

шы план у парадку дня палітбюро стаў выходзіць міжнародны аспект польска-савецкай вайны. На пасяджэнні 22 чэрвеня абмяркоўвалася пытанне аб палітыцы ў дачыненні да Усходняй Галіцыі. Палітбюро пагадзілася з пазіцыяй Г. Чычэрына, які адзначыў, што, нягледзячы на аптымістычныя заявы галіцыйскіх камуністаў, трэба асцярожна ставіцца да пытання саветызацыі Галіцыі і ўключэння яе «ў межы нашай улады»²⁶. У ходзе абмеркавання пытання аб прапанове міру Румыніі 29 чэрвеня была выказана думка, што ад новага польскага ўрада П. Грабскага можна чакаць мірных прапаноў, таму трэба адкласці пытанне міру з Румыніяй²⁷.

Ліпеньскі 1920 г. пленум ЦК РКП(б) прыняў рашэнні, якія ставілі задачу саветызацыі Польшчы. Як адзначае расійскі гісторык В. Зубачэўскі, гэта быў паварот савецкага кіраўніцтва ад рэальнай палітыкі да рэвалюцыйнай геапалітыкі [7, с. 170–171]. Дадзены паварот знайшоў сваё адлюстраванне і ў рашэннях палітбюро, якое 23 ліпеня паставіла стварыць Польскі рэўкам. На гэтым жа пасяджэнні было абмеркавана пытанне аб пачатку мірных перамоў з Польшчай. Г. Чычэрын мусіў давесці да польскага ўрада, што РСФСР згодная выслаць сваіх упаўнаважаных для сустрэчы з прадстаўнікамі Польшчы для пачатку перамоў. Наркаму замежных спраў таксама даручалася сфарміраваць камісію для выпрацоўкі дырэктывы прадстаўнікам фронту для іх першапачатковых перамоў з палякамі і выпрацоўкі «нашых мірных патрабаванняў у дачыненні да Польшчы»²⁸. Як бачна, меліся на ўвазе не мірныя «прапановы», а «патрабаванні». Гэта адлюстроўвала падыход бальшавікоў да перагавораў з Польшчай ва ўмовах паспяховага наступлення Чырвонай арміі.

Далей пытанне перагавораў з Польшчай займала адно з цэнтральных месцаў у працы палітбюро. Так, 27 ліпеня быў адобраны план раздзяліць перамовы з Польшчай на «дзве сесіі». Прычым другую сесію, на якой мусілі абмяркоўвацца пытанні папярэдняга міру, а не перамір'я, планавалася пачаць 4 жніўня. Старшынёй савецкай дэлегацыі на перамовах прызначаўся К. Данішэўскі. Палітбюро выказалася за ўключэнне ў праект мірнага дагавора з Польшчай пункта аб надзяленні польскіх сялян зямлёй за кошт памешчыкаў²⁹. Прадстаўлены праект мірнага дагавора з Польшчай быў зацверджаны Г. Чычэрыным 31 ліпеня. У цэлым яго распрацаваў РВС Рэспублікі. Наркам замежных спраў унёс у праект некаторыя змены. Умовы міру, зацверджаныя палітбюро, павінны былі зрабіць Польшчу без-

абароннай перад Савецкай Расіяй, пазбавіць яе суверэнітэту, адкрыць шлях для саветызацыі³⁰. За дзень да гэтага для выканання рашэння палітбюро ў Беластоку быў створаны Польскі рэўкам, які сімвалізаваў курс бальшавікоў на саветызацыю Польшчы. Яго стварэнне разам з зацверджанымі палітбюро абсалютна непрымальнымі для Польшчы ўмовамі міру ставяць пад сумненне імкненне савецкага кіраўніцтва да мірнага вырашэння польска-савецкага супрацьстаяння ў той момант.

Паражэнне Чырвонай арміі ў Варшаўскай бітве прымусіла палітбюро заняцца выпрацоўкай мер па ўмацаванні заходняга фронту. Гэта пытанне было абмеркавана 19 жніўня. Палітбюро паставіла правесці новую мабілізацыю камуністаў, а таксама «прыняць узмоцненыя меры для паскарэння агульнай мабілізацыі беларусаў». Рашэнне аб мабілізацыі сведчыць пра тое, што заходні фронт пачынаў адыходзіць для бальшавікоў на другі план, а галоўную ўвагу яны надавалі барацьбе з Урангелем. Менавіта на паўднёвы фронт планавалася накіраваць 55 % мабілізаваных камуністаў³¹.

У рашэннях палітбюро ад 25 жніўня ўжо абзначыўся адыход ад выстаўленых Польшчы надзвычай цяжкіх умоў міру. Гэта рашэнне кіраўніцтва бальшавіцкай партыі адлюстроўвае асэнсаванне ім вынікаў Варшаўскай бітвы. У адпаведнасці з прынятым рашэннем К. Данішэўскі павінен быў заявіць палякам не толькі «аб неўльтыматыўнасці» патрабаванняў савецкага боку, але і «аб адмове ад узбраення рабочых»³². Палітбюро 26 жніўня заслухала даклад К. Радэка, які быў адкліканы з Мінска³³. Пасля гэтага на пасяджэнні 1 верасня палітбюро пацвердзіла курс на адыход ад першапачатковай жорсткай пазіцыі на перамовах з Польшчай. Было прынята рашэнне перайсці да палітыкі «згодніцкага міру» з ёй. Для ажыццяўлення новай лініі на мірных перамовах мяняўся склад савецкай дэлегацыі. З яго выводзіўся К. Данішэўскі, старшынёй дэлегацыі прызначаўся А. Іофе. Савецкае кіраўніцтва пагадзілася перанесці перамовы ў Рыгу [13, с. 89].

Сам ход перамоў з Польшчай у Рызе не часта становіўся прадметам абмеркавання палітбюро. Калі ж гэта адбывалася, то закраналася перш за ўсё пытанне аб будучай мяжы. Палітбюро 2 кастрычніка прыняло рашэнне «згадзіцца на лінію, якая аддае Польшчы чыгунку Ліда – Баранавічы, пры ўмове, што мір (і перамір'е) будзе падпісаны ў самы кароткі тэрмін (3 дні прыкладна)» [14, с. 396–397].

²⁶РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 90 [Электронный ресурс]. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57614/images> (дата обращения: 14.12.2020).

²⁷Там же. Д. 92. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57647> (дата обращения: 14.12.2020).

²⁸Там же. Д. 96. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57706/images> (дата обращения: 14.12.2020).

²⁹Там же. Д. 97. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57710/images> (дата обращения: 14.12.2020).

³⁰Там же. Д. 99. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57727/images> (дата обращения: 14.12.2020).

³¹Там же. Д. 103. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57759/images> (дата обращения: 14.12.2020).

³²Там же. Д. 104. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57784/images> (дата обращения: 14.12.2020).

³³Там же. Д. 105. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57786/images> (дата обращения: 15.12.2020).

Да пытання мяжы з Польшчай палітбюро вярнулася 4 кастрычніка. Гэта было звязана з тым, што палякі ўдакладнілі сваю пазіцыю адносна лініі граніцы. Быў прыняты падрыхтаваны У. Леніным праект пастановы, якая дазваляла А. Іофе прыняць новыя польскія прапановы пры ўмове, што мір падпішуць на працягу 3–4 дзён [15, с. 145]. Ужо 9 кастрычніка было вырашана дазволіць А. Іофе прыняць дадатковыя патрабаванні палякаў, калі прэлімінары мір будзе падпісаны неадкладна. Такім чынам, савецкае кіраўніцтва дэманстравала імкненне як мага хутэй заключыць папярэдні мір з Польшчай, каб вызваліць сілы для барацьбы з Урангелем. Для гэтага яно пагаджалася на значныя тэрытарыяльныя ўступкі. З другога боку, з матэрыялаў пасяджэння палітбюро вынікае, што савецкае кіраўніцтва на той час яшчэ не адмовілася ад ідэі саветызацыі Польшчы. Пра гэта сведчыць рашэнне «прыняць самыя энергічныя меры для аднаўлення ва ўсім аб'ёме работы Польскага бюро ў фарміруемай польскай Чырвонай арміі»³⁴. Праўда, 14 кастрычніка гэта сваё рашэнне палітбюро адмяніла³⁵.

У пратаколах палітбюро не знайшло адлюстравання пытанне аб удзеле ССРБ у перамовах, у прыватнасці аб ролі А. Чарвякова на мірнай канферэнцыі ў час яго знаходжання ў Рызе.

Палітбюро звярнулася да праблем польска-савецкіх адносін 5 лістапада ў сувязі з набліжэннем пачатку перагавораў аб канчатковых умовах міру. Планавалася «ўзмацніць дыпламатычную і агітацыйную кампанію супраць спроб крайняга мілітарысцкага польскага крыла сарваць мір з Расіяй падтрымкай Пятлюры, Савінкава, Балаховіча». У сувязі з запланаваным аднаўленнем перамоў з палякамі актуалізавалася пытанне аб межах ССРБ. Было прынята рашэнне даручыць наркамнацу і ЦБ КП(б)Б прадставіць прапановы адносна тэрыторыі Беларусі ў ЦК РКП(б)³⁶. А 18 лістапада палітбюро зацвердзіла рашэнне нарады па беларускім пытанні³⁷. Дадзеная нарада з удзелам прадстаўнікоў Савецкай Беларусі адбылася напружана, і на ёй сцвярджалася нясвоечасовасць пастаноўкі пытання аб павелічэнні тэрыторыі ССРБ за кошт вяртання ў яе склад усходніх беларускіх тэрыторый. Пазіцыя Палітбюро ЦК РКП(б) па гэтай праблеме супадала з пазіцыяй ЦБ КП(б)Б, якое на сваім пасяджэнні 11 лістапада 1920 г. паставіла «пытанне аб пашырэнні тэрыторыі Беларусі лічыць нясвоечасовым» [16, с. 230].

Палітбюро 24 лістапада абмеркавала пытанне, якое непасрэдна закранала інтарэсы Беларусі. Яно датычылася так званага польскага калідора. Мелася на ўвазе тэрыторыя на паўночным усходзе Беларусі, якая ў адпаведнасці з прэлімінарным дагаворам адыходзіла да Польшчы. У выніку ўстанаўлівалася агульная мяжа з Латвіяй, а Расія адрозналася ад Літвы. У бальшавіцкага кіраўніцтва з'явілася ідэя прапанаваць палякам адмовіцца ад калідора ў абмен на тэрытарыяльныя ўступкі ў іншых месцах. Г. Чычэрыну, Л. Троцкаму і Х. Ракоўскаму даручалася падрыхтаваць канкрэтныя прапановы³⁸. У далейшым план тэрытарыяльнага абмену быў адхілены.

Прапановы Г. Чычэрына адносна вядзення перамоў з Польшчай палітбюро прыняло 27 лістапада. Было вырашана надаць дэлегацыі ў Рызе паўнамоцтвы самастойна дамовіцца з палякамі аб далейшым ходзе перамоў, а затым і аб даце падпісання мірнага дагавора. Пры гэтым савецкая дэлегацыя павінна была адмовіцца ад абмеркавання польскай прапановы аб гарантыях выканання дагавора³⁹. У сярэдзіне снежня ў расійскіх дыпламатычных колах актыўна абмяркоўвалася пытанне аб удзеле прадстаўнікоў ССРБ у перамовах у Рызе [4, с. 31]. Але ў пратаколах пасяджэнняў палітбюро гэта пытанне не адлюстравана.

У вопісе 3 фонду 17 Расійскага дзяржаўнага архіва сацыяльна-палітычнай гісторыі зафіксаваны 121 пратакол за 1920 г. У 26 з іх адлюстраваны пытанні, якія датычыліся польска-савецкай вайны. Лічбы сведчаць пра тое, што і на новым этапе гэтага канфлікту, у тым ліку і ў час падрыхтоўкі прэлімінарнага мірнага дагавора, тэматыка польска-савецкіх адносін не так часта станаўлілася прадметам абмеркавання на пасяджэннях палітбюро.

На перамовах аб канчатковым міры, якія пачаліся 17 лістапада 1920 г., важнае значэнне набылі пытанні матэрыяльных прэтэнзій Польшчы да Савецкай Расіі. Палітбюро 14 лютага прыняло рашэнне аб уступках Польшчы ў плане замены часткі канцэсій выплатай 15 млн руб. золатам. Таксама палітбюро палічыла неабходным выкупіць маёмасць эвакуіраваных на тэрыторыю Расіі польскіх навучальных устаноў. Найбольш каштоўную культурную маёмасць планавалася не вяртаць Польшчы, а замяніць золатам⁴⁰. Але ў цэлым у пачатку 1921 г. пытанне перамоў у Рызе вельмі рэдка абмяркоўвалася на пасяджэннях палітбюро.

³⁴РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 113 [Электронный ресурс]. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57894/images> (дата обращения: 15.12.2020).

³⁵Там же. Д. 115. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57917/images> (дата обращения: 15.12.2020).

³⁶Там же. Д. 120. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57975/images> (дата обращения: 15.12.2020).

³⁷Там же. Д. 122. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/57995/images> (дата обращения: 15.12.2020).

³⁸Там же. Д. 124. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/58004/images> (дата обращения: 15.12.2020).

³⁹Там же. Д. 108. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/14664/images> (дата обращения: 16.12.2020).

⁴⁰Там же. Д. 132. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/58117> (дата обращения: 10.02.2018).

Заклучэнне

Падзеі польска-савецкай вайны і мірных перамоў, якія яе завяршылі, не сталі ключавымі ў дзейнасці Палітбюро ЦК РКП(б). Асабліва выразна гэта праявілася ў 1919 г., калі польскі фронт для бальшавікоў, відавочна, меў другараднае значэнне. У 1920 г. увага да пытанняў, звязаных з польска-савецкай вайной, прыкметна ўзрасла. Але ўсё роўна толькі прыкладна пятая частка пратаколаў пасяджэнняў палітбюро ўтрымлівае звесткі аб абмеркаванні ўказанай праблематыкі. Пры гэтым можна адзначыць два ўсплескі актыўнасці палітбюро ў плане разгляду гэтых пытанняў. Першы прыйшоўся на канец красавіка – пачатак мая 1920 г. і быў звязаны з польскім наступленнем на украінскіх землях. У цэнтры ўвагі палітбюро аказаліся пытанні арганізацыі адпору польскаму наступленню. Другі перыяд прыпаў на час мірных перамоў у канцы жніўня – пачатку кастрычніка 1920 г.

З пункта гледжання тэматыкі пераважалі пытанні вядзення прапагандысцкай работы на польскім фронце, яго кадравага ўмацавання партыйнымі работнікамі і рабочымі. Таксама актуальнымі для палітбюро былі пытанні мірных перамоў з Польшчай. Параўнанне тых рашэнняў, якія па дадзеных пытаннях прымаўся палітбюро, з крокамі савецкай дыпламатыі дазваляе пацвердзіць выснову, што менавіта гэты партыйны орган вызначаў стратэгічную лінію савецкай знешняй палітыкі, а часта прымаў рашэнні і па прыватных, але важных пытаннях польска-савецкіх адносін у разглядаемы час. У пратаколах палітбюро прадстаўлена і беларускае пытанне. Яно разглядаецца вышэйшым кіраўніцтвам бальшавіцкай партыі чыста ўтылітарна, як інструмент дасягнення мэт Савецкай Расіі ў яе ваенным і дыпламатычным супрацьстаянні з Польшчай.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Матвеев ГФ. *Пилсудский*. Москва: Молодая гвардия; 2008. 474 с.
2. Короткова ДА. *Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг.* Москва: Центрполиграф; 2019. 222 с. (Новейшие исследования по истории России).
3. Михутина ИВ. *Польско-советская война 1919–1920 гг.* Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН; 1994. 323 с.
4. Snapkouski UE. *Шлях скрозь стагоддз: беларуска-польскія адносіны 1918–2017 гг.* Мінск: БДУ; 2017. 287 с.
5. Лазько РР. *Беларуска-савецкія перагаворы 1920 г.* W: Michaluk D, redaktor. *Białoruś w XX stuleciu. W kręgu kultury i polityki*. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika; 2007. s. 225–337.
6. Бароўская ВМ. *Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах 1918–1921 гг.* Мінск: Беларуская навука; 2017. 269 с.
7. Зубачевский ВА. *Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект*. Омск: Омский государственный педагогический университет; 2018. 396 с.
8. Коваленя АА, Данилович ВВ, Боровская ОН, Вабищевич АН, Валаханович ИА, Великий АФ и др., редакторы. *Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. Книга 1*. Минск: Беларуская навука; 2014. 595 с.
9. Snapkouski UE, рэдактар. *Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991). Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Том 1, частка 2*. Мінск: Юніпак; 2008. 540 с.
10. Мельтюхов МИ. *17 сентября 1939. Советско-польские конфликты, 1918–1939*. Москва: Вече; 2009. 624 с.
11. Торкунов АВ, Ротфельд АД, редакторы. *Белые пятна – черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях*. Москва: Аспект Пресс; 2010. 823 с.
12. Краснов ВГ, Дайнес ВО. *Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт. Документы. Мнения. Размышления*. Москва: Олма-Пресс; 2000. 510 с.
13. Костюшко ИИ, редактор. *Польско-советская война, 1919–1920 (ранее не опубликованные документы и материалы). Часть 1*. Москва: Институт славяноведения и балканистики; 1994. 212 с.
14. Амиантов ЮН, Ахапкин ЮА, Логинов ВТ, составители. *В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг.* Москва: РОССПЭН; 2000. 607 с.
15. Ольшанский ПН. *Рижский мир. Из истории борьбы советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 г.)*. Москва: Наука; 1969. 262 с.
16. Snapkouski UE, рэдактар. *Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991). Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Том 1, частка 2*. Мінск: Юніпак; 2008. 394 с.

References

1. Matveev GF. *Pilsudskii* [Pilsudski]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2008. 474 p. Russian.
2. Korotkova DA. *Belorusskie zemli v sovetsko-pol'skikh otnosheniyakh. Razmennaya karta v protivostoyanii dvukh derzhav. 1918–1921 gg.* [Belarusian lands in Soviet-Polish relations. A bargaining chip in the confrontation between two powers in 1918–1921]. Moscow: Tsentrpoligraf; 2019. 222 p. (Noveishie issledovaniya po istorii Rossii). Russian.
3. Mikhutina IV. *Pol'sko-sovetskaya voina 1919–1920 gg.* [Polish-Soviet War, 1919–1920]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies, Russian Academy of Sciences; 1994. 323 p. Russian.
4. Snapkowski UE. *Shljah skroz' stagoddze: belarуска-pol'skija adnosiny 1918–2017 gg.* [Way through the centuries: Belarusian-Polish relations, 1918–2017]. Minsk: Belarusian State University; 2017. 287 p. Belarusian.

5. Laz'ko RR. [Belarusian-Soviet negotiations of 1920]. W: Michaluk D, redaktor. *Białoruś w XX stuleciu. W kręgu kultury i polityki*. Toruń: Nicolaus Copernicus University; 2007. p. 225–337. Belarusian.
6. Barowskaja VM. *Belaruskae pytanne na savecka-pol'skikh peragavorah 1918–1921 gg.* [Belarusian question at the Soviet-Polish negotiations of 1918–1921]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2017. 269 p. Belarusian.
7. Zubachevskii VA. *Politika Rossii v Tsentral'no-Vostochnoi Evrope (pervaya tret' XX veka): geopoliticheskii aspekt* [Russian policy in Central and Eastern Europe (first third of the 20th century): a geopolitical aspect]. Omsk: Omsk State Pedagogical University; 2018. 396 p. Russian.
8. Kovalenya AA, Danilovich VV, Borovskaya ON, Vabishchevich AN, Valakhanovich IA, Velikii AF, et al., editors. *Rizhskii mir v sud'be belorusskogo naroda. 1921–1953 gg. Kniga 1* [The peace of Riga in the fate of Belarusian people. 1921–1953. Book 1]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2014. 593 p. Russian.
9. Snapkouski UE, editor. *Belarus' u palitycy susednih i zahodnih dzjarzhaw (1914–1991). Zbornik dokumentaw i matjeryja-law. Tom 1, chastka 2* [Belarus in the politics of neighboring and western states (1914–1991). A collection of documents and materials. Volume 1, part 2]. Minsk: Junipak; 2008. 540 p. Belarusian.
10. Meltyukhov MI. *17 sentyabrya 1939. Sovetsko-pol'skie konflikty, 1918–1939* [1939 September 17. Soviet-Polish conflicts, 1918–1939]. Moscow: Veche; 2009. 624 p. Russian.
11. Torkunov AV, Rotfeld AD, editors. *Belye pyatna – chyornye pyatna: slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniyakh* [White spots – black spots: complex issues in Russian-Polish relations: scientific publication]. Moscow: Aspekt Press; 2010. 823 p. Russian.
12. Krasnov VG, Dines VO. *Neizvestnyi Trotskii. Krasnyi Bonapart. Dokumenty. Mneniya. Razmyshleniya* [Unknown Trotsky. Red Bonaparte. Documents. Opinions. Reflections]. Moscow: Olma-Press; 2000. 510 p. Russian.
13. Kostyushko II, editor. *Pol'sko-sovetskaya voina, 1919–1920 (ranee ne opublikovannye dokumenty i materialy). Chast' 1* [Polish-Soviet War, 1919–1920 (previously unpublished documents and materials). Part 1]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies, Russian Academy of Sciences; 1994. 212 p. Russian.
14. Amiantov YuN, Akhapkin YuA, Loginov VT, compilers. *V. I. Lenin. Neizvestnye dokumenty. 1891–1922 gg.* [V. I. Lenin. Unknown documents. 1891–1922]. Moscow: ROSSPEN; 2000. 607 p. Russian.
15. Olshanskii PN. *Rizhskii mir. Iz istorii bor'by sovetskogo pravitel'stva za ustanovlenie mirnykh otnoshenii s Pol'shei (konets 1918 – mart 1921 g.)* [Riga Treaty. From the history of the Soviet government's struggle to establish peaceful relations with Poland (late 1918 – March 1921)]. Moscow: Nauka; 1969. 262 p. Russian.
16. Snapkouski UE, editor. *Belarus' u palitycy susednih i zahodnih dzjarzhaw (1914–1991). Zbornik dokumentaw i matjeryja-law* [Belarus in the politics of neighboring and western states (1914–1991). A collection of documents and materials. Volume 1, part 2]. Minsk: Junipak; 2008. 394 p. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 18.01.2021.
Received by editorial board 18.01.2021.

УДК 930:327.5((47+57)+438)«1919-1920»:327((47+57)+438)(094.2)«1921»:930:329.15(47+57)

ВЛИЯНИЕ РИЖСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА НА СУДЬБЫ БЕЛОРУССКИХ АРХИВОВ

М. Ф. ШУМЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследована история выработки основных положений XI статьи Рижского мирного договора, регламентировавшей размежевание архивов между договаривавшимися сторонами. Они были крайне неблагоприятно сформулированы для белорусско-российско-украинской стороны как по причине поражения Красной армии в польско-советской войне, так и ввиду возникших в России внутренних проблем, важнейшей среди которых являлось восстание в Кронштадте в феврале – марте 1921 г. Выявлена роль будущего первого ректора БГУ В. И. Пичеты, работавшего главным инспектором Главархива РСФСР и принимавшего осенью 1920 г. в качестве эксперта участие в мирных переговорах в Риге. Сделан вывод о том, что в ходе реализации положений XI статьи договора белорусские архивы понесли значительные утраты. Этим объясняется имевший место «архивный саботаж», суть которого заключалась в показе польской стороне как несуществующих тех или иных архивных комплексов, подлежавших по условиям договора передаче Польше.

Ключевые слова: польско-советская война; Рижский мирный договор; XI статья; Главархив РСФСР; белорусские архивы; В. И. Пичета; «архивный саботаж».

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения задания государственных программ научных исследований на 2021–2025 гг.

УПЛЫЎ РЫЖСКАГА МІРНАГА ДАГАВОРА НА ЛЁС БЕЛАРУСКІХ АРХІВАЎ

М. Ф. ШУМЕЙКА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследавана гісторыя распрацоўкі асноўных палажэнняў XI артыкула Рыжскага мірнага дагавора, які рэгламентаваў размежаванне архіваў паміж бакамі. Яны былі вельмі неспрыяльна сфармуляваны для беларуска-расійска-украінскага боку як па прычыне паражэння Чырвонай арміі ў польска-савецкай вайне, так і ў выніку ўзнікшых у Расіі ўнутраных праблем, найважнейшай сярод якіх было паўстанне ў Кранштаце ў лютым – сакавіку 1921 г. Выяўлена роля будучага першага рэктара БДУ У. І. Пічэты, які працаваў галоўным інспектарам Галоўархіва РСФСР і прымаў увосень 1920 г. у якасці эксперта ўдзел у мірных перамовах у Рызе. Зроблены вывад аб тым, што пры рэалізацыі палажэнняў XI артыкула дагавора беларускія архівы панеслі значныя страты. Гэтым тлумачыцца «архіўны сабатаж», сутнасць якога заключалася ў паказе польскаму боку як неіснуючых тых ці іншых архіўных комплексаў, якія па ўмовах дагавора падлягалі перадачы Польшчы.

Ключавыя словы: польска-савецкая вайна; Рыжскі мірны дагавор; XI артыкул; Галоўархіў РСФСР; беларускія архівы; У. І. Пічэта; «архіўны сабатаж».

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны ў рамках выканання задання дзяржаўных праграм навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг.

Образец цитирования:

Шумейко МФ. Влияние Рижского мирного договора на судьбы белорусских архивов. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2021;2:17–28. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-17-28>

For citation:

Shumeiko MF. Influence of the Riga Peace Treaty on the fate of the Belarusian archives. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;2:17–28. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-17-28>

Автор:

Михаил Федорович Шумейко – кандидат исторических наук, доцент; профессор кафедры источниковедения исторического факультета.

Author:

Michail F. Shumeiko, PhD (history), docent; professor at the department of source studies, faculty of history. jesti@inbox.ru

INFLUENCE OF THE RIGA PEACE TREATY ON THE FATE OF THE BELARUSIAN ARCHIVES

M. F. SHUMEIKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The author investigated the history of the development of the main provisions of the XI article of the Riga Peace Treaty, which regulated the delimitation of archives between the contracting parties. They were extremely unfavourably formulated for the Belarusian-Russian-Ukrainian side both because of the defeat of the Red Army in the Polish-Soviet war, and because of the internal problems that arose in Russia, the most important of which was the uprising in Kronstadt in February – March 1921. This article reveals the role of the future first rector of the Belarusian State University V. I. Picheta, who worked as the chief inspector of the Glavarchive of the RSFSR and took part in the peace negotiations in Riga in the fall of 1920 as an expert. The author comes to the conclusion that in the course of the implementation of the provisions of the XI article of the treaty, the Belarusian archives suffered significant losses. This explains the so-called «archival sabotage» that took place, the essence of which was to show the Polish side as non-existent certain archival complexes that were subject to transfer to Poland under the terms of the treaty.

Keywords: Polish-Soviet war; Riga Peace Treaty; XI article; Glavarchive of the RSFSR; Belarusian archives; V. I. Picheta; «archival sabotage».

Acknowledgements. The article was prepared as part of the implementation of the task of state programs of scientific research for 2021–2025.

Введение

Белорусские историки, занимающиеся изучением подписанного 18 марта 1921 г. в Риге мирного договора, положившего конец польско-советской войне, преимущественное внимание уделяют выяснению его влияния на решение белорусского вопроса. И это вполне понятно, поскольку белорусское государство находилось в запутанной политической ситуации, которая во многом была обусловлена его непростыми отношениями с западными, восточными, северными и южными соседями.

Появилось значительное количество источников по данному вопросу. В одном из последних по времени появления издания [1] приводится обзор литературы по теме. В этом издании, прав-

да, не так много места отведено анализу не только территориальных потерь, понесенных республикой в результате заключенного договора, но и утрат ее культурного наследия, и прежде всего архивного. Задачей настоящей статьи является восполнить данный пробел, существующий в отечественной историографии. На наш взгляд, это важно сделать еще и по причине тройного столетнего юбилея применительно как к событию, о котором идет речь в статье, так и к учреждениям и организациям, причастным к нему (в октябре нынешнего года столетний юбилей отмечает Белорусский государственный университет, а в сентябре будущего – Государственная архивная служба Беларуси).

Основная часть

Несмотря на вышеотмеченную ограниченность литературы по предмету исследования, стоит отметить ряд работ, в которых присутствуют интересующие нас сюжеты. Автором одной из первых публикаций на эту тему был непосредственный участник событий – В. И. Пичета (1878–1947), ставший летом 1921 г. ректором Белорусского государственного университета. Первым его публичным выступлением стал доклад о чрезмерных притязаниях представителей польского правительства в смешанной комиссии по реализации Рижского мирного договора, с которым он выступил на заседании Совета БГУ в годовщину подписания договора – 18 марта 1922 г. Принятое по докладу решение Совета БГУ под названием «Протест» было опубликовано в первом номере издания «Труды Белорусского го-

сударственного университета в Минске», начавшего выходить в 1922 г. Обращает на себя внимание корректность формулировок документа, несмотря на «протестное» название его публикации: «...признавая по существу, что интересы польского народа, пострадавшего от совершенного над ним в 18-м веке насилия, должны быть удовлетворены, одновременно с этим единогласно протестуем против домогательств представителей польского правительства на выдачу таких культурных ценностей, которые хотя и были вывезены из Польши, но в настоящее время являются достоянием всемирной культуры (п. 7-й статьи XI Рижского договора) или по своему составу и языку представляют основные источники и памятники не польского происхождения и имеют ближайшее отношение к истории

и культуре белорусского и других народов, ныне в своей значительной части не входящих в состав Польского государства» [2, с. 209].

В этом же году в издававшемся в Берлине библиографическом журнале «Новая русская книга» увидела свет статья А. Ф. Изюмова «Культурные сокровища России и требования Польши». Работавший в 1918–1922 гг. в Главархиве А. Ф. Изюмов, так же как и В. И. Пичета, принимал участие в заседаниях смешанной комиссии по реализации Рижского мирного договора, а до этого замещал В. И. Пичету на период поездки того в Ригу в сентябре – октябре 1920 г. По решению коллегии ГПУ от 25 августа 1922 г. А. Ф. Изюмов, как член партии кадетов, затем народной социалистической партии, выслан из советской России на печально знаменитом «философском пароходе». Перед отъездом он пообещал выполнить просьбу заместителя директора Российской публичной библиотеки А. И. Браудо – поведать европейской общественности о завышенных польских требованиях. «Его просьбу я выполнил, – писал Изюмов, – так как и сам видел чрезмерность польских требований. Свою статью “Культурные ценности (sic! – М. Ш.) России и [требования] Польши” я сознательно поместил в “Новой русской книге” (№ 9, 1922), издававшейся проф. А. С. Яшенко. В Россию тогда свободно проходило это издание. Копии статьи я разослал в газеты и некоторым видным ученым» [3].

А. Ф. Изюмов, как и В. И. Пичета, обращал внимание на то, что польская сторона очень неохотно прибегала к 7-му пункту XI статьи договора, не допускавшему дробления сложившихся и приобретших мировую известность архивных, музейных, библиотечных фондов. «Мне пришлось работать совместно с поляками по выполнению Рижского договора в качестве эксперта по архивной части почти год (с декабря 1921 г. по сентябрь 1922 г.), – писал он, – и впечатления от заседаний специальной смешанной комиссии были всегда очень тяжелыми. Поляки во всех вопросах проявляют упорное нежелание считаться с интересами культуры в целом и во имя собирания якобы остатков старой Польши готовы разрушить культурные собрания, которые давно систематизированы и сделались достоянием мировой культуры» [4, с. 27–28].

Автор обращался к европейскому научному обществу с призывом повлиять на поляков, «чтобы они умерили свои требования и отказались от разрушения культурных сокровищниц мирового значения». Констатируя пока что сохранявшееся совпадение мнения советского правительства с мнением ученой экспертизы, А. Ф. Изюмов справедливо полагал: «Остается опасность, что к чисто научным соображениям будет применено дипломатическое решение, совершенно не отвечающее научным интересам» [4, с. 28]. И как покажут дальнейшие события, его опасения во многом подтвердились.

Укажем также на доклад В. И. Пичеты «Влияние договоров РСФСР с отделившимися государствами (Польшей, Литвой и Латвией) на состояние белорусских архивов», с которым он выступил на Первой Всебелорусской конференции архивных работников, состоявшейся 12–15 мая 1924 г. в Минске. В отличие от его доклада на заседании Совета БГУ об этом выступлении станет известно научной общественности лишь через 75 лет [5, с. 34–36]. Анализ содержания доклада дает основание утверждать, что В. И. Пичета предпринимал попытки сформулировать некоторые положения международного архивного права, хотя порой докладчик не мог сохранять беспристрастность. Он отмечал крайне неблагоприятно сформулированную для советской стороны XI статью договора, точное соблюдение которой приводило к выдаче многих белорусских архивов Польше. Докладчик подчеркивал, что яблоком раздора выступал архив великокняжеской канцелярии – Литовская метрика, на которую одновременно с поляками претендовали и литовцы. (Напомним, что договор РСФСР с Литовской Республикой был заключен еще до Рижского мирного договора, а именно 12 июля 1920 г.) Не отрицая наличия в Литовской метрике значительного количества документов, связанных своим происхождением с западной Беларусью, а потому подлежащих передаче Польше, В. И. Пичета тем не менее полагал, что архив великокняжеской канцелярии должен остаться в пределах СССР. И он заверил участников конференции, что при современных условиях выдача Литовской метрики не произойдет, чем заслужил признательность с их стороны.

В опубликованной в трех номерах журнала «Полымя» за 1928 г. статье «Польска-савецкія адносіны і Ружскі мір», которую позже автор называл «единственной работой об этой конференции» [6, с. 42], В. И. Пичета, изложив российско-польские отношения начиная с Первой мировой войны, заключительный, пятый раздел посвятил мирным переговорам в Риге, в которых сам принимал участие в качестве «консультанта по вопросам этнографии и культуры Белоруссии и по различным вопросам, связанным с проведением границ» [6, с. 42]. Заметим, что В. И. Пичета был еще и секретарем созданной при НКВД РСФСР комиссии по обработке и подготовке материалов для ведения мирных переговоров с поляками. В ее состав входили видные ученые – географ Д. Н. Анучин, этнограф Н. А. Янчук, историк М. К. Любавский и др.

Будучи опытным практиком-архивистом (занимал в Главархиве РСФСР должность главного инспектора), а также знатоком международного архивного права, В. И. Пичета обращал в статье внимание на широкое использование польскими экспертами в своих обоснованиях исторических прецедентов начиная с 1815 г., когда после Венского конгресса Франция обязывалась вернуть вывезенные из разных стран культурные ценности. В противоположность

им, как подчеркивал автор, советские эксперты делали акцент на важности сохранения исторически сложившихся и уже ставших достоянием мировой культуры комплексов, архивных, книжных или музейных, и потому не подлежавших разъединению. В торжественно подписанном 12 октября 1920 г. прелиминарном мирном договоре, как отмечал, завершая статью, В. И. Пичета, «было адзначана, што будзе ўстаноўлена абавязацельства вярнуць Польшчы архівы, бібліятэкі, рэчы мастацтва, ваенна-гістарычныя трофеі, помнікі старасьветчыны ды іншыя рэчы культурнага багацьця, вывезеныя з Польшчы ў Расію з часоў падзелу Польшчы» [7, с. 146].

В докладе «25-летие создания Белорусской ССР», сделанном 6 января 1944 г. на заседании сектора истории советского общества Института истории АН СССР и носившем преимущественно характер воспоминаний, В. И. Пичета не затрагивал архивную проблематику на рижских переговорах, предпочтя ей рассказ об установлении границ. При этом он ссылался на свою статью в «Полыме».

Некоторый всплеск интереса к архивно-реституционным вопросам наблюдается в начале 1990-х гг., что было обусловлено распадом СССР и возникшими в связи с этим проблемами использования общего архивного наследия. Побудительным мотивом к появлению статей российских и белорусских историков-архивистов, в которых упоминалось и о предыстории заключения Рижского мирного договора, и о его последствиях, стало подписание в Минске 14 февраля 1992 г. государствами – участниками СНГ так и не вступившего в силу Соглашения о возвращении культурных и исторических ценностей государствам их происхождения [8, с. 232–233], а 23 апреля 1992 г. в Минске были утверждены носившие рекомендательный характер предложения группы экспертов государств – участников СНГ для решения вопросов, связанных с правопреемством в отношении государственных архивов [9, с. 151–152]. В последних особое внимание исследователей привлек 3-й пункт, гласивший: «Все государства-участники имеют право на возвращение тех фондов, которые образовались на их территории, отражают их историю, и в разное время оказались за пределами их границ» [9, с. 151].

Откликом на минские февральско-апрельские события 1992 г. послужила статья одного из ведущих российских архивистов В. В. Цаплина «О праве собственности на архивные документы в дипломатических актах дореволюционной и советской России», которая, по мнению автора, должна была, опираясь на дореволюционный и советский опыт, помочь государствам СНГ найти наиболее целесообразные пути решения «проблемы международного архивного права и собственности на документы» [10, с. 20–26]. Проанализировав тексты «архивных статей» заключенных советской Россией в 1920–1921 гг. договоров,

включая и Рижский мирный договор, автор пришел к выводу, что советская сторона при передаче архивных документов придерживалась следующих принципов: территориального происхождения документов (провиненции); их «фактического содержания... независимо от местонахождения учреждения, в деятельности которых они образовались» (пертиненции, т. е. отношения); «недробимости фонда как исторически сложившегося комплекса документов». Статья В. В. Цаплина вызвала критическое замечание со стороны его коллеги, профессора Историко-архивного института РГГУ Е. В. Старостина, поставившего под сомнение вывод автора о том, что «только советские архивисты успешно разрешили вопросы распределения документов Российской империи между советскими республиками и буржуазными государственными образованиями, возникшими в ее границах» [11, с. 26–27].

По мнению Е. В. Старостина, документы по договорам с Польшей, Литвой, Латвией, Эстонией и Финляндией передавались в спешке, без должной научной экспертизы, при этом не все члены правительственной комиссии одобряли факты таких передач, что подтверждают хранящиеся в ЦГАОР и ЦГИА многочисленные источники. Одновременно, перебрасывая мостик из прошлого в настоящее и заглядывая в будущее, Е. В. Старостин подверг критике и составленный группой экспертов вышеупомянутый 3-й пункт предложений: «Сформулировав такую юридическую норму, участники не подозревают, что они заложили бомбу замедленного действия. И взрыв будет неминуем. Ясно, что не Россия предъявит претензии к соседям. Скорее наоборот. В этой связи статья В. В. Цаплина, поставившая в историческом плане вопрос о документах присоединенных, переданных и прочих территорий иностранных держав в дипломатических актах дореволюционной и советской России, приобретает не только узконаучный, но и политический интерес» [11, с. 26].

Через десять лет тот же автор вернулся к данной проблеме, выступив с докладом «Рижский мирный договор 1921 г.: проблемы “архивной реституции”» на Международной научной конференции «Архіви та краєзнавство: шляхи інтеграції» (Трускавець, 16–19 апреля 2003 г.) [12, с. 163–166]. Проанализировав, как и В. И. Пичета, российско-польские отношения в исторической ретроспективе, Е. В. Старостин обратился затем к ходу переговоров в Риге. «Историю этих переговоров, касающихся архивных материалов, – подчеркнул он, – можно восстановить в датах и лицах, поскольку в ГАРФ сохранились черновые записи протоколов заседаний комиссии, докладные записки, переписка, списки переданных фондов и т. п.» [12, с. 164]. Опираясь на эти источники, автор вновь опроверг утверждение В. В. Цаплина об «успешности» решения проблемы

архивной реституции в послереволюционной России и далее, уже с учетом тяжелой процедуры прохождения в конце 1990-х гг. Федерального закона «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации», сделал вывод: «Предстоит большая работа историков и архивистов, чтобы распутать старый клубок, показать шаг за шагом, как решалась эта сложная проблема между двумя славянскими странами, определить местонахождение и сохранность каждого исследуемого фонда в интересах российской и польской исторической науки» [12, с. 166].

В отличие от достаточно скромной белорусской и российской историографии по проблемам, связанным с выработкой и последующей реализацией XI статьи Рижского мирного договора, польские исследования по данной тематике представлены довольно значительно, начиная со статьи бывшего руководителя архивной подкомиссии в польской специальной комиссии Витольда Суходольского «Wykonanie art. XI Traktatu ryskiego w zakresie archiwów państwowych», помещенной в первом томе (1927) созданного по инициативе Станислава Пташицкого журнала «Archeion», главного продолжающегося издания польских архивистов. Информацию о них можно найти в разделе «Rewindykacja i repatriacja z Rosji Radzieckiej i ZSRR» первого тома двухтомного издания современного польского историка и архивиста Дариуша Мательского [13, s. 266–288].

Укажем лишь на одну статью, не вошедшую в обзор вышеназванной работы польского историка и архивиста. Это важно сделать, потому что ее автором является один из лучших знатоков международного архивного права, возглавлявших некоторое время архивную службу Польши; к тому же она основывалась на докладе, с которым автор выступал на Международной научно-теоретической конференции в Минске в декабре 1993 г. Речь идет о статье Владислава Степняка «Матэрыялы па гісторыі Беларусі ў складзе дакументаў Галоўнага архіва старажытных актаў у Варшаве». Автор констатирует, что, несмотря на удачно сформулированные для Польши положения XI статьи Рижского мирного договора как в части Литовской метрики, так и в части других архивных комплексов «бясспрэчна польскага паходжання», польская сторона не смогла использовать их. «Здарылася гэта ў сітуацыі, калі ў выніку правадзімай пасля Першай сусветнай вайны рэвіндыкацыі Архіў галоўны акт даўніх здолёў рэвіндыкаваць толькі Каронны архіў, і то не ўвесь. У Маскве засталіся кнігі рускіх спраў (валынскіх) Метрыкі Кароннай з 1569–1673 гг. у колькасці 29 архіўных адзінак, якія цяпер захоўваюцца ў Маскве, а таксама ў Архіве Сейму Чатырохгадовага (1788–1792 гг.) у колькасці 25 архіўных адзінак, якія

былі рэвіндыкаваны толькі ў 60-х гадах. У тую чаргу на ўсходніх тэрыторыях былой Рэчы Паспалітай, якія ўваходзяць цяпер у склад тэрыторый суверэнных дзяржаў (Літвы, Беларусі, Украіны), засталася шмат архіваў розных устаноў, у тым ліку тры дзяржаўныя архівы ў Вільні, Гродне і Львове» [14, с. 80–81].

И завершая историографический обзор, добавим к изданной в 1997 г. монографии автора настоящей статьи «Собрать рассеянное. О реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем» его же книгу «Исторические и правовые аспекты реституции белорусских архивов», вышедшую в 2013 г., в 4-й главе которой – «Первая мировая война, распад империй, образование независимых государств и проблемы архивной реституции» – исследуются как процесс выработки XI статьи Рижского мирного договора, так и последующее выполнение ее положений, а также опубликованную годом позже статью о В. И. Пичете как эксперте по архивам, в которой большое внимание уделяется участию ученого в подготовке и реализации архивной статьи договора [15, с. 68–85; 16, с. 14].

Источниками настоящего исследования послужили прежде всего сам текст Рижского мирного договора с его XI статьей и соответствующими приложениями [17, с. 629–632, 644–646], делопроизводственные документы о деятельности особой комиссии по выработке соглашения¹, делопроизводственные документы, связанные с передачей польской стороне архивных собраний из Беларуси², документы личного происхождения – документы лиц (В. И. Пичеты, С. Ф. Платонова, М. К. Любавского, С. К. Богоявленского, А. Ф. Изюмова и др.), имевших причастность к выработке проекта XI статьи Рижского мирного договора и последующей ее реализации [18; 19, с. 198–202; 20].

Для того чтобы понять логику действий договаривавшихся сторон, следует сказать несколько слов о предыстории выработки XI статьи. Как известно, через несколько дней после свержения самодержавия, 14 марта 1917 г., Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов опубликовал обращение «К польскому народу», в котором провозглашалось, что «Польша имеет право быть независимой в государственном и международном отношении» [21]. На следующий день Временное правительство утвердило Положение о Ликвидационной комиссии по делам царства Польского, согласно которому комиссия должна была провести «выявление местонахождения и состояния имущества государственных и общественных учреждений царства Польского, определение условий хранения и заведования ими впредь до передачи их польскому государству» [22].

Стремление использовать польских легионеров, в частности создаваемый Ю. Довбор-Мусницким польский корпус, в борьбе против немецких войск

¹Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 223 ; Там же. Д. 292.

²Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 393 ; Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 365 ; Там же. Оп. 249. Д. 1 ; Там же. Оп. 4. Д. 6.

привело к тому, что военный министр демократической России А. И. Гучков по просьбе поляков издал в апреле 1917 г. распоряжение о передаче им из Оружейной палаты Московского Кремля польских знамен, взятых царскими войсками при подавлении восстания 1830 г. Оно вызвало возражение со стороны Комиссии по приемке и учету дворцового имущества, полагавшей, что этим может быть создан прецедент, согласно которому можно будет вернуть и другие трофеи, изъятые российскими войсками. Тем не менее знамена и штандарты были переданы в апреле 1917 г. полякам, но с оговоркой, что они взяты не в сражениях (следовательно, не являются военными трофеями), а из варшавских музеев.

25 января 1918 г. уже руководитель советского правительства В. И. Ленин по требованию польской стороны подписывает декрет «Об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу», в котором говорилось буквально следующее: «Предметы старины и искусства, библиотеки, архивы, картины и вообще музейные предметы, где бы они ни находились, принимаются как национальная собственность польского народа под охрану власти рабочего и крестьянского правительства в лице Комиссариата по польским делам и Общества охранения древностей до поры передачи польским народным музеям» [23, с. 343]. Несмотря на то что декрет оставался лишь на бумаге, но, как полагает современный российский историк-архивист, «юридическая основа была заложена» [12, с. 164].

Процесс «расчетов» советской России с возродившейся Польшей, в том числе и за счет Беларуси, начался еще до польско-советской войны. Как отмечал в 1919 г. профессор В. Смолко, «ганаровыя польскія паны пайшлі да бальшавікоў з паклонам, каб ім былі выдадзены дублеты з Публічнай бібліятэкі, якія былі вывезены з Вільні, Гародні, Коўны, гэта значыць з раёну нібы-то былой Рэчы Паспалітай. І што ж: палякам выдалі нашу старасьветчыну» [24].

Этот процесс особенно активизировался в связи с подписанием и последующей реализацией Рижского мирного договора. Однако, как свидетельствуют делопроизводственные документы Главархива России, архивный вопрос возник еще до начала полномасштабной польско-советской войны. В соответствии с отношением Совнаркома РСФСР от 2 апреля 1920 г., согласованным 15 апреля с Главархивом РСФСР, была создана «Комиссия в связи с переговорами с Польшей»³. Ее возглавил бывший руководитель Московского отделения Главархива, известный историк, академик М. К. Любавский. 14 мая 1920 г. на совещании с участием заведующего Главархивом было принято решение: «Для выявления материалов по польскому вопросу образовать комиссию в составе М. К. Любавского, В. И. Пичеты, С. К. Богоявленского и С. К. Шамбинаго» [25, с. 483]. Обращает

на себя внимание состав комиссии: трое ее членов, за исключением С. К. Богоявленского, были одними из лучших в России знатоками истории Великого княжества Литовского. Кроме того, С. К. Шамбинаго, работая, так же как и М. К. Любавский, в бывшем Московском архиве Министерства юстиции, где хранилась Литовская метрика, занимался ее описанием: им вместе с Н. Г. Бережковым было подготовлено «Описание книг Записей литовских», изданное в 1915 г. в качестве 21-го тома «Описания документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ».

Основная работа комиссии началась осенью 1920 г. в связи с выработкой соглашения о предварительных условиях мира между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой (подписано в Риге 12 октября 1920 г., вступило в силу 18 октября того же года) [17, с. 250]. По предложению руководителя Главархива М. Н. Покровского в состав российской делегации, 10 сентября 1920 г. выехавшей на переговоры в Ригу, был включен и В. И. Пичета. «Я был очень взволнован сделанным мне предложением, – записывал ученый 8 сентября 1920 г. в дневнике, – так как отъезд из Москвы нарушил бы мои научные и педагогические планы, и с этой стороны я предпочел бы остаться в Москве. С другой стороны, я был секретарем комиссии по подготовке польско-русского мирного договора, и отказаться от поездки совершенно немыслимо» [20, с. 60–61].

Напомним, что в этот же день, 10 сентября 1920 г., в Минске председатель ВРК ССРБ А. Г. Червяков подписал принятое комитетом постановление, согласно которому белорусская республика выдала РСФСР «самый широкий мандат на ведение мирных переговоров с Польшей по вопросу главным образом об определении границ Белоруссии» [26, с. 195]. Представителем Беларуси на переговорах был назначен член ВРК В. М. Игнатовский, однако в Ригу поехал председатель комитета, который, по словам В. Ластовского, мог «представлять только коммунистическую партию Белоруссии, но не белорусский народ», поэтому с ним, как с «московским чиновником», поляки, по словам самого А. Г. Червякова, «говорить не желают, а желают говорить только с представителем белорусского народа» [26, с. 200]. За три дня до этого, 7 сентября 1920 г., В. Ластовский в качестве председателя Рады народных министров БНР и замещавшего министра иностранных дел направил министру иностранных дел Польши письмо с просьбой признать независимость БНР, ибо «непризнанье дагэтуль Польшчай незалежнасьці Беларусі зьвязывае беларускаму народу рукі [і] ён ня можа актыўна выступіць проці маскоўскіх акупантаў»⁴.

После двухмесячного пребывания в Риге В. И. Пичета на заседании коллегии Главархива 5 ноября 1920 г. сделал доклад о результатах работы по под-

³ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 1503. Л. 39.

⁴Центр. гос. арх. Лит. Респ. Ф. 582. Оп. 1. Д. 7. Л. 74.

готовке соглашения с поляками, согласно которому было принято решение «теперь же, ввиду предстоящей передачи по мирному с Польшей договору архивов, ей принадлежащих, образовать особую комиссию в составе [зам. руководителя Главархива] В. Н. Сторожева, [главного инспектора Главархива] В. И. Пичеты и [члена коллегии Главархива] А. А. Трояновского для подробного выяснения всех вопросов, связанных с этой передачей» [25, с. 523].

За три недели до подписания договора, 1 марта 1921 г., В. И. Пичета по поручению руководства Главархива принял участие в совещании, организованном экономическо-правовым отделом НКВД РСФСР. Оно проходило под председательством представителя наркомата М. Бродского накануне приезда в Москву согласительной комиссии. На совещании обсуждался проект циркуляра для всех управлений музеев, архивов, дворцов, библиотек и других научных и художественных хранилищ, предписывавшего собрать точные сведения, составить описи вывезенных и эвакуированных из Польши предметов искусства, старины, науки и культуры.

В составленной тогда же В. И. Пичетой докладной записке на имя руководства Главархива подвергалась критике соглашательская позиция представителя Наркоминдела, выступавшего, по мнению автора записки, в качестве одностороннего защитника польских интересов. Как опытный практик-архивист, приверженец основополагающих принципов архивоведения (происхождения, недробности архивных фондов), В. И. Пичета был категорически против передачи Польше фондов центральных учреждений Российской империи, на чем настаивала польская сторона. Его научно обоснованная и твердая позиция привела к тому, что, несмотря на давление М. Бродского, совещание «признало необходимость собирания сведений об архивах, вывезенных из Польши, к которой я отнюдь не отношу Вел[икого] княж[ества] Литовского, связанного с Коронай унитарными отношениями»⁵. В. И. Пичета не только предложил убрать как необоснованное и широко трактуемое размеры территории Польши примечание («Я указал на то, что границы Польши и Литвы еще не установлены и, может быть, часть Виленской, Гродненской губерний отойдет к Литве, и потому еще рано фиксировать границы Польши»⁶), но и выступил против передачи приобретенного частными или юридическими лицами имущества. Речь должна была идти исключительно об имуществе, вывезенном из Польши государственной властью.

5 марта 1921 г. коллегия Главархива рассмотрела эту докладную записку и вынесла решение принять проект циркуляра с поправками, внесенными В. И. Пичетой, а также предложила автору записки участвовать в дальнейшей работе междуправительственного заседания [25, с. 55].

Несмотря на значительные усилия российских и украинских экспертов в деле смягчения предлагаемых польской стороной условий договора в части архивов, политическая целесообразность, как ее понимали руководители советской России, привела к принятию XI статьи договора, согласно которой Россия и Украина «взяли на себя обязательство возвратить Польше: архивы, регистратуры, архивные собрания, дела, документы, реестры, карты, планы и другие архивные и делопроизводственные материалы государственных, общественных, духовных и других учреждений, действовавших до 1 января 1772 г. на территории, вошедшей в состав Польской Республики; аналогичные документы, образовавшиеся за период с 1 января 1772 до 9 ноября 1918 г. в деятельности административных, общественных, духовных и других учреждений Российской империи, находившихся на территории, вошедшей в состав Польской Республики; документацию этих учреждений, эвакуированных в Россию или на Украину с территории Польской Республики после 1 августа 1914 г., т. е. с начала мировой войны; архивные собрания частных лиц, незаконно вывезенные с территории Польши после 1 января 1772 г., имеющие историческую и культурную ценность для польского народа» [27, с. 529–531].

Впредь до особого соглашения договаривавшихся сторон вывозу с территории России и Украины не подлежали архивы, регистратуры, относившиеся к борьбе после 1876 г. царских властей с революционным движением в Польше, а также «предметы, являющиеся военно-секретными, относящимися ко времени после 1870 года» [17, с. 630].

Седьмой пункт XI статьи договора зафиксировал уважение к целостности архивного (музейного) фонда и одновременно допустимость эквивалентного компенсирования в случае невозможности его передачи польской стороне. Он гласил: «Обе договаривающиеся стороны, соглашаясь, что систематизированные, научно обработанные и представляющие законченное целое коллекции, являющиеся основой сокровищниц мирового культурного значения, не должны подлежать разрушению, постановляют нижеследующее: если изъятие какого-либо предмета, подлежащего на основании п. 1-в настоящей статьи возвращению Польше, могло бы разрушить целостность такой коллекции, то предмет этот, кроме случаев тесной связи с историей или культурой Польши, с согласия обеих сторон в смешанной комиссии, предусмотренной в п. 15 настоящей статьи, должен оставаться на месте за эквивалент в виде предмета равного научного или художественного значения» [17, с. 630]. Это был тот пункт XI статьи договора, к которому не любили прибегать польские эксперты, о чем говорили и А. Ф. Изюмов, и В. И. Пичета.

Российские, украинские и белорусские историки и архивисты негативно оценивали вынужденно за-

⁵ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 223. Л. 25–26.

⁶Там же.

ключенную в такой редакции XI статью Рижского мирного договора. С его подписанием при Главархиве РСФСР была создана под председательством М. К. Любавского Комиссия для выяснения вопросов, связанных с передачей документов Польше. В ее состав вошли Н. Ф. Бельчиков, С. К. Богоявленский и В. И. Пичета. Аналогичная комиссия под руководством А. Е. Преснякова возникла несколько позже и в Петрограде. Документы московской комиссии представлены десятью протоколами заседаний с 23 апреля и до 11 мая 1921 г., докладами ее членов, докладной запиской М. К. Любавского «О положении русской исторической науки в связи с выделением архивов Польше» (составлена не ранее 11 мая 1921 г.), служебной запиской председателя ЦИК БССР и СНК БССР А. Г. Червякова в Главархив РСФСР от 31 мая 1921 г. о недопущении выдачи Россией Литовской метрики какому-либо государству, кроме Беларуси и др. [28, с. 130].

Заметим, что вопрос о Литовской метрике будет неоднократно подниматься и позже. Архив великокняжеской канцелярии станет своеобразным камнем преткновения в отношениях советской России (а после 1922 г. и СССР) не только с Польшей, но и с Литвой. Последняя в 1926 г. поставит в качестве условия заключения готовившегося в это время договора с СССР о ненападении передачу ей Литовской метрики, находившейся в московском архиве. Внешнеполитическое ведомство СССР вынуждено будет инициировать организацию ряда защитных мер, в частности рекомендовать провести в Беларуси научный форум и на нем принять решение о недопустимости передачи архива великокняжеской канцелярии за пределы СССР. Таковой состоится 17–18 января 1926 г. в Минске под названием «Первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии». На его открытии с защитной речью в отношении Литовской метрики выступит заместитель наркома просвещения республики А. В. Балицкий; доклад об архиве великокняжеской канцелярии как ценном источнике для изучения истории Беларуси сделает ученый секретарь Археографической комиссии Инбелкульта Д. И. Довгялло. В итоге съезд примет резолюцию «О Литовской метрике» (она значилась первой среди всех шести, принятых съездом). В первом ее пункте говорилось: «Давесы́ да ведама Ўраду БССР аб неабходнасьці захаваньня Літоўскай мэтрыкі ў межах СССР, бо яна зьяўляецца гістарычнай уласнасьцю працоўных Беларусі» [29, с. 5]. Во втором пункте резолюции признавалось необходимым как можно быстрее перевезти Литовскую метрику в БССР, «на што ёсьць прыныцыповая згода належных устаноў РСФСР» [29, с. 5]. В данном случае желаемое выдавалось за действительное: Литовская метрика и сегодня хранится в Российском архиве древних актов (Москва).

Защитные меры в отношении Литовской метрики предпринимались и от имени белорусского правительства. Известно, например, что 10 ноября 1926 г. председатель СНК БССР И. А. Адамович направил в отдел Прибалтийских стран НКВД СССР письмо, в котором говорилось буквально следующее: «Совет Народных Комиссаров, заслушав сообщение ректора Бел[орусского] Гос[ударственного] Университета т. Пичеты, постановил просить Наркоминдел воздержаться от передачи Литве так называемой Литовской метрики ввиду того, что БССР имеет все исторические и практические основания для получения этой метрики»⁷.

В. И. Пичета наряду с М. К. Любавским вошел в качестве эксперта в состав созданной 7 октября 1921 г. Специальной смешанной советско-польской комиссии по реализации условий мирного договора. Ее возглавил уроженец Могилёва, ученый-математик, географ, будущий легендарный полярник О. Ю. Шмидт, которого вскоре сменил будущий полпред РСФСР в Польше П. Л. Войков, убитый в июне 1927 г. в Варшаве. Оценивая впоследствии свою роль в деле отстаивания белорусских архивов, В. И. Пичета, будучи арестованным осенью 1930 г. по сфабрикованному «академическому делу», показывал на одном из допросов: «В 1923 г. я порвал связь с Центрархивом и приехал в Москву по вызову Наркоминдела для участия в комиссии по реализации Рижского мирного договора. Тяжесть всей работы лежала на М. К. Любавском. Я должен отметить энергичную деятельность Любавского в деле защиты архивных фондов от посягательств на них поляков. Впрочем, большая часть архивов была потом выдана, несмотря на отрицательное отношение комиссии, находившейся в очень напряженных отношениях с польской делегацией. Это было сделано в силу дипломатических переговоров. Я лично сражался с поляками на фронте Литовской метрики. Советское правительство Белоруссии мне поручило отстаивать Литовскую метрику и не отдавать ее полякам... я отстаивал Литовскую метрику как документ белорусско-украинского происхождения, необходимый для изучения истории Белоруссии. В данном случае я исполнял только поручение советского правительства Белоруссии... В настоящее время этот архив, имеющий важное значение, находится на территории РСФСР» [20, с. 285–286].

Эксперты провели тщательную работу по выявлению архивного материала, подлежавшего передаче Польше. Они это делали как в российских, так и в белорусских и украинских архивах. В итоге начиная с 1922 по 1928 г. советской стороной было передано Польше 8115 пудов архивного материала [12, с. 165–166]. «Польше были переданы, – пишет российский историк-архивист В. В. Цаплин, – 7 книг описей Коронного архива Речи Посполитой

⁷НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 393. Л. 6–7.

и 23 ящика с делами Литовской метрики, материалы Варшавского генерал-губернатора, варшавского обер-полицмейстера, Горного департамента царства Польского, губернских правлений, уездных и гминных управлений, магистратов, судов, казенных палат, варшавских казенных театров, варшавского учебного округа и губернских учебных дирекций, губернских управлений государственными имуществами и других государственных и общественных учреждений, а также архив магнатов Браницких» [10, с. 24].

Среди этих комплексов значительное место занимали архивные фонды, созданные на территории Пинского и Новогрудского уездов, отходивших согласно договору к Польше. Они выделялись из Минского архива в соответствии с методикой, предложенной командированным в 1924 г. в Центрархив Беларуси экспертом комиссии по реэвакуации архивов профессором С. К. Богоявленским. Дела, отобранные первоначально по грубому подсчету, без описей, за три года нахождения в Минском архиве перемешались с документами, не подлежащими передаче в Польшу. Заявившие о приезде в Минск в сентябре 1928 г. польские эксперты потребовали от белорусской стороны тщательного отбора подлежащих передаче дел. Встревоженные руководители Центрархива республики обратились в ГПУ БССР и к уполномоченному НКВД СССР в СНК БССР С. Л. Козюре. «Такой оборот дела, – говорилось в письме от 11 сентября 1928 г., – поставил в чрезвычайное затруднительное положение Центрархив БССР, так как некоторые архивы имелось в виду показать несуществующими. Причем Центрархив, технически выделив архивы для Польши, не может сам, на свою ответственность, определять, что передавать Польше, а что считать в архиве отсутствующими» [15, с. 80].

Далее излагался план, выработанный руководителем архивного ведомства Беларуси М. В. Мелешко совместно с С. Л. Козюрой. Согласно ему ряд отобранных материалов должны были перевезти в другое помещение, куда не следовало пускать польских экспертов.

И резюмировало письмо следующее заключение: «Взять на себя ответственность, что передать, что оставить Центрархив не может, так как к материалам при оценке необходимо подходить не только с научной точки зрения, но и с политической, и с экономической, и даже с дипломатической» [15, с. 80].

Передача Польше архивов продолжалась и после подписания 16 ноября 1927 г. СССР и Польской Республикой генерального соглашения, согласно которому стороны не могли заявлять никакие новые требования и претензии, основанные на XI статье Рижского мирного договора. В этом отношении показательна история гродненского архива, созданного в 1921 г. на базе оставшихся не эвакуированных

ми во время Первой мировой войны частей фондов гродненских губернских правления, казенной палаты, окружного суда, нотариального архива и др. В начале 1926 г. сюда были переданы архивы Суважской и Августовской губерний, поступившие в бывшие губернские центры Российской империи в 1925 г. из Ленинграда⁸. В феврале 1930 г. в гродненский архив были доставлены из Москвы 204 ящика документальных материалов (общее количество – 1118 связок). А в июле этого же года – еще 46 ящиков из Ленинграда⁹. В числе переданных материалов находились фонды уездных по воинской повинности присутствий, городских управ, земских начальников, уездных предводителей дворянства, землеустроительных комиссий, губернского статистического комитета, волостных правлений, лесничеств, уездных, сиротских судов, дворянских опеки, мировых посредников и др.

Переданные сюда же в конце 1939–1940 гг. и особенно в 1948–1949 гг. из Москвы и Ленинграда аналогичные документы свидетельствуют, что XI статья Рижского мирного договора была реализована далеко не полностью, что подтверждает предположения некоторых современных исследователей: в центре и на местах имел место незапланированный *профессиональный саботаж* со стороны архивистов, вынужденных идти на утаивание сохраняемых ими дел, подлежащих по условиям договора передаче Польше. Во всяком случае руководитель советской делегации П. Л. Войков неоднократно подчеркивал, что, хотя выполнение некоторых статей Рижского мирного договора сталкивается со значительными трудностями, тем не менее советская сторона готова выполнять обязательства по XI статье договора. Правда, опубликованный Е. Куманецким в 1991 г. тайный рапорт П. Л. Войкова относительно советской тактики в части реализации условий договора заставляет усомниться в искренности намерений советского дипломата. Так, в начальной части рапорта говорилось: «Польше надлежит возвратить огромное количество архивных материалов. Их возврат представляет собой дело, исторически чрезвычайно важное, и имеет свое значение как результат окончательного размежевания двух государств». А заключал его следующий пассаж: «Так как по Рижскому мирному договору не устанавливается никаких санкций по поводу его невыполнения, по крайней мере на случай расхождения сторон по какой-то проблеме не предусматривается никаких посредников, вопросы, по которым не достигнуто соглашение, остаются нерешенными. Тем самым Литовская метрика, Киевский центральный архив и фонды Кременецкого лицея так и останутся у нас, и дипломаты будут вести о них переговоры в худшем случае в ближайшие десятилетия» [30, с. 68–69].

⁸Гос. арх. Гродн. обл. Ф. 104. Оп. 1. Д. 237. Л. 1 ; Там же. Л. 26 ; Там же. Л. 27.

⁹Там же. Д. 239. Л. 24 ; Там же. Л. 25 ; Там же. Л. 30.

Заключение

Каковы были последствия реализации XI статьи Рижского мирного договора для белорусских архивов? Ответ на этот вопрос может быть один: более чем негативные. Во многих случаях связанные происхождением с Беларусью архивы передавались польской стороне даже без участия белорусских архивистов (речь идет о находившихся в российских архивохранилищах фондах, эвакуированных с территории белорусских губерний в 1914–1915 гг.). Как отмечает современный российский историк-архивист, «документы по известным договорам 1920–1921 гг. с Польшей, Литвой, Латвией, Эстонией и Финляндией передавались в спешке, без должной научной экспертизы, учета интересов российской [от себя добавим и белорусской! – М. Ш.] исторической науки... Большевицкое правительство в стране, объявляемой пламенем гражданской войны, руководствовалось только политическими мотивами и ничем более другим. Наивные грезы о мировой революции, желание побыстрее покончить с проклятым прошлым (известен несостоявшийся декрет об уничтожении сохранившейся юридической документации) подталкивали тогдашних правителей к подобному решению» [11, с. 27].

В процессе перемещения в 1922–1930 гг. из белорусских и российских архивов подлежащих передаче Польше архивных фондов белорусского происхождения и последовавшего после 17 сентября 1939 г. их возвращения в состав Государственного архивного фонда БССР имели место многочисленные утраты документов, которые ощущаются до настоящего времени.

Вместе с тем реализация XI статьи договора, и особенно ее 7-го пункта, показала международному архивному сообществу, что в тех случаях, когда невозможно разделить документы, не нарушая целостности архивного фонда или приобретшей широкую известность и представляющей мировое значение архивной коллекции, следует вводить практику общего достояния государств. Именно о такой практике во взаимоотношениях между странами – участниками СНГ говорил неоднократно упоминавшийся В. В. Цаплин, предлагая дополнить единые для архивоведения принципы (историзма, недробимости архивного фонда и др.) принципами исчерпывающей доступности архивной информации (ее гласности) и равных возможностей субъектов СНГ в отношении его архивов [31, с. 31].

Библиографические ссылки

1. Боровская ОН. Советско-польские переговоры 1918–1921 гг. и их влияние на решение белорусского вопроса. Москва: Алгоритм; 2018. 285 с.
2. Белорусский государственный университет. Труды Белорусского государственного университета в Минске. Том 1. Минск: Госиздат Белоруссии; 1922. 218 с.
3. Изюмов АФ. На сторожевом посту. В: Браудо АИ. Очерки и воспоминания. Париж: Кружок русско-еврейской интеллигенции в Париже; 1937. с. 135–136.
4. Изюмов АФ. Культурные сокровища России и требования Польши. В: Яценко АС, редактор. Новая русская книга. Выпуск 9. Берлин: Издательство И. П. Ладьяникова; 1922. С. 27–28.
5. Шумейко МФ, составитель. Первая Всебелорусская конференция архивных работников, 12–15 мая 1924 г.: документы и материалы. Минск: БелНИИДАД; 1999. 148 с.
6. Круглов ВН, Тихонов ВВ. «История белорусского народа довольно своеобразна»: доклад В. И. Пичеты «25-летие создания Белорусской ССР». Исторический архив. 2016;3:32–55.
7. Пічэта УІ. Польша-савецкія адносіны і Рыжскі мір. Польша. 1928;4–6.
8. Мальдзіс АВ, рэдактар. Вяртанне. Дакументы і архіўныя матэрыялы па праблемах пошуку і вяртання нацыянальных каштоўнасцей, якія знаходзяцца за межамі Рэспублікі Беларусь. Мінск: Беларускі фонд культуры; 1992. 256 с.
9. Шумейко МФ. Собрать рассеянное. О реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем. Минск: БелНИИДАД; 1997. 155 с.
10. Цаплин ВВ. За обновление архивоведения в условиях суверенитета республик. Отечественные архивы. 1992;1:29–34.
11. Старостин ЕВ. Профессор Старостин о затронутой проблеме. Отечественные архивы. 1992;4:26–27.
12. Старостин ЕВ. Рижский мирный договор 1921 г.: проблемы «архивной реституции». Студії з архівної справи та документознавства. 2003;9:163–166.
13. Matelski D. Grabież i restytucja polskich dóbr kultury: od czasów nowożytnych do współczesnych. Tomek 1. Krakow: Towarzystwo Przyjaciół Sztuk Pięknych; 2006. 676 s.
14. Стэпняк У. Матэрыялы па гісторыі Беларусі ў складзе дакументаў Галоўнага архіва старажытных актаў у Варшаве. У: Тэзісы Міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі «Архівазнаўства, крыніцазнаўства, гістарыяграфія Беларусі: стан і перспектывы»; 1–2 снежня 1993 г.; Мінск, Беларусь. Частка 1. Мінск: БелНДІДАС; 1993. с. 79–89.
15. Шумейко МФ. Исторические и правовые аспекты реституции белорусских архивов. Минск: БелНИИДАД; 2013. 269 с.
16. Шумейко МФ. В. И. Пичета как эксперт по архивам в 1920–1947 гг. Отечественные архивы. 2014;1:3–14.
17. Министерство иностранных дел СССР. Документы внешней политики СССР. Том 3. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. Белов ГА, Гармаш ЕС, Майоров СМ, Миллер АФ, Садчиков ИВ, Стручков АА, редакторы. Москва: Госполитиздат; 1959. 702 с.
18. Шмидт СО, редактор. Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. Москва: Наука; 2003. 2 тома.

19. Гернович ТД. Докладная записка М. К. Любавского «О положении русской исторической науки в связи с выделением архивов Польше» (не ранее 11 мая 1921 г.). В: Рыбакоў Я, рэдактар. *Мінулае і сучаснасць: архівы ў сістэме гуманітарных ведаў. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 100-годдзю Віцебскай вучонай архіўнай камісіі; 20 мая 2009 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БелНДІДАС; 2010. с. 198–202.
20. Ходзін СМ, Шумейка МФ, Яноўскі АА, складальнікі. *Памяць і слава. Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта*. Абламейка СУ, рэдактар. Мінск: БДУ; 2011. 375 с.
21. *Вестник Временного правительства*. 16 марта 1917;10(56).
22. *Вестник Временного правительства*. 17 марта 1917;11(57).
23. Обичкин ГД, Валк СН, редакторы. *Декреты Советской власти. Том 1*. Москва: Госполитиздат; 1957. 625 с.
24. Смолко В. Пагібель старасведчыны. *Часопіс Міністэрства беларускіх спраў*. 1919;1:8–11.
25. Копылова ОН, редактор. *Архивы и власть. Первое послереволюционное десятилетие. Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918–1928 гг. Сборник документов. Том 1. 1918–1920 гг.* Москва: Кучково поле; 2018. 1040 с.
26. Міхнюк УМ, Ракашэвіч УК, Фалей ЯС, Шарапа АВ, Шупа СА, складальнікі. *Знешняя палітыка Беларусі. Том 1 (1917–1922)*. Мінск: БелНДІДАС; 1997. 398 с.
27. Хренов ИА, Гонсеровская-Грабовская Н, редакторы. *Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Том 3*. Москва: Наука; 1965. 608 с.
28. Жумарь СВ, Шумейко МФ, составители. *Из истории архивов в Беларуси (1860-е гг. – 1960 г.): документы и материалы*. Мінск: БелНИИДАД; 2015. 438 с.
29. Смоліч А, рэдактар. *Працы Першага з’езду дасьледчыкаў беларускае архэалёгіі і архэаграфіі 17–18 студзеня 1926 году*. Мінск: Інстытут беларускай культуры; 1926. 86 с.
30. Встретимся в древлехранилище. *Родина*. 1994;12:68–72.
31. Цаплин ВВ. О праве собственности на архивные документы в дипломатических актах дореволюционной и советской России. *Отечественные архивы*. 1992;4:20–26.

References

1. Borovskaya ON. *Sovetsko-pol'skie peregovory 1918–1921 gg. i ikh vliyanie na reshenie belorusskogo voprosa* [Soviet-Polish negotiations 1918–1921 and their influence on the solution of the Belarusian issue]. Moscow: Algoritm; 2018. 285 p. Russian.
2. Belarusian State University. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta v Minske. Tom 1*. Minsk: Gosizdat Belorussii; 1922. 218 p. Russian.
3. Izyumov AF. [At the sentry post]. In: Braudo AI. *Ocherki i vospominaniya* [Essays and memories]. Paris: Circle of Russian-Jewish intelligentsia in Paris; 1937. p. 135–136. Russian.
4. Izyumov AF. [Cultural treasures of Russia and the requirements of Poland]. In: Yashchenko AS, editor. *Novaya russkaya kniga. Vypusk 9* [New Russian book. Issue 9]. Berlin: Izdatel'stvo I. P. Ladyzhnikova; 1922. p. 27–28.
5. Shumeiko MF, compiler. *Pervaya Vsebelorusskaya konferentsiya arkhivnykh rabotnikov, 12–15 maya 1924 g.: dokumenty i materialy* [The first all-Belarusian conference of archival workers, 1924 May 12–15: documents and materials]. Minsk: Belarusian Scientific Research Institute of Documentation and Archival Affairs; 1999. 148 p. Russian.
6. Kruglov VN, Tikhonov VV. [«Istoriya belorusskogo naroda dovol'no svoeobrazna»: доклад V. I. Pichety «25-letie sozdanija Belorusskoi SSR»]. *Istoricheskii arkhiv*. 2016;3:32–55. Russian.
7. Picheta UI. [Polish-Soviet relations and the Riga Peace Treaty]. *Polymia*. 1928;4–6.
8. Mal'dzis AV, editor. *Vjartanne. Dakumenty i arhiwnyja matjeryjaly pa problemah poshuku i vjartannja nacyjanal'nyh kash-townascej, jakija znahodzjacca za mezhami Rjespubliki Belarus'* [Return. Documents and archival materials on the problems of search and return of national values outside the Republic of Belarus]. Minsk: Belaruskі fond kul'tury; 1992. 256 s. Belarusian.
9. Shumeiko MF. *Sobrat' rasseyannoe. O restitutsii belorusskikh arkhivov v proshlom i nastoyashchem* [Collect the scattered. Restitution of Belarusian archives in the past and present]. Minsk: Belarusian Scientific Research Institute of Documentation and Archival Affairs; 1997. 155 p. Russian.
10. Tsaplin VV. For the renewal of archival science in the conditions of the sovereignty of the republics. *Otechestvennye arkhivy*. 1992;1:29–34. Russian.
11. Starostin EV. Professor Starostin o zatronutoi problem. *Otechestvennye arkhivy*. 1992;4:26–27. Russian.
12. Starostin EV. The Riga Peace Treaty of 1921: problems of «archival restitution». *Studii' z arhivnoi'spravy ta dokumentoznavstva*. 2003;9:163–166. Russian.
13. Matelski D. *Grabież i restytucja polskich dóbr kultury: od czasów nowożytnych do współczesnych. Tomek 1*. Krakow: Towarzystwo Przyjaciół Sztuk Pięknych; 2006. 676 s.
14. Stjepnjak U. [Materials on the history of Belarus in the documents of the Main Archive of Ancient Acts in Warsaw]. In: *Tjezisy Mizhнароднай navukova-tjearjetychnaj kanferjencyi «Arhivaznavstva, krynicaznavstva, gistaryjagrafija Belarusi: stan i perspektivy»; 1–2 snezhnja 1993 g.; Minsk, Belarus'. Chast' 1* [Abstracts of the International scientific and theoretical conference «Archival Studies, source studies, historiography of Belarus: status and prospects»; 1993 December 1–2; Minsk, Belarus. Part 1]. Minsk: Belarusian Scientific Research Institute of Documentation and Archival Affairs; 1993. p. 79–89. Belarusian.
15. Shumeiko MF. *Istoricheskie i pravovye aspekty restitutsii belorusskikh arkhivov* [Historical and legal aspects of the restitution of Belarusian archives]. Minsk: Belorusskii nauchno-issledovatel'skii institut dokumentovedeniya i arkhivnogo dela; 2013. 269 p. Russian.
16. Shumeiko MF. V. I. Picheta as an expert on archives in 1920–1947. *Otechestvennye arkhivy*. 2014;1:3–14. Russian.
17. USSR Ministry of Foreign Affairs. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR. Tom 3. 1 iyulya 1920 g. – 18 marta 1921 g.* [Documents of the foreign policy of the USSR. Volume 3. 1920 July 1 – 1921 March 18]. Belov GA, Garmash ES, Maiorov SM, Miller AF, Sadchikov IV, Struchkov AA, editors. Moscow: Gospolitizdat; 1959. 702 p.
18. Shmidt SO, editor. *Akademik S. F. Platonov. Perepiska s istorikami* [Academician S. F. Platonov. Correspondence with historians]. Moscow: Nauka; 2003. 2 volumes. Russian.

19. Gernovich TD. [Memorandum of M. K. Lubavsky «On the state of Russian historical science in connection with the allocation of archives to Poland» (no earlier than 1921 May 11)]. In: Rybakow Ja, editor. *Minulae i suchasnasc': arhivy w sistjeme humanitarnykh vedaw. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi, prysvechanaj 100-goddzju Vicebskaj vuchonaj arhiwnaj komisii; 20 maja 2009 g.; Minsk, Belarus'* [Past and present: archives in the system of humanities. Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the Vitebsk scientific archival commission; 2009 May 20; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian Scientific Research Institute of Documentation and Archival Affairs; 2010. p. 198–202. Russian.
20. Hodzin SM, Shumejka MF, Janowski AA, compilers. *Pamjac' i slava. Pershy rjektar Belaruskaga dzjarzhawnaga universitjeta – Uladzimir Ivanavich Pichjeta* [Memory and glory. The first rector of the Belarusian State University – Vladimir Ivanovich Picheta]. Ablamejka SU, editor. Minsk: Belarusian State University; 2011. 375 p. Belarusian.
21. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. 1917 March 16;10(56). Russian.
22. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. 1917 March 17;11(57). Russian.
23. Obichkin GD, Valk SN, editors. *Dekrety Sovetskoi vlasti. Tom 1* [Decrees of the Soviet government. Volume 1]. Moscow: Gospolitizdat; 1957. 625 p. Russian.
24. Smolko V. *Pagibel' starasvedchyny* [The destruction of antiquity]. Chasopis Ministjerstva Belaruskich spraw. 1919;1: 8–11. Belarusian.
25. Kopylova ON, editor. *Arhivy i vlast'. Pervoe poslerevoljucionnoe desjatiletie. Protokoly i zhurnaly zasedanij rukovodjashchih organov upravlenija arhivnoj otrasl'ju za 1918–1928 gg. Sbornik dokumentov. Tom. 1. 1918–1920 gg.* [Archives and power. The first post-revolutionary decade. Minutes and journals of meetings of the governing bodies of the archival industry for 1918–1928. Collection of documents. Tom. 1. 1918–1920]. Moscow: Kuchkovo pole; 2018. 1040 p. Russian.
26. Mihnjuk UM, Rakashjevich UK, Falej JaS, Sharapa AV, Shupa SA, compilers. *Zneshnjaja palityka Belarusi. Tom 1 (1917–1922)* [Foreign policy of Belarus. Volume 1 (1917–1922)]. Minsk: Belarusian Scientific Research Institute of Documentation and Archival Affairs; 1997. 398 p. Belarusian.
27. Khrenov IA, Gonserovskaya-Grabovskaya N, editors. *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skikh otnoshenii. Tom 3* [Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations. Volume 3]. Moscow: Nauka; 1965. 608 p. Russian.
28. Zhumar' SV, Shumeiko MF, compilers. *Iz istorii arkhivov v Belarusi (1860-e gg. – 1960 g.): dokumenty i materialy* [From the history of archives in Belarus (1860s – 1960): documents and materials]. Minsk: Belarusian Scientific Research Institute of Documentation and Archival Affairs; 2015. 438 p. Russian.
29. Smolich A, editor. *Pracy Pershaga z'ezdu das'ledchykaw belaruskaj arheoljogii i arheografii 17–18 studzenja 1926 godu* [Proceedings of the First congress of researchers of Belarusian archeology and archaeography 1926 January 17–18]. Minsk: Institute of Belarusian Culture; 1926. 86 p. Belarusian.
30. [Meet me at the ancient storage]. *Rodina*. 1994;12:68–72. Russian.
31. Tsaplin VV. [On the ownership of archival documents in diplomatic acts of pre-revolutionary and Soviet Russia]. *Otechestvennye arkhivy*. 1992;4:20–26. Russian.

Статья поступила в редколлегию 27.02.2021.
Received by editorial board 27.02.2021.

УДК 930:328(410):94:327((47+57)+438)«1921»

РИЖСКАЯ ГРАНИЦА В ОЦЕНКАХ БРИТАНСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КРУГОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

Е. Н. ДУБРОВКО¹⁾

¹⁾Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

Проанализированы оценки, которые давали представители правительственных кругов Великобритании итогам польско-советского территориального размежевания, зафиксированного в тексте Рижского мирного договора 1921 г. Выявлено, что в преддверии мирных переговоров в Риге притязания Польши на значительное продвижение ее границ в восточном направлении негативно характеризовались британскими политиками. Линия рижской границы оценивалась скептически, рассматривалась как возможная только в условиях временной слабости РСФСР. Установлено, что британскими политиками не исключался вариант пересмотра линии рижской границы с учетом позиции советской стороны при заключении общеевропейского соглашения в Генуе в 1922 г. Показано, что при принятии решения об отказе от ратификации Женевского протокола 1924 г. одним из доводов стала оценка региона рижской границы как потенциальной зоны конфликта в Европе, вовлечения в который Великобритания стремилась избежать.

Ключевые слова: Рижский мир 1921 г.; Великобритания; Польша; советская Россия; граница; международные отношения.

РЫЖСКАЯ МЯЖА Ў АЦЭНКАХ БРЫТАНСКІХ УРАДАВЫХ КОЛАЎ У ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ 1920-х гг.

А. М. ДУБРОЎКА^{1*}

^{1*}Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны,
вул. Савецкая, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

Прааналізаваны ацэнкі, якія давалі прадстаўнікі ўрадавых колаў Вялікабрытаніі вынікам польска-савецкага тэрытарыяльнага размежавання, зафіксаванага ў тэксце Рыжскага мірнага дагавора 1921 г. Выяўлена, што напярэдадні мірных перамоў у Рызе дамаганні Польшы на значнае прасоўванне яе меж ва ўсходнім кірунку негатыўна характарызаваўся брытанскімі палітыкамі. Лінія рыжскай мяжы ацэньвалася скептычна, разглядалася як магчымая толькі ва ўмовах часовай слабасці РСФСР. Устаноўлена, што брытанскімі палітыкамі не выключалася варыянт перагляду лініі рыжскай мяжы з улікам пазіцыі савецкага боку пры заключэнні агульнаеўрапейскага пагаднення ў Генуі ў 1922 г. Паказана, што пры прыняцці рашэння аб адмове ад ратыфікацыі Жэнеўскага пратакола 1924 г. адным з довадаў стала ацэнка рэгіёна рыжскай мяжы як патэнцыйнай зоны канфлікту ў Еўропе, уцягвання ў які Вялікабрытанія імкнулася пазбегнуць.

Ключавыя словы: Рыжскі мір 1921 г.; Вялікабрытанія; Польша; Савецкая Расія; мяжа; міжнародныя адносіны.

Образец цитирования:

Дубровко ЕН. Рижская граница в оценках британских правительственных кругов в первой половине 1920-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2021;2:29–38.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-29-38>

For citation:

Dubrouka AM. The Riga border in the assessments of the British government circles in the first half of the 1920s. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;2: 29–38. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-29-38>

Автор:

Елена Николаевна Дубровко – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета.

Author:

Alena M. Dubrouka, PhD (history), docent; associate professor at the department of general history, faculty of history.
dubrovko@gsu.by

THE RIGA BORDER IN THE ASSESSMENTS OF THE BRITISH GOVERNMENT CIRCLES IN THE FIRST HALF OF THE 1920s

A. M. DUBROUKA^a

^a*Francisk Skorina Gomel State University,
104 Savieckaja Street, Homiel 246019, Belarus*

The article analyses the assessments given by the representatives of Great Britain government circles to the results of the Polish-Soviet territorial division, installed in the text of the Riga Peace Treaty of 1921. It is revealed, that on the eve of Riga peace negotiation British politicians negatively characterised Poland's claims to significant advance of its borders in the eastern direction. The line of the Riga border was assessed skeptically, considered as possible only in the conditions of the RSFSR temporary weakness. It is established that British politicians did not exclude Riga border line revising, taking into account the position of the Soviets at the conclusion of the pan-European agreement in Genoa in 1922. It is shown that when deciding not to ratify the Geneva Protocol of 1924, one of the arguments was the assessment of the Riga border region as a potential conflict zone in Europe, in which the UK sought to avoid involvement.

Keywords: Riga Peace Treaty of 1921; Great Britain; Poland; Soviet Russia; border; international relations.

Введение

В современной белорусской исторической науке существует постоянный интерес к тематике, связанной с польско-советской войной и ее последствиями. Это вполне оправданно, поскольку для белорусского народа в XX в. данные события оказались судьбоносными, предопределив многолетнее разделение на западную и восточную части линией, установленной Рижским миром. Последствия этого раздела не были преодолены и после воссоединения в 1939 г., а факт существования рижской границы стал опасным для белорусского государства прецедентом, периодически упоминаемым в политических дискуссиях. Все это придает несомненную актуальность дальнейшей разработке проблемы польско-советской войны и Рижского мирного договора отечественными исследователями, появлению значительных работ по данной тематике в последние годы [1]. Большое внимание этим событиям в истории межгосударственных отношений уделяют также современные российские и польские историки, анализируя их в контексте государственных интересов своих стран [2]. При этом не все аспекты проблемы Рижского мирного договора нашли одинаковое отражение в исследованиях историков: если российский, польский и германский факторы истории Центрально-Восточной Европы начала 1920-х гг. получают все более полное освещение благодаря работе отечественных исследователей [3–5], то анализу более широкого международного аспек-

та, позиций и политики ведущих европейских держав того времени, в частности Великобритании, принимавшей активное участие в решении вопросов послевоенного устройства Европы на рубеже 1910–20-х гг., уделено гораздо меньше внимания. Цель настоящей статьи – выявить содержание и характер оценок, которые давали представители правительственных кругов Великобритании в первой половине 1920-х гг. итогам польско-советского территориального размежевания, зафиксированного в тексте Рижского мирного договора. Задачи статьи – раскрыть характер оценки территориальных претензий Польши в канун мирных переговоров в Риге со стороны правительственных кругов Великобритании; охарактеризовать точку зрения британских политиков на линию границы, зафиксированную в тексте Рижского мирного договора; выявить позицию представителей правительственных кругов Великобритании по отношению к рижской границе в ходе подготовки и проведения Генуэзской конференции; показать роль оценки ситуации в регионе рижской границы правительственными кругами Великобритании в определении их позиции по отношению к Женевскому протоколу 1924 г.

Источниками для написания статьи послужили как опубликованные документы [6–11], так и неопубликованные архивные материалы, а также электронные материалы Национального архива Великобритании.

Основная часть

После окончания Парижской мирной конференции линия восточной границы Польши, указанная в декабрьской декларации 1919 г. и проходившая от северной границы Сувалкского повета до точки,

расположенной на уровне г. Хелма на юге, с исключением Гродно и Бреста из состава Польши, характеризовалась членами Кабинета Великобритании (далее – Кабинет) только как «граница, предписанная

Польше Верховным советом»¹ (Верховный совет Антанты, включавший представителей Великобритании, Франции, США, Италии и Японии. – Е. Д.). Нахождение польских войск к востоку от этой линии рассматривалось как временное обстоятельство, вызванное состоянием войны с советской Россией². Данная линия не оценивалась как окончательно установленная польско-советская граница. В палате общин, отвечая на обращения депутатов, премьер-министр Д. Ллойд Джордж весной 1920 г. говорил о том, что граница между Польшей и советской Россией не была зафиксирована³. При этом британский Кабинет всячески избегал предания гласности своей позиции по вопросу о допустимости претензий Польши на территории, расположенные восточнее указанной союзными державами линии. По этой причине представителям Кабинета в палате общин весной – летом 1920 г. пришлось выдержать целый ряд нападок со стороны депутатов-лейбористов и близкой к ним части либералов⁴. Однако для Польши британская позиция была очевидна, так как еще в январе 1920 г. Д. Ллойд Джордж заявил польскому министру иностранных дел Ст. Патеку, что Великобритания не сможет помочь Польше, если причиной срыва мира между ней и советской Россией станет попытка удержать территории восточнее линии, предложенной мирной конференцией в Париже, присутствие польских войск к востоку от нее рассматривалось как незаконное [6, р. 803–805]. Из донесений польского посланника в Лондоне весной 1920 г. также становилось понятно, что претензии Польши на территории к востоку от указанной союзными державами линии вызвали возмущение в среде британских правительственных кругов [10, с. 561–563, 608–610]. Более того, британский посланник Г. Рамболд прямо заявил Ст. Патеку, что, если советская Россия примет границу по линии 1772 г., а затем нарушит соглашение и нападет на Польшу, Великобритания не окажет помощи последней [7, р. 245–246].

В конце лета 1920 г. в условиях активного продвижения польских войск к востоку от рекомендованной союзниками линии, после британской

ноты от 11 июля 1920 г. вошедшей в историю как «линия Керзона», британское внешнеполитическое ведомство в своем меморандуме о политической ситуации в Польше по-прежнему отмечало, что выход польских войск на территорию, принадлежавшую бывшей Российской империи, нежелателен [12, с. 254]. Оно рекомендовало Польше не претендовать на занимаемые земли. В частности, глава Форин-офиса инструктировал Г. Рамболда «подталкивать польское правительство не отказываться от разумных и приемлемых мирных предложений» [7, р. 508–509].

За ходом мирных переговоров в Минске и Риге британские политики наблюдали довольно пристально: тема переговоров поднималась на заседаниях парламента⁵, находила отражение в меморандумах, представленных на заседаниях Кабинета⁶. Однако Великобритания проявляла значительную осторожность, стремясь обезопасить себя от возможных упреков союзников, прежде всего Франции, в реализации собственной политики в регионе, в то время уже направленной на налаживание экономических отношений с РСФСР. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что на запрос С. Таллента от 10 сентября 1920 г. Кабинет ответил, что ему не стоит формально принимать советскую делегацию в Риге или предпринимать иные шаги, которые могут быть расценены как официальное признание, но необходимо поддерживать с участниками переговоров контакты, помогавшие бы следить за их ходом⁷.

Зафиксированная в прелиминарном договоре линия границы означала отказ Польши от «линии Керзона», которая была охарактеризована ею как «ничем не обоснованная»⁸, что однозначно шло вразрез с рекомендациями Великобритании. Это было явное дипломатическое поражение островной державы, стремившейся к стабилизации в Центрально-Восточной Европе, необходимой на тот момент для налаживания экономических связей. Более того, осенью 1920 г. депутаты палаты общин неоднократно указывали на поступавшую информацию о продолжающихся военных действиях

¹Здесь и далее перевод наш. – Е. Д.

²Boundaries (supreme council). 6 May 1920 [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/may/06/boundaries-supreme-council> (date of access: 13.01.2021).

³Poland and Czecho-Slovakia. 1 March 1920 [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/mar/01/poland-and-czecho-slovakia> (date of access: 12.01.2021).

⁴Poland. 8 March 1920 [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/mar/08/poland> (date of access: 10.01.2021) ; Frontiers. 8 June 1920 [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/jun/08/frontiers> (date of access: 10.01.2021).

⁵Soviet Russia and Poland. 11 November 1920 [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1920/nov/11/soviet-russia-and-poland> (date of access: 13.01.2021) ; Polish attacks. 22 November 1920 [Electronic resource]. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1920/nov/22/polish-attacks> (date of access: 13.01.2021) ; Peace negotiations. 29 November 1920 [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/nov/29/peace-negotiations> (date of access: 13.01.2021).

⁶The situation in Mesopotamia. Memorandum by the Secretary of State for War. 10 December 1920 [Electronic resource]. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7736775> (date of access: 10.01.2021).

⁷Conclusions of the meeting of the Cabinet, held at 10 Downing str. 14 September 1920 [Electronic resource]. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7652596> (date of access: 10.01.2021).

⁸Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939 : w 2 t. T. 1. 1918–1932 / red.: T. Jędruszcak [i in.]. Warszawa : Pax, 1989. S. 103–107.

в регионе польско-советского пограничья, о несоблюдении линии границ, зафиксированной в тексте прелиминарного мирного договора⁹. В аналитическом обзоре британского ведомства внутренних дел за октябрь 1920 г. даже допускалось, что поляки полностью не доверяют обещаниям советской стороны, и достигнутое соглашение – просто «маска, чтобы прикрыть их антибольшевистские переговоры с генералом Булаховичем и Врангелем»¹⁰. Наблюдение за ходом переговоров в Риге, поступавшие оттуда донесения не позволяли представителям британских правительственных кругов воспринимать переговорный процесс как стабильный, а линию границы – как окончательно принятую самими участниками переговоров.

Дипломатическое поражение британского Кабинета в вопросе польско-советского разграничения вызвало нападки со стороны оппозиции. Уже 25 октября перед премьер-министром Д. Ллойд Джорджем в палате общин одним из его оппонентов, либералом Дж. Кенворси, был поставлен довольно каверзный вопрос о возможности признания и гарантии Великобританией восточных границ Польши в том виде, «как они очерчены в русско-польском договоре в Риге»¹¹. При этом выступавший ссылаясь на ст. 10 Устава Лиги Наций, гласившую, что «члены Лиги обязуются уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства»¹². Премьер-министру пришлось вновь мастерски прибегнуть к тактике ухода от ответа, заявив, что до подписания мирного договора, его ратификации и регистрации Секретариатом Лиги Наций в соответствии со ст. 18 упомянутого устава «этот вопрос не может подниматься»¹³. В ходе парламентских прений в период рижских переговоров Д. Ллойд Джордж регулярно во всеуслышание

подчеркивал ответственность договаривающихся сторон за их результаты¹⁴, не допуская возможности разделить ее с союзными державами. Он настоятельно повторял, что линия границы, о которой польская и советская стороны договорились самостоятельно, расположена гораздо восточнее линии, рекомендованной союзниками¹⁵.

Анализ ситуации в регионе западных границ России и оценку обстановки на рижской границе можно найти в декабрьском меморандуме 1920 г. главы военного ведомства У. Черчилля. Автор пишет, что Польша навязала России мир, который «дает полякам больше территории, чем союзники были готовы им предоставить». Более того, она сама считает мир лишь передышкой. Вторая сторона, подписавшая договор, тоже не вызывала доверия британского политика: «...маловероятно, что они (советское правительство. – Е. Д.) готовы пожертвовать своей целью мировой революции, которую они стремятся реализовать посредством пропаганды и вооруженного натиска в случаях, где это возможно». Кроме того, Польша мешала торговле между Германией и Россией, что также являлось предпосылкой возобновления острой фазы конфликта. У. Черчилль высказывал предположение, что агрессором станет Россия, воспользовавшись готовым *casus belli* – поддержкой Польшей «украинского и белорусского движения». Он отмечал, что ресурсы Великобритании в текущий момент недостаточны для того, чтобы участвовать в оказании помощи Польше в случае советского нападения, потому рекомендовал использовать все возможные средства, чтобы не допустить «агрессивной и последовательно глупой политики» со стороны Польши¹⁶. В своих опасениях относительно нового витка вооруженной борьбы в регионе рижской границы военное ведомство было не одиноко. В обзоре революционного движения оно указывало, что получает информацию о подготовке к новой атаке на Польшу весной 1921 г., а также о концентрации советских войск на польской границе¹⁷.

⁹ Polish attacks. 22 November 1920 [Electronic resource]. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1920/nov/22/polish-attacks> (date of access: 13.01.2021).

¹⁰ A monthly review of revolutionary movements in British dominions overseas and foreign countries, No. 24, October 1920 [Electronic resource] // List of Cabinet papers, Nos. 1201–2200. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7736692> (date of access: 13.01.2021).

¹¹ Poland (eastern frontiers). 25 October 1920 [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/oct/25/poland-eastern-frontiers> (date of access: 15.01.2021).

¹² Устав Лиги Наций. 10 января 1920 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.doc20vek.ru/node/451> (дата обращения: 15.01.2021).

¹³ Poland (eastern frontiers). 25 October 1920 [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/oct/25/poland-eastern-frontiers> (date of access: 15.01.2021).

¹⁴ Polish attacks. 22 November 1920 [Electronic resource]. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1920/nov/22/polish-attacks> (date of access: 15.01.2021).

¹⁵ Peace negotiations. 29 November 1920 [Electronic resource]. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1920/nov/29/peace-negotiations> (date of access: 15.01.2021).

¹⁶ Appendix E. The military situation created by recent events in Russia, Caucasia, Turkey and Greece to Memorandum by the Secretary of State for War, 10 December 1920 [Electronic resource] // List of Cabinet papers, Nos. 2201–2300 inclusive. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-116.pdf> (date of access: 15.01.2021).

¹⁷ A monthly review of revolutionary movements in British dominions overseas and foreign countries, No. 26, December 1920 [Electronic resource] // List of Cabinet papers, Nos. 2401–2500. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-118.pdf> (date of access: 15.01.2021).

В свете поступавших в распоряжение Кабинета меморандумов становится понятно, почему отсутствие доверия со стороны британских политиков к итогам рижского территориального урегулирования в конце 1920 г. не смогли преодолеть даже попытки Польши, понимавшей экономические интересы англичан, выторговать у Великобритании гарантию рижской границы в обмен на предоставление преференций для предприятий союзников и договоренность об ограничении транзита из России в Германию [7, р. 626–629, 658–660]. Эти предложения Польши были отвергнуты [7, р. 698–699].

В начале 1921 г. представители британских правительственных кругов продолжали воспринимать ситуацию на польско-советском пограничье как крайне нестабильную. Об этом говорит меморандум военного ведомства, представленный уже после подписания Рижского мирного договора и повторявший вышеуказанные риски и рекомендации в отношении региона рижской границы¹⁸. В соответствии с этими рекомендациями британский Форин-офис отказал в просьбе гарантировать рижскую границу, поступившей от польского министра иностранных дел в феврале 1921 г. Вместо этого Польше было предложено зарегистрировать Рижский мирный договор в соответствии с Уставом Лиги Наций, что давало возможность получить обязательство со стороны этой организации защищать целостность Польши [7, р. 719–722]. Британские политики приводили еще один аргумент в качестве оправдания отказа от гарантии рижской границы: без согласования с союзниками Великобритании не может высказать свое мнение, равно как и повлиять на решение подобных вопросов в одиночку [9, р. 193–194, 207–208]. Все это позволяло им занять в 1921 г. излюбленную выжидательную позицию по отношению к вопросам о признании и гарантии рижской границы.

Скептическое восприятие британскими правительственными кругами рижской границы, которая не рассматривалась как стабильный элемент международных отношений в Центрально-Восточной Европе, сохранялось на протяжении 1921 г. Так, летом британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж обвинил Польшу в «ненормальности условий в Восточной Европе», отмечая, что поляки долж-

ны очистить земли восточнее «линии Керзона»¹⁹. В унисон с высказыванием премьер-министра звучала информация появлявшихся в тот период в британской прессе заметок²⁰.

Действительно, после заключения Рижского мирного договора в отношениях между Польшей и советской Россией сохранялось значительное напряжение, когда обе стороны не исключали возможности возобновления военных действий, по крайней мере, весной 1921 г. В регионе развернулся новый этап польско-советской борьбы за укрепление своих позиций в Центрально-Восточной Европе [5, с. 10–41]. Об этих обстоятельствах в своих донесениях постоянно писал в Лондон чрезвычайный посланник в Варшаве У. Макс-Мюллер, сообщая о содержании нот со взаимными обвинениями, которыми летом и осенью 1921 г. обменивались польская и советская стороны²¹. Доносил он и о происходивших конфликтах, например о поддержке антибольшевистской акции в Подолье бывшими участниками выступления Петлюры, пришедшими с польской территории Восточной Галиции, что дало повод для наступления польских войск²². Подобные сообщения подогревали опасения, что спрогнозированный У. Черчиллем *casus belli* в районе рижской границы может быть реализован. Только в декабре 1921 г. от У. Макс-Мюллера стала поступать информация о преодолении ряда разногласий между польской и советской сторонами, свидетельством чему являлось высказанное ими стремление к заключению торгового соглашения²³.

Подготовка к международной конференции с участием советской России, активно развернувшаяся с начала 1922 г., вызвала у Польши надежды на то, что в ближайшее время удастся преодолеть скептическую оценку итогов рижского территориального размежевания и положительно решить вопрос о международном признании рижской границы. Обнадеживали польское министерство иностранных дел донесения его представителя в Лондоне Я. Цехановского. Он сообщал, что глава Северного департамента британского ведомства иностранных дел, курирующего политику в отношении Восточной Европы, Дж. Д. Грегори назвал Генуэзскую конференцию хорошим случаем для признания Рижского мира²⁴. Благоприятным для Польши

¹⁸The military situation in Russia, Caucasia, Turkey and Greece. Memorandum by the Secretary of State for War. 19 February 1921 [Electronic resource]. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7737111#image> (date of access: 04.01.2021).

¹⁹Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 325. Оп. 1. Д. 179. Л. 7.

²⁰Там же. Д. 125. Л. 70.

²¹Foreign countries report No. 51, 7 September 1921 [Electronic resource]. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-155.pdf> (date of access: 12.01.2021); Foreign countries report No. 52, 21 September 1921 [Electronic resource]. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-155.pdf> (date of access: 12.01.2021); Foreign countries report No. 55, 2 November 1921 [Electronic resource]. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-155.pdf> (date of access: 12.01.2021).

²²Foreign countries report No. 55, 2 November 1921 [Electronic resource]. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-155.pdf> (date of access: 12.01.2021).

²³Foreign countries report No. 59, 28 December 1921 [Electronic resource]. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-155.pdf> (date of access: 12.01.2021).

²⁴Arch. Akt Nowych. Z. 463. Sygn. 59. S. 109–111.

казалось также содержание текста меморандума Форин-офиса по проблеме договоров с Россией, представленного весной 1922 г. В нем указывалось, что во внешнеполитические интересы Великобритании вписывается признание Рижского мирного договора 1921 г. Оно позволяло реализовать право союзников на определение восточных границ Польши и сделать шаг к определению международного статуса Восточной Галиции, оставляя ее в границах Польши [8, р. 288–296]. В целом в среде Кабинета появилось мнение о том, что «принятие договоров между Польшей и Балтийскими странами с одной стороны и Россией с другой стороны поспособствовало бы миру и восстановлению Европы» [9, р. 450–451].

Однако в канун Генуэзской конференции в правительственных кругах Великобритании рижская граница по-прежнему оценивалась как чрезмерно увеличивающая территорию Польши и являющаяся источником нестабильности в Европе. Подобные оценки неоднократно встречаются в британской прессе того времени. Например, краковская газета «Чась», основываясь на анализе британской прессы, в феврале 1922 г. писала: «Англия продолжает настаивать на том, что Польша простирается только по Сану и Бугу, и верить, что рижская граница не удержится. <...> Англия считает теперешние польские границы временными, и перемена их в будущем неизбежна. <...> Рижский мир будет пересмотрен»²⁵. Можно привести также выдержку из британского журнала «Нью стейтсмен»: «Польша уже сегодня владеет огромным пространством, однако виды на то, чтоб она могла его удержать хотя бы в течение одного десятилетия, очень малы...»²⁶. Сохранению такой оценки способствовала и поступавшая из региона Центрально-Восточной Европы информация. Так, в начале марта, как отмечал Форин-офис в своем ежемесячном отчете, пришло сообщение, что Л. Троцкий в воззвании к армии и флоту обратил внимание на отсутствие уверенности в безопасности советских границ в условиях откладывания сроков проведения конференции в Генуе²⁷.

Осознавая необходимость укрепить свои позиции в вопросе о признании рижской границы ввиду очевидной оценки ее британскими правительственными кругами как крайне ненадежной и неустойчивой, Польша в канун возможной постановки данного вопроса на Генуэзской конференции попыталась заручиться поддержкой стран Балтии:

17 марта 1922 г. в Варшаве было подписано соглашение между Польшей, Эстонией, Латвией и Финляндией, в соответствии с которым названные страны взаимно признавали мирные договоры с РСФСР и обязывались совместно вырабатывать меры по противодействию потенциальной агрессии²⁸. Однако назвать этих союзников надежными для Польши в вопросе о признании рижской границы не представляется возможным. При выработке своей позиции они, очевидно, учитывали позицию британского Кабинета. Так, министр иностранных дел Финляндии, перед тем как поставить в финском парламенте вопрос о ратификации Варшавского соглашения, обратился с запросом к Великобритании о ее намерении признать «границу, определенную русско-польским мирным договором»²⁹. В итоге, как известно, Финляндия не присоединилась к сделанному в ходе рижского совещания 29–30 марта представителями Польши, Эстонии, Латвии и РСФСР заявлению о строгом выполнении обязательств по двусторонним договорам [11, с. 173–175].

Готовясь к участию в Генуэзской конференции, британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж в ходе мартовских заседаний Кабинета не мог не затронуть вопрос о польско-советской границе в рамках обсуждения возможности признания правительства РСФСР. Он по-прежнему придерживался мнения, что мира на границе Советского государства с Польшей не было. При этом премьер-министр подчеркивал важность восстановления торговли с Россией для нормализации экономической жизни, указывая, что подготовка и подписание общеевропейского пакта в ходе предстоящей конференции могли бы поспособствовать стабилизации ситуации в регионе, согласию стран, заключивших локальные соглашения на «уважение границ». Однако обязательства о гарантиях территориальной целостности восточноевропейских государств со стороны союзных держав не предполагались³⁰. В ходе встречи с польским министром иностранных дел К. Скирмунтом Д. Ллойд Джордж даже не отрицал возможности дебатов по вопросу границ Польши в ходе предстоящей международной конференции [13, с. 168–169]. Такая позиция премьер-министра была, видимо, хорошо известна в британском внешнеполитическом ведомстве. В связи с этим в Форин-офисе польским представителям рекомендовали в Генуе избегать постановки особо острого вопроса о Восточной Галиции

²⁵НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 212. Л. 26.

²⁶Там же. Л. 34.

²⁷Foreign countries report No. 64, 8 March 1922 [Electronic resource]. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7732217> (date of access: 18.01.2021).

²⁸Материалы Генуэзской конференции (подготовка, отчеты заседаний, работы комиссии, дипломатическая переписка и пр.) / ред.-сост. Г. Б. Сандомирский; Нар. комиссариат по иностр. делам. М., 1922. С. 148.

²⁹Foreign countries report No. 66, 5 April 1922 [Electronic resource]. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7732219> (date of access: 18.01.2021).

³⁰Conclusions of a Conference of Ministers held in the Lord Privy Seal's Room, House of Commons, on Monday, 27 March 1922, at 6–30 p. m. [Electronic resource]. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-29.pdf> (date of access: 18.01.2021).

как отдельного, так как это «опасно», предостерегая при этом, что предложить поднятие данного вопроса может сам глава Кабинета³¹.

В период Генуэзской конференции Польше приходилось постоянно подчеркивать, что восточная граница страны является законной, ее линия обозначена в Рижском мирном договоре. Об этом в британское внешнеполитическое ведомство писал польский представитель в Лондоне, отмечая, что союзные державы призваны только санкционировать этот результат польско-советского договора³². Однако ход конференции показывает, что Великобритания, прежде всего в лице ее премьер-министра, не расценивала рижскую границу как окончательное решение вопроса о восточной границе Польши. Например, 24–25 апреля в беседах с главой французской делегации Ж.-Л. Барту Д. Ллойд Джордж отмечал, что требуется еще урегулировать ряд вопросов, «среди которых – восточные границы Польши и Восточная Галиция»³³. Вместе с тем глава британского Кабинета допускал, что можно принять линию границы, указанную в тексте Рижского мирного договора. «Если Россия приняла ее, не дело союзников противиться»³⁴. Однако сохранялась оценка восточногалицийского участка границы как слабого звена в системе послевоенного урегулирования в Центрально-Восточной Европе. Этому способствовали периодически появлявшиеся заявления со стороны РСФСР. Так, в письме Г. Чичерина К. Шанцеру от 30 апреля факт польского присутствия в Восточной Галиции был представлен как «военная оккупация чужих территорий», которая повлечет «восстания и кровопролитные военные операции» [11, с. 281].

Озвученные в Генуе делегацией Великобритании оценки ситуации в регионе рижской границы, ее подход к вопросу о восточных границах Польши как к неурегулированной проблеме международных отношений подталкивали польских делегатов постоянно обращать внимание участников конференции на факт существования Рижского мирного договора, который документально закрепил линию восточных границ польского государства. Так, при-

соединяясь к итоговой декларации стран – участниц Генуэзской конференции, представитель Польши специально отметил в своем выступлении, что польское правительство присоединяется с оговоркой: «...обязательства, налагаемые на Россию и Польшу Рижским договором, должны оставаться в силе»³⁵.

На протяжении 1922 г. рижская граница продолжала рассматриваться британскими политиками как регион повышенной опасности. Обозначались следующие факторы, обострявшие там ситуацию: голод и разруха, порождавшие беженство, бандитизм и мародерство; наличие значительных вооруженных сил по обе стороны польско-советской границы, которое, по словам Д. Ллойд Джорджа, было «опасно с чисто военной точки зрения, поскольку, как показывает опыт, если конфликты ожидаются на беспокойных границах, то они обязательно произойдут»³⁶. Актуализировали такую оценку и заявления политиков Польши на международной арене, которые, пытаясь добиться помощи и гарантий со стороны европейских держав, подчеркивали, что Россия «оставалась вне Лиги Наций и отказывалась брать на себя какие бы то ни было обязательства в отношении развязывания новых войн». Характеризуя ситуацию на рижской границе, они отмечали, что «фактическая граница между Польшей и советской Россией простирается на 1072 километра, из которых едва ли 300 километров – то есть менее трети – в Полесье обеспечивают какую-либо естественную оборону. Польша обладает лишь малой частью даже этой последней территории, которая, благодаря своим болотам, могла бы образовать для нее сравнительно защищенную пограничную область. Большая его часть находится в России, что значительно снижает его ценность с точки зрения стратегической обороны. <...> Россия, в отличие от Польши, действительно может использовать свою часть Полесья для наступательных операций, потому что она имеет там железную дорогу, которая разделяет Полесье с севера на юг, а также несколько очень удобных естественных путей»³⁷. В заявлениях польских политиков подчеркивалась значимость роли Польши

³¹ Arch. Akt Nowych. Z. 463. Sygn. 59. S. 117–136.

³² Ibid. Sygn. 60. S. 57–60.

³³ Note of conversations between Sir Maurice Hankey and Sir Cecil Hurst and M. Seydoux and M. Fromageot on Monday and Tuesday, 24 and 25 April 1922 [Electronic resource] // Genoa conference. Notes of conversations. S. G. Series. P. 76. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/SearchUI/Details?uri=C4210062> (date of access: 18.01.2021).

³⁴ Notes of a conversation between Mr. Lloyd George and Dr. Benes, at the Villa d'Albertis, Genoa, on Wednesday, 26 April 1922, at 11–15 a. m. [Electronic resource] // Ibid. P. 89. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/SearchUI/Details?uri=C4210062> (date of access: 18.01.2021); Note of a conversation between Mr. Lloyd George (who was accompanied by Sir Maurice Hankey) and M. Barthou (who was accompanied by M. Lamirault and M. Gamerlinck), at the Hotel Miramare, Genoa, on Tuesday, 2 May 1922, at 10 a. m. [Electronic resource] // Ibid. P. 128–132. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/SearchUI/Details?uri=C4210062> (date of access: 18.01.2021).

³⁵ Provisional verbatim record. Third plenary session. 19 May 1922 [Electronic resource]. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-136.pdf> (date of access: 18.01.2021).

³⁶ Foreign countries report No. 71, 14 June 1922 [Electronic resource]. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-155.pdf> (date of access: 18.01.2021).

³⁷ Statements by various countries on the considerations relative to the requirements of their national safety, international obligations, geographical situation and special conditions [Electronic resource] // List of Cabinet papers, No. 4201–4300 inclusive. P. 92–93. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-139.pdf> (date of access: 20.01.2021).

по защите рижской границы для европейской безопасности: «Польша по праву гордится своей исторической ролью защитника западной цивилизации и достижениями в деле противостояния опасностям вторжения и войны. <...> Чтобы играть свою роль защитника, она вынуждена постоянно прилагать усилия и приносить постоянные жертвы»³⁸. Идея о том, что рижская граница не просто граница между государствами, а еще и своеобразный общеевропейский западный рубеж, не была чужда и отдельным представителям правительственных кругов Великобритании, особенно тем, кто был ближе знаком с польскими реалиями. Например, весной 1923 г., когда в связи с участием Великобритании в международном признании восточных границ Польши конференцией послов произошел всплеск внимания членов британского парламента к этой проблеме, лорд Треовен, член палаты лордов, посетивший Польшу осенью 1922 г., говорил в своей речи в палате о том, что польско-советская граница – это «нравственная граница, простирающаяся по всему региону, на восточной стороне которой не было ничего, кроме грабежа и хаоса, тогда как с западной стороны существовал закон и порядок, мир и защита жизни и имущества»³⁹. Однако и такая оценка не подталкивала официальный Лондон к какому-либо участию в защите рижской границы: в середине марта 1923 г. глава внешнеполитического ведомства Великобритании специально указал польскому министру иностранных дел на то, что признание восточных границ Польши не означает обязательств по их гарантии [9, p. 807–809].

На протяжении 1924 г. в условиях признания Великобританией правительства СССР де-юре тема рижской границы не поднималась остро в среде британских политиков, но в начале 1925 г., когда активно обсуждался вопрос о ратификации Женевского протокола Великобританией, вновь стали звучать оценочные суждения о ситуации в регионе Центрально-Восточной Европы. В основном они носили довольно общий характер. Например, британский дипломат Г. Никольсон в подготовленном им по заданию Кабинета анализе европейской ситуации в феврале 1925 г. писал, что Россия «нависает, как грозовая туча, на восточном горизонте Европы – надвигающаяся, невесомая, но в настоящее время отдаленная». Автор признавал, что «шаткое положение Польши... по отношению не только к Германии, но и к России представляло собой

элемент... дополнительной тревоги». При этом он говорил о том, что система безопасности в Европе должна быть построена, «невзирая на Россию», так как ее будущее развитие непредсказуемо⁴⁰. Более конкретные оценки давал бывший премьер-министр Д. Ллойд Джордж. Он характеризовал Рижский мир как «взрывоопасное соглашение», а территории, вошедшие в состав польского государства благодаря его заключению, – Восточную Галицию, Беларусь – сравнивал с Эльзасом и Лотарингией. Бывший британский премьер-министр выступал резко против ратификации Женевского протокола, поскольку в нем предусматривалось применение санкций в случае, если государство, не являющееся членом Лиги Наций и вступившее в конфликт с государством – участником протокола, откажется подчиниться предусмотренной им процедуре. Одной из наиболее вероятных зон конфликта, в который в таком случае окажется втянута Великобритания, он считал регион рижской границы: «Предположим, что Россия восстанавливается, а революционные страны, когда они восстанавливаются, склонны быть очень крайними националистами... и Россия требует назад свои потерянные территории. Она говорит: “Я хочу Беларусь”. Затем вопрос передается на рассмотрение Совета Лиги, и они назначают третейский суд. Первое, что происходит, – это то, что Рижский договор, который был принят нами очень некстати, в марте 1923 года... этот договор накладывает на нас обязательства. Польша говорит: “Это граница. Если вы хотите обсудить вопрос толкования Рижского договора, мы вполне готовы передать его на арбитраж”. Россия скажет: “Нет вопроса о толковании. По Рижскому договору эти территории, несомненно, закреплены за вами. Но мы хотим проверить, правильно ли, что миллионы русских должны находиться под властью Польши”. Что же происходит? Мы обязаны, если подпишем протокол, использовать наши силы для ведения войны. Это действительно то, чего мы хотим?»⁴¹. Ответ на этот вопрос британского политика можно найти в меморандумах, которые в рассматриваемое время появлялись из-под пера сотрудников Форин-офиса и других представителей правительственных кругов Великобритании. Например, в ходе указанной дискуссии в феврале 1925 г. Р. Сесил в представленном в Кабинет меморандуме писал: «Наиболее важным аспектом для нас является безопасность западных стран, и в особенности Фран-

³⁸Statements by various countries on the considerations relative to the requirements of their national safety, international obligations, geographical situation and special conditions [Electronic resource] // List of Cabinet papers, No. 4201–4300 inclusive. P. 93–94. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-139.pdf> (date of access: 20.01.2021).

³⁹Eastern frontiers of Poland. 16 May 1923 [Electronic resource]. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/lords/1923/may/16/eastern-frontiers-of-poland> (date of access: 21.01.2021).

⁴⁰British policy considered in relation to the European situation. Memorandum by Mr. Harold Nicolson, of the Foreign Office, prepared in pursuance of directions from the Secretary of State. 20 February 1925 [Electronic resource] // Cabinet papers, Nos. 101(25)–200(25). P. 73–75. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-172.pdf> (date of access: 21.01.2021).

⁴¹British policy. 24 March 1925 [Electronic resource]. URL: http://hansard.millbanksystems.com/commons/1925/mar/24/british-policy#s5cv0182p0_19250324_hoc_423 (date of access: 21.01.2021).

ции и Бельгии и, возможно, Голландии, поскольку именно с их территории легче всего можно было бы начать нападения на нас с воздуха и моря. <...> Поэтому мы не можем сделать много, если вообще что-либо, чтобы гарантировать безопасность Центральной и Восточной Европы. <...> Вполне разумно, что основное бремя обеспечения безопасности этих территорий должно быть возложено на плечи тех стран, которые в этом более непосредственно заинтересованы. <...> Если эта точка зрения будет

принята, то общая линия политики будет заключаться в том, чтобы мы взяли на себя определенные и конкретные обязательства по отношению, скажем, к Франции, Бельгии и Германии, оставляя безопасность Польши, например, на попечение центральноевропейских государств, может быть, с помощью Франции»⁴². Отказ Великобритании от ратификации Женевского протокола показывает, что именно эта линия в политике Великобритании вообладала в первой половине 1920-х гг.

Заключение

В канун рижских мирных переговоров притязания Польши на земли, расположенные восточнее линии, указанной в декларации союзников в декабре 1919 г., негативно оценивались представителями британских правительственных кругов. Последовательно скептически оценивалось и решение вопроса о территориальном размежевании между Польшей и советской стороной в рамках Рижского мирного договора, состоявшееся в условиях временной слабости РСФСР. Линия рижской границы не рассматривалась как стабильная, окончательно принятая сторонами, подписавшими мирный договор в марте 1921 г. В связи с этим в среде политиков Великобритании сохранялось опасение нового витка вооруженной борьбы в Центрально-Восточной Европе. С начала 1922 г. в условиях подготов-

ки к международной конференции с участием советской России в британских политических кругах рассматривалась возможность урегулирования ситуации в регионе рижской границы путем заключения некоего общеевропейского пакта с участием РСФСР. При этом не исключался пересмотр линии рижской границы с учетом позиции советской стороны. После Генуэзской конференции польско-советская граница продолжала оцениваться в Великобритании как потенциальная угроза для мира в Европе, однако попытки Польши, используя подобные оценки, получить британские гарантии своей восточной границы оказались безуспешными. Наоборот, нестабильность в регионе рижской границы стала одним из доводов для британских политиков, выступавших против ратификации Женевского протокола 1924 г.

Библиографические ссылки

1. Коваленя АА, Данилович ВВ, Боровская ОН, Вабищевич АН, Валаханович ИА, Великий АФ и др. *Рижский мир в судьбе белорусского народа, 1921–1953 гг. Книга 1*. Коваленя АА, Данилович ВВ, Жилинский МГ, Костюк МП, Лакиза ВЛ, Литвин АМ и др., редакторы. Минск: Беларуская навука; 2014. 593 с.
2. Торкунов АВ, Ротфельд АД, редакторы. *Белые пятна – черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях*. Москва: Аспект Пресс; 2017. 823 с.
3. Вялікі АФ, Космач ГА, Лазько РР, Сакалоўскі УЛ, Салькоў АП, Снапкоўскі УЕ і інш., складальнікі. *Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў. Том 1. 1 жніўня 1914 – 18 сакавіка 1921 гг. Частка 1. 1 жніўня 1914 – 31 снежня 1919 гг.* Мартынаў СМ, Шарапа АВ, Снапкоўскі УЕ, Космач ГА, Лазько РР, Салькоў АП і інш., рэдактары. Мінск: Юніпак; 2008. XLII, 539 с.
4. Мезга НН. *В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов*. Гомель: Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины; 2010. 198 с.
5. Мезга НН. *Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния*. Гомель: Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины; 2019. 229 с.
6. Woodward EL, Butler R, editors. *Documents on British foreign policy, 1919–1939. First series. Volume 3*. London: Her Majesty's Stationary Office; 1949. LXXX, 909 p.
7. Butler R, Bury JPT, Lambert ME, editors. *Documents on British foreign policy, 1919–1939. First series. Volume 11*. London: Her Majesty's Stationary Office; 1961. LXXVI, 748 p.
8. Medlicott WN, Dakin D, Lambert ME, editors. *Documents on British foreign policy, 1919–1939. First series. Volume 19*. London: Her Majesty's Stationary Office; 1974. XLV, 1138 p.
9. Medlicott WN, Dakin D, Bennett G, editors. *Documents on British foreign policy, 1919–1939. First series. Volume 23*. London: Her Majesty's Stationary Office; 1981. CXLV, 1054 p.
10. Хренов ИА, Гонсеровская-Грабовская Н, редакторы. *Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Том 2. Ноябрь 1918 г. – апрель 1920 г.* Москва: Наука; 1964. 724 с.
11. Богомолов АЕ, Гафуров БГ, Ершов ПИ, Лаврентьев АИ, Лезин ВВ, Шатагин ИИ, редакторы. *Документы внешней политики СССР. Том 5. 1 января 1922 г. – 19 ноября 1922 г.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1961. 808 с.

⁴²Reduction of armaments. Protocol for the pacific settlement of international disputes. French and Belgian security. Memorandum by the Right Hon. Viscount Cecil of Chelwood, K. C. [Electronic resource] // Cabinet papers, Nos. 101(25)–200(25). P. 100–101. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-172.pdf> (date of access: 21.01.2021).

12. Nowak-Kiełbikowa M. *Polska-Wielka Brytania w latach 1918–1923. Kształtowanie się stosunków politycznych*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe; 1975. 444 s.

13. Nowak-Kiełbikowa M. *Konstanty Skirmunt: polityk i dyplomata*. Warszawa: Neriton; 1998. 367 s.

References

1. Kovalenya AA, Danilovich VV, Borovskaya ON, Vabishchevich AN, Valakhanovich IA, Velikii AF, et al. *Rizhskii mir v sud'be belorusskogo naroda, 1921–1953 gg. Kniga 1* [The Peace of Riga in the fate of Belarusian people, 1921–1953. Book 1]. Kovalenya AA, Danilovich VV, Zhilinskii MG, Kostyuk MP, Lakiza VL, Litvin AM, et al., editors. Minsk: Belaruskaja navuka; 2014. 593 p. Russian.

2. Torkunov AV, Rotfel'd AD, editors. *Belye pyatna – chernye pyatna: slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniyakh* [White spots – black spots: complex issues in Russian-Polish relations]. Moscow: Aspekt Press; 2017. 823 p. Russian.

3. Vjaliki AF, Kosmach GA, Laz'ko RR, Sakalowski UL, Sal'kow AP, Snapkowski UE, et al., compilers. *Belarus' u palitycy su-sednih i zahodnih dzjarzhaw (1914–1991 gg.): zbornik dakumentaw i matjeryjalaw. Tom 1. 1 zhniwnja 1914 – 18 sakavika 1921 gg. Chastka 1. 1 zhniwnja 1914 – 31 snezhnja 1919 gg.* [Belarus in the politics of neighboring and Western states (1914–1991): a collection of documents and materials. Volume 1. 1914 August 1–1921 March 18. Part 1. 1914 August 1–1919 December 31]. Martynaw SM, Sharapa AV, Snapkowski UE, Kosmach GA, Laz'ko RR, Sal'kow AP, et al., editors. Minsk: Junipak; 2008. XLII, 539 p. Belarusian.

4. Mezga NN. *V tiskakh Rapallo: germanskii faktor v pol'sko-sovetskikh otnosheniyakh 1921–1926 godov* [In the grip of Rapallo: the German factor in Polish-Soviet relations 1921–1926]. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University; 2010. 198 p. Russian.

5. Mezga NN. *Sovetsko-pol'skie otnosheniya 1921–1926 godov: novyi etap protivostoyaniya* [Soviet-Polish relations of 1921–1926: a new stage of confrontation]. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University; 2019. 229 p. Russian.

6. Woodward EL, Butler R, editors. *Documents on British foreign policy, 1919–1939. First series. Volume 3*. London: Her Majesty's Stationary Office; 1949. LXXX, 909 p.

7. Butler R, Bury JPT, Lambert ME, editors. *Documents on British foreign policy, 1919–1939. First series. Volume 11*. London: Her Majesty's Stationary Office; 1961. LXXVI, 748 p.

8. Medlicott WN, Dakin D, Lambert ME, editors. *Documents on British foreign policy, 1919–1939. First series. Volume 19*. London: Her Majesty's Stationary Office; 1974. XLV, 1138 p.

9. Medlicott WN, Dakin D, Bennett G, editors. *Documents on British foreign policy, 1919–1939. First series. Volume 23*. London: Her Majesty's Stationary Office; 1981. CXLV, 1054 p.

10. Khrenov IA, Gonserovskaya-Grabovskaya N, editors. *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skikh otnoshenii. Tom 2. Noyabr' 1918 g. – aprel' 1920 g.* [Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations. Volume 2. 1918 November – 1920 April]. Moscow: Nauka; 1964. 724 p. Russian.

11. Bogomolov AE, Gafurov BG, Ershov PI, Lavrent'ev AI, Lezin VV, Shatagin II, editors. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR. Tom 5. 1 yanvarya 1922 g. – 19 noyabrya 1922 g.* [Documents of the foreign policy of the USSR. Volume 5. 1922 January 1 – 1922 November 19]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1961. 808 p. Russian.

12. Nowak-Kiełbikowa M. *Polska-Wielka Brytania w latach 1918–1923. Kształtowanie się stosunków politycznych*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe; 1975. 444 s.

13. Nowak-Kiełbikowa M. *Konstanty Skirmunt: polityk i dyplomata*. Warszawa: Neriton; 1998. 367 s.

Статья поступила в редколлегию 28.01.2021.

Received by editorial board 28.01.2021.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(47)«1914/1918»

СЛУЖБА ПРАВОСЛАВНОГО ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ ГАЛИЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Э. В. СТАРОСТЕНКО¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

Исследуется деятельность православного военного духовенства в российской армии на территории Галиции в годы Первой мировой войны. Установлено, что на культовую деятельность военных священников большое влияние оказали конфессиональная обстановка в Галиции, ведение боевых действий на территории противника. Показаны отношение протопресвитера военного и морского духовенства к униатскому вопросу, специфика взаимодействия военных священников с местным населением. Проанализированы особенности организации и осуществления богослужений. Рассмотрена работа священников по поддержанию боевого духа. Установлены случаи как добросовестного, так и недопустимого отношения к службе.

Ключевые слова: Первая мировая война; православное военное духовенство; Галиция; Юго-Западный фронт; униатство; протопресвитер военного и морского духовенства; Г. И. Шавельский.

Образец цитирования:

Старостенко ЭВ. Служба православного военного духовенства на оккупированной территории Галиции в годы Первой мировой войны. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2021;2:39–47.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-39-47>

For citation:

Starostenko EV. Service of the Orthodox military clergy in the occupied territory of Galicia during the First World War. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021; 2:39–47. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-39-47>

Автор:

Элеонора Викторовна Старостенко – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета.

Author:

Eleonora V. Starostenko, PhD (history), docent; associate professor at the department of world history, faculty of history and philology.
eleonorastarostenko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2864-7928>

СЛУЖБА ПРАВАСЛАўНАГА ВАЕННАГА ДУХАВЕНСТВА НА АКУПАВАНай ТЭРЫТОРЫі ГАЛІЦЫі ў ГАДЫ ПЕРШАй СУСВЕТНАй ВАЙНЫ

Э. В. СТАРАСЦЕНКА^{1*}

^{1*} *Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова,
вул. Касманаўтаў, 1, 212022, г. Магілёў, Беларусь*

Даследуецца дзейнасць праваслаўнага ваеннага духавенства ў расійскай арміі на тэрыторыі Галіцыі ў гады Першай сусветнай вайны. Устаноўлена, што на культавую дзейнасць ваенных святароў вялікі ўплыў аказалі канфесійная абстаноўка ў Галіцыі, вядзенне баявых дзеянняў на тэрыторыі праціўніка. Паказаны стаўленне протапрэсвітара ваеннага і марскога духавенства да ўніяцкага пытання, спецыфіка ўзаемадзеяння ваенных святароў з мясцовым насельніцтвам. Прааналізаваны асаблівасці арганізацыі і ажыццяўлення набажэнстваў. Разгледжана праца святароў па падтрыманні баявога духу. Устаноўлены выпадкі як добрасумленнага, так і недапушчальнага стаўлення да службы.

Ключавыя словы: Першая сусветная вайна; праваслаўнае ваеннае духавенства; Галіцыя; Паўднёва-Заходні фронт; уніяцтва; протапрэсвітар ваеннага і марскога духавенства; Г. І. Шавельскі.

SERVICE OF THE ORTHODOX MILITARY CLERGY IN THE OCCUPIED TERRITORY OF GALICIA DURING THE FIRST WORLD WAR

E. V. STAROSTENKO^a

^a *Mogilev State A. Kuleshov University, 1 Kasmanaŭtaŭ Street, Mahilioŭ 212022, Belarus*

The activity of the Orthodox military clergy in the Russian army on the territory of Galicia during the First World War is considered. It was established that the religious situation in Galicia and the conduct of hostilities on the enemy's territory had a great influence on the activities of military priests. The attitude of the protopresbyter of the military and naval clergy to the uniate question, the specificity of the interaction of military priests with the local population are shown. The features of the organisation and implementation of services are analysed. The work of priests to maintain a fighting spirit is considered. Cases of both conscientious and unacceptable attitude to the service was established.

Keywords: First World War; Orthodox military clergy; Galicia; Southwestern Front; Uniatism; protopresbyter of the military and naval clergy; G. I. Shavelsky.

Введение

В последние годы история Первой мировой войны все чаще становится предметом исследования как отечественных, так и зарубежных историков. Помимо хода боевых действий, авторы выбирают и более предметные проблемы для изучения, например службу в действующей армии Российской империи православного военного духовенства. Данная тема обращает на себя внимание все большего числа исследователей. Изучение деятельности военных священников на основе материалов по одному фронту позволяет выявить общее и особенное в их работе в годы Первой мировой войны. В настоящей статье рассматривается служба православных военных священников российской армии в Галиции во время Первой мировой войны. Особенности деятельности здесь православного военного духовенства обусловлены ее осуществлением на территории противника, спецификой конфессиональной обстановки (униатский вопрос) и активными боевыми действиями. Отдельные аспекты

проблемы рассматривались в работах С. В. Малышко, Л. В. Жуковой, Т. Н. Евсеевой, А. С. Лозинского и др. [1–4]. Цель исследования – выявить особенности деятельности военных священников на занятой российскими войсками территории Галиции. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи: определить специфику культовой и внекультовой деятельности в воинских частях, сражающихся в Галиции, проанализировать влияние на службу военных священников конфессиональных особенностей оккупированной территории. Хронологические рамки исследования включают в себя периоды оккупации Галиции российскими войсками. Верхняя граница – февраль 1917 г. Географические рамки исследования ограничены территорией Галиции, занимаемой российской армией на разных этапах войны. Статья написана с опорой на архивные документы (Российский государственный исторический архив), периодическую печать и мемуары.

Методология исследования

В процессе подготовки настоящей статьи автор руководствовалась базовыми принципами научного исследования, такими как принципы историзма, объективности, системности, а также ценностный и комплексный подходы. Наряду с общенаучными и общелогическими методами (анализ, синтез, индукция и дедукция) в работе были использова-

ны специально-исторические методы (в частности, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический методы и функциональный анализ). Применение данной методологии позволило установить общее и особенное в деятельности православного военного духовенства в Галиции в 1914 – начале 1917 г.

Результаты и их обсуждение

Наступление российских войск на австро-венгерские земли началось с первых дней войны. Галиция на несколько лет превратилась в кровопролитное поле боя, контроль над которым брала то одна, то другая сторона. Боевые действия здесь вели преимущественно армии Юго-Западного фронта. Управление православным военным духовенством в его пределах осуществлялось главным священником армий Юго-Западного фронта. Эту должность на протяжении войны занимал протоиерей В. Грифцов. Он оказался весьма деятельным главным священником (рассылал подведомственному духовенству собственные циркуляры, активно участвовал в жизни ведомства). Помимо главного священника армий Юго-Западного фронта, управление православным духовенством на территории Галиции с 1916 г. осуществлял представитель протопресвитера военного и морского духовенства при военном генерал-губернаторе областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны. Хотя он и подчинялся протопресвитеру, в его ведении находилось религиозное обслуживание местного населения. Число священников, служащих в частях и учреждениях фронта, было велико: согласно архивным данным, по состоянию на 20 ноября 1915 г. на Юго-Западном фронте служили 543 священника и 23 числились выбывшими (убитые, умершие, попавшие в плен), в мае 1917 г. здесь значились уже 830 священников¹.

Деятельность православного военного духовенства можно разделить на культовую и внекультовую. Культовая деятельность включала в себя организацию и проведение богослужений и зависела от условий боевой жизни. Регулярное совершение служб было возможно в гарнизонах, запасных госпиталях, а также во время отдыха или нахождения в резерве, тогда как в период активных боевых действий осуществление религиозного обслуживания военных становилось проблематичным. Отчеты священников о богослужебном деле зачастую однотипны: они положительно оценивают свою работу, сообщают о высокой посещаемости служб солдатами и офицерами, должном уровне религиозности среди воинских чинов. Например, духовенство 4-й Фин-

ляндской стрелковой дивизии (с. Джуринская Слободка) в январе 1916 г. сообщало, что, когда полк находился на отдыхе или в резерве, литургия совершалась не только в праздничные и выходные дни, но и в будни. Когда же полк стоял на позициях, вся богослужебная деятельность осуществлялась в резервных ротах и при штабе полка². Благочинный 16-й пехотной дивизии Д. Галицев в отчете за 1916 г. писал, что во всех воинских частях и в штабе дивизии богослужения совершались торжественно во все праздничные и воскресные дни. Религиозное состояние паствы благочинный называл отрадным, отмечая, что «о неверии или маловерии не может быть и речи»³.

Военные священники организовывали богослужения не только для солдат, но и для местных жителей. Это обусловлено политикой российских властей в Галиции. Военное командование рассчитывало заручиться поддержкой галичан. Немаловажную роль в этом играл конфессиональный вопрос. Так как значительную часть населения Галиции составляли униаты, то в начале войны в их отношении была предпринята попытка «воссоединения» с православной церковью. Одним из идеологов и организаторов «воссоединения» принято считать архиепископа Евлогия. Однако его деятельность в Галиции неоднократно подвергалась критике со стороны протопресвитера Г. И. Шавельского, полагавшего, что всякие воссоединительные действия в условиях военного времени недопустимы, ведь еще сегодня эта территория подчиняется власти одних, а завтра – других [5, с. 166]. Протопресвитер считал необходимым ограничиться религиозным обслуживанием населения: только тогда в будущем униаты смогут прийти к православию, во всех остальных случаях лишь возненавидят его. Евлогий же полагал, что критика протопресвитера вызвана непризнанием им иной церковной организации в пределах фронта и ближайшего тыла, кроме военного духовенства [6, с. 261].

Вскоре власти осознали, что действия Евлогия не приведут к расположению местных жителей: в 1916 г. его отстранили от управления церковны-

¹Рос. гос. ист. арх. (РГИА). Ф. 806. Оп. 5. Д. 10392. Л. 71 ; Д. 10577. Л. 4–4 об.

²Там же. Д. 9830. Л. 47 об.

³Там же. Д. 10194. Л. 224 об.

ми делами в Галиции и передали дело протопресвитеру военного и морского духовенства. К тому времени, по убеждению протопресвитера, «воссоединительная» политика Евлогия негативно сказалась на отношении униатского населения к российской администрации: одни были настроены враждебно, другие же боялись идти на сближение после репрессий австрийцев при возвращении ими Галиции в 1915 г. [7, с. 45]. Рассуждения протопресвитера о сложившейся ситуации были изложены в докладной записке императору Николаю II, датированной 3 августа 1916 г. В ней политика Евлогия в Галиции осуждалась как не учитывающая всех условий обстановки и момента. Протопресвитер предлагал организовать дело таким образом, чтобы подготовить почву для присоединения в будущем: для этого рекомендовалось заниматься не «воссоединением», а «утолением духовного голода», т. е. религиозным обслуживанием населения.

Г. И. Шавельский был услышан. Его взгляды на управление церковными делами в Галиции нашли отражение в статьях Временного положения об управлении областями Австро-Венгрии, занятыми по праву войны, согласно которому учреждалась должность представителя протопресвитера военного и морского духовенства при военном генерал-губернаторе областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны. На нее был назначен протоиерей Ф. Титов, профессор Киевской духовной академии. По своим полномочиям представитель протопресвитера приравнивался к главному священнику фронта и имел аналогичный штат управления⁴. Было учреждено 30 штатных священнослужительских мест в Галиции, которые протопресвитер мог замещать по необходимости. Им присваивался оклад военного священника⁵. При отборе кандидатов большое внимание уделялось их образованию и «идейности» (схожие требования предъявлялись и к кандидатам на священнослужительские должности в армии). Протопресвитер объяснял это высоким уровнем подготовки униатского духовенства: по его информации, почти все они окончили богословский факультет Львовского университета⁶. По этой причине командированное духовенство должно было иметь за плечами хотя бы курс духовной семинарии.

Несмотря на деятельность священников, находящихся в ведении представителя протопресвитера, в религиозном обслуживании галицийского населения участвовало военное духовенство. Г. И. Шавель-

ский в докладной записке императору писал, что полковые и госпитальные священники размещавшихся в Галиции армий будут оказывать всяческую помощь населению в совершении треб⁷. Военному духовенству был адресован циркуляр протопресвитера от 21/28 августа 1916 г. В нем предлагалось совершать для галичан богослужения, проявляя при этом «особую любовь, заботливость и полное бескорыстие», избегая оплаты за труды⁸. Кроме того, Г. И. Шавельский просил работать в согласии с духовенством, подчиненным его представителю, и реагировать на приказы последнего как на его собственные. В отчете представителя протопресвитера за август – декабрь 1916 г. сообщалось, что в большинстве своем военное духовенство выполняло это требование протопресвитера⁹.

На службах, организованных для военнослужащих, часто присутствовали местные жители. Священник Н. Яхонтов писал, что проведенное в сочельник 1914 г. богослужение произвело сильное впечатление на присутствующих униатов и маленькая униатская церквушка не могла вместить всех желающих помолиться¹⁰. Он же, описывая пасхальное богослужение для воинов и местного населения в 1915 г., отмечал, что русины молились с теплотой, а глаза их были прикованы к кресту в руках священника¹¹. Священник М. Щербаков сообщал, что на службу, организованную для чинов полка в униатской церкви с. Ямница в начале 1915 г., пришла часть местных жителей, так как их священник сбежал, боясь обвинений в москвофильстве со стороны австрийской администрации. Этот же священник, желая наладить добрые отношения с приходом униатской церкви в д. Угринов, в феврале 1915 г. часть сборов, полученных при совершении богослужений, отдал на нужды церкви: в ней он провел 5 литургий и всенощных, за время которых причастил около 2000 человек¹². Благодетельный 2-й гвардейской кавалерийской дивизии В. Малаховский в с. Заболотцы летом 1915 г. совместно с духовенством других частей совершил литургию в местном храме в присутствии всех жителей¹³. Такие сообщения, зачастую схожие по содержанию, свидетельствуют о стремлении духовенства показать лояльное и даже доброжелательное отношение местного населения к российской армии и военным священникам. Участие в православных службах униатского населения расценивалось как сближение, налаживание диалога между сторонами. Кроме того, это соответ-

⁴РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10002. Л. 49.

⁵Там же. Д. 10008. Л. 132.

⁶Там же. Л. 21.

⁷Там же.

⁸Там же. Л. 44.

⁹Там же. Л. 184.

¹⁰Яхонтов Н. Рождество на позициях // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 4. С. 105.

¹¹Яхонтов Н. Из дневника священника // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 13–14. С. 429.

¹²Щербаков М. Походные впечатления священника в Галиции // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 11–12. С. 365.

¹³РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10085. Л. 34.

ствовало взглядам протопресвитера Г. И. Шавельского на униатский вопрос.

Порой местные жители обращались к военному духовенству с просьбой о принятии православия. Политика ведомства четко прослеживается в переписке, возникшей между благочинным 49-й пехотной дивизии Н. Яхонтовым и главным священником армий Юго-Западного фронта В. Грифцовым в октябре 1914 г. касательно этого вопроса¹⁴. В. Грифцов, повторяя позицию протопресвитера, просил ограничиваться исполнением церковных треб, беседами на религиозные темы, воздерживаясь от присоединения униатов к православию: «Малейший неосторожный шаг в этом деле может вызвать... неудовольствия со стороны населения и даже повлечь за собой смуту в крае, еще не присоединенном к России, и таким образом причинит нашему правительству много лишних хлопот»¹⁵.

Военное духовенство стремилось организовать богослужения в церквях и храмах. Однако его возможности в зависимости от территории, на которой размещались армии, отличались. Так, например, на Западном фронте, войска которого дислоцировались преимущественно на белорусских землях с доминирующим православным населением, духовенство имело возможность служить в православных епархиальных и военно-местных церквях, получать помощь епархиальных консисторий. В этом отношении священники находились в наиболее благоприятных условиях [8, с. 70]. В то же время на Северном фронте, например в Прибалтике, были сильны позиции протестантизма и католицизма, а потому возможность служить в православной церкви предоставлялась редко. По этой причине в период войны военному духовенству было разрешено совершать богослужения в кирхах и костелах в случае невозможности служить в православном храме¹⁶. Однако многие предпочитали не вступать в спор с местными священниками и организовывали службы в иных помещениях. Что же касается Галиции, то в распоряжении военных священников оказались униатские церкви и храмы. Еще 19 августа 1914 г. Синод уведомил протопресвитера, что благословляет духовенство на совершение богослужений в униатских церквях на своих антиминсах после окропления церквей святой водой¹⁷. Это разрешение получено раньше, чем было позволено служить в костелах и кирхах¹⁸. И действительно, в большинстве сообщений священников из Галиции говорилось об осуществлении культовой деятельности в униатских церквях.

Но были и конфликты, связанные с проведением православного богослужения в униатских храмах. Например, священник П. Руфимский столкнулся с агрессией со стороны униатского священника в одном из приграничных сел в январе 1916 г. Когда он попросил предоставить храм для проведения богослужений для солдат, то получил категорический отказ: «В храме своем я не позволю служить вам; нам, униатским ксендзам, еще перед войной было дано распоряжение не пускать православных священников в свои храмы. И это распоряжение я блюду свято. Ни вас, ни других православных священников в храм к себе не пушу»¹⁹. Военный священник не стал привлекать военное командование для решения вопроса. Вместо этого он провел богослужение в находящемся рядом с храмом сарае. Сложности с организацией служб в униатских храмах были и в крупных городах, например во Львове. В случае если вопрос о богослужениях в униатских храмах не удавалось решить своими силами, священникам приходилось обращаться за помощью к военному начальству²⁰.

По обстоятельствам боевой жизни воинские формирования часто размещались далеко от стационарных церквей. В таких случаях службы организовывались под открытым небом, в хозяйственных и общественных постройках, палатках и шатрах. При этом использовались походные церкви. В собранном виде они представляли собой ящики, в которых находились все необходимые священнику церковные предметы в походном исполнении (более удобные для транспортировки). Следует отметить, что в начале войны духовенство фронта столкнулось с нехваткой походных церквей. Главный священник В. Грифцов в рапорте протопресвитеру от 20 октября 1914 г. сообщал, что прибывающие из епархий в войска фронта священники часто не имеют антиминсов (особенно остро проблема стояла в головных и тыловых госпиталях), без которых невозможно совершать литургию. Виновными в этом В. Грифцов считал епархиальных преосвященных, которые не снабжали мобилизованных священников всем необходимым, а также главных священников и протопресвитера, не поставивших дело под свой контроль. Его ходатайство о высылке 10 походных церквей было удовлетворено²¹. Проблема нехватки церквей решалась при обращении в духовное правление, к главным священникам, при поддержке благотворительных обществ, а также силами самих священников [2, с. 588]. Иногда помощь оказывало начальство полка или госпиталя.

¹⁴РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9442. Л. 425.

¹⁵Там же. Л. 426.

¹⁶Там же. Д. 9435. Л. 678.

¹⁷Там же. Д. 9439. Л. 6.

¹⁸Там же. Л. 33 об.

¹⁹Руфимский П. На ратных полях // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1916. № 6. С. 182.

²⁰РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9749. Л. 26–26 об.

²¹Там же. Д. 9442. Л. 304–305 об.

Так, священник М. Щербаков на протяжении 7 месяцев служил под открытым небом, в сараях, школах и жилых домах, не имея возможности организовать службы в церквях²². Духовенство 4-й Финляндской стрелковой дивизии в 1916 г. сообщало, что за отсутствием стационарных церквей священникам приходится служить в сараях. Предлагалось по возможности совершать литургии в храмах, а также на поле под открытым небом или в палатке, а проведение религиозных таинств и служб в сараях и «помещениях, загаженных или могущих быть загаженными» признать недопустимым. На случай, когда полк окажется в условиях, неблагоприятных для проведения литургии, священникам рекомендовалось завести палатки лагерного типа²³.

По возможности священники старались организовать хор или хотя бы общее пение. Однако в условиях боевой жизни преуспеть в этом деле было непросто: так как хоры состояли из солдат, то их состав постоянно менялся, а потому проводить репетиции, спевки оказалось весьма сложно. Так, в 4-й Финляндской стрелковой дивизии в 1916 г. во всех полках имелись хоры. Однако степень их организации отличалась. Лучше всего организовать дело удалось в 13-м и 16-м полках, где хор состоял из музыкантов, причем в последнем хоре руководил капельмейстер, тогда как в 15-м полку священник был вынужден ограничиться организацией общего пения. Духовенство дивизии признало «трудновыполнимым» общее пение всего богослужения при постоянной смене состава полка, призывало стремиться к устройству приличного хора²⁴. Во Львове в ноябре 1914 г. в походной церкви был собран хор из чинов слабосильной команды под управлением оперного певца из нижних чинов²⁵.

Для совершения богослужений священникам требовались церковные свечи, вино и просфоры. Свечи рекомендовалось закупать у принадлежавшего ведомству свечного завода. Однако приобрести их удавалось не всегда ввиду удаленности военных и епархиальных складов. Доставка вина в основном осуществлялась из Одессы. Сложно обстояло дело с заготовкой просфор. Несмотря на то что помощь должны были оказывать названные в циркуляре протопресвитера от 27 декабря 1914 г. соборы и церкви, главным образом заготовка просфор ложилась на плечи самого священника, поэтому поступали жалобы на их нехватку. При этом допустимые при совершении богослужений в военной обстановке упрощения отдельные священники трактовали слишком вольно: например, священ-

ник 196-го пехотного Инсарского полка Н. Розанов в сентябре 1914 г. использовал при совершении таинства причастия неосвященные просфоры, которые представляли собой четырехугольные сухари без печати, оправдывая это тем, что «на войне все можно»²⁶. В итоге он получил строгий выговор от протопресвитера.

Согласно инструкции для полковых священников от 21 июля 1914 г. местом священника во время боя являлся передовой перевязочный пункт, где он мог поддержать раненых и умирающих. Но уже в циркуляре протопресвитера от 10 октября 1914 г. сообщалось, что некоторые священники не соблюдают это требование. Из последующих его циркуляров следует, что проблема оставалась актуальной на протяжении всей войны (циркуляры от 24 октября 1914 г., 4/14 сентября 1916 г., 14/18 января 1917 г.) [8, с. 114]. Главный священник армий Юго-Западного фронта в ответ на последний циркуляр протопресвитера попытался оправдать подведомственное духовенство. По его информации, отсутствие на передовом перевязочном пункте было связано не с трусостью священников, а с исполнением приказов командиров²⁷. Сами священники обычно сообщали о соблюдении требования протопресвитера относительно места пребывания во время боя. Например, священник 136-го пехотного Таганрогского полка А. Мисевич (полк стоял в районе Карпат) всегда находился на передовом перевязочном пункте, где мог «утешить, ободрить ласковым пастырским словом раненого, поддержать бодрость его духа или напутствовать умирающего», а также помогал оказывать первую помощь раненым²⁸.

Сражения в Галиции были одними из наиболее кровопролитных в годы Первой мировой войны. На плечи духовенства ложилось не только отпевание умерших, но и организация сбора тел и их погребения. Главные проблемы, с которыми столкнулось военное духовенство, – это сложность выноса тел с поля боя для последующего отпевания и погребения, невозможность опознать многих погибших и правильно вести метрические книги.

Помимо этого, иногда непросто было найти людей для рытья могил. Так, священник М. Щербаков не мог отыскать помощников для того, чтобы выкопать могилы для погибших в боях за Галицию 20–21 августа 1914 г. Ему сообщили, что собирать и хоронить тела убитых должны местные жители, которых не оказалось поблизости, а потому многие погибшие остались на поле боя²⁹. Духовенство 4-й Финляндской стрелковой дивизии просило воен-

²²Щербаков М. Походные впечатления священника в Галиции // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 11–12. С. 365.

²³РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9830. Л. 46 об.

²⁴Там же. Л. 47.

²⁵Там же. Д. 9442. Л. 590.

²⁶Там же. Л. 277 об.

²⁷Съезд о. благочинных 7-й армии 8–9 февраля 1917 г. // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1917. № 9–10. С. 216.

²⁸Рыбаков В. Памяти о. Алексия Мисевича // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 21. С. 665–666.

²⁹Щербаков М. Письма из действующей армии // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 5. С. 136.

ное руководство об организации своевременного выноса тел с поля боя для их достойного погребения³⁰.

Однако даже с убранными с поля боя телами возникали трудности: некоторых было практически невозможно опознать для внесения сведений в метрические книги. Священник 69-го пехотного Рязанского полка А. Жданов еще 7 августа 1914 г. писал о сложностях, связанных с опознанием и погребением погибших (пограничье Галиции и Холмщины), поэтому по его предложению чины данного полка носили ладанки, благодаря которым среди тел на поле боя можно было отыскать своих. А. Жданов сообщал, что после сражения на поле боя остается много убитых других воинских частей, опознать которых он возможности не имел³¹. Священники 4-й Финляндской стрелковой дивизии признавали сложным опознание погибших, поэтому штаб дал распоряжение, чтобы у каждого нижнего чина был личный знак, а священники старались следить, чтобы солдаты этот знак держали при себе. Проблема опознания погибших и внесения их в метрические книги была актуальна на всех фронтах российской армии.

В более спокойных условиях проводились погребения в гарнизонах. Там священники располагали рабочими руками для подготовки могил, транспортом для подвоза тел к кладбищу, а также временем для совершения отпевания. Во Львове в 1915 г. даже была составлена специальная памятка по осуществлению погребений. Она регламентировала время захоронения умерших разного вероисповедания, определяла перечень вещей, с которыми умерший погребался, устанавливала порядок проведения процедуры³².

Помимо добросовестного отношения к отпеванию и погребению воинов, в архивах встречаются описания ненадлежащего отношения к службе. Так, по сообщению благочинного 19-й пехотной дивизии К. Сарчинского, в ноябре 1914 г. священник 9-го и 10-го стрелковых полков П. Глаголев отсутствовал в своих полках, находясь при бригадном лазарете. В результате раненые чины полка не напутствовались, а убитые погребались самими солдатами без отпевания. Этот священник получил предупреждение от протопресвитера³³. Оставил паству без религиозного попечения и священник 11-го и 12-го стрелковых полков этой же дивизии Д. Ершов, самовольно, без уведомления благочинного, уехавший в Россию³⁴.

Кроме богослужебной деятельности, священники осуществляли нравственно-патриотическое воспитание военнослужащих. Темы бесед и проповедей должны были отвечать обстоятельствам, при которых они произносились. Так, в скором времени после начала войны одной из важнейших проблем в армии стала сдача в плен и дезертирство. В первую очередь обратить внимание на эту проблему призвал в своих циркулярах Г. И. Шавельский. В недатированном циркуляре (вероятнее всего, сентябрь 1915 г.) «Священникам действующей армии» он указал духовенству на падение боевого духа армии на фоне оставления российскими войсками почти всей Галиции и занятия части российской территории противником. По этой причине в числе прочих рекомендаций священникам предлагалось убеждать солдат в недопустимости небрежной службы и дезертирства как преступлений перед Богом, царем, родиной, товарищами и семьей³⁵.

Главный священник армий Юго-Западного фронта В. Грифцов от своего имени также рассылал циркуляры священникам, служащим в частях и учреждениях фронта. В циркуляре «Духовенству армий Юго-Западного фронта» от 31 января 1915 г. он писал: «Как люди, не участвовавшие совершенно в ратном деле, не получившие боевого крещения, многие из них [солдат], естественно, заражаются страхом, бессознательно поддаются чувству самосохранения и, под влиянием этого инстинктивного чувства, не упускают случаев... скрыться где-либо и куда-либо во время боев; некоторые же в этом отношении идут так далеко, что целыми группами уходят к неприятелю, добровольно сдаваясь в плен с оружием в руках»³⁶. Поэтому долг священника – не допустить подобных настроений в солдатской среде: объяснять важность войны для родины и обязанность каждого воина стоять на своем посту до смерти, «защищая веру, царя и Отечество»³⁷. На пастырском собрании 16-й пехотной дивизии в октябре 1916 г. было отмечено, что внебогослужебные беседы не могут вестись в привычном режиме в присутствии местных жителей – униатов. Собрание постановило во время бесед стараться говорить так, чтобы и оказать влияние на солдат, и внушить галичанам «не вражду к нашему солдату, а надежду на него»³⁸.

Среди военных священников, отправившихся в Галицию со своими полками и госпиталями, были жертвы. На страницах периодической печати опубли-

³⁰РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9830. Л. 49.

³¹Там же. Д. 9442. Л. 65 об.

³²Там же. Д. 9451. Л. 26–26 об.

³³Там же. Д. 9442. Л. 520.

³⁴Там же.

³⁵Там же. Д. 10776. Л. 10 об.

³⁶Там же. Д. 9451. Л. 8–8 об.

³⁷Там же.

³⁸Там же. Д. 10008. Л. 142–143.

ликовано большое количество заметок и некрологов, в которых описывались самоотверженное служение священников и обстоятельства их гибели, в том числе и на полях Галиции. Также публиковались списки выбывших (убитых, контуженных, попавших в плен). В циркуляре главного священника армий Юго-Западного фронта (начало 1916 г.) отмечалось, что многие военные священники фронта погибли при исполнении священнослужительских обязанностей³⁹. Приведем несколько примеров. Священник 192-го пехотного Рымникского полка Ф. Горбаневский 9 мая 1915 г. погиб от ран, полученных при разрыве снаряда противника (погребен в м. Олещице возле Любачева). Все бои он находился на передовой, утешал раненых, причащал умирающих и погребал убитых⁴⁰. В ночь с 21 на 22 мая 1915 г. в 19 верстах от Любачева у д. Загороды был убит при исполнении пастырских обязанностей Е. Осипов, священник 15-го гренадерского Тифлиского полка. Во время совершения погребения рядом с ним разорвался снаряд: «Обезображенное тело священника... можно было узнать только по останкам одежды»⁴¹.

В с. Млыны возле м. Краковец 19 мая 1915 г. скончался священник А. Мискевич: в перевязочный пункт попали снаряды противника, священник умер от разрыва сердца⁴². Австрийские солдаты проявили жестокость по отношению к попавшему в плен священнику С. Веремчуку: «На теле, кроме огнестрельной раны, было несколько колотых; руки порезаны, плечи порублены с пересечением ключиц, сухожилия под коленами порезаны и концы сухожилий вытянуты. Мышцы на груди, спине, руках и ногах вырезаны; все лицо разбито и в рот набита глина»⁴³. От ран, полученных во время боев у д. Шумляны 31 октября 1916 г., скончался священник В. Румянцев⁴⁴. По данным на 20 ноября 1915 г., 3 священника Юго-Западного фронта были убиты, 11 умерли от болезней, 1 – от ран, 1 – в плену, четверо были ранены, трое находились в плену⁴⁵. На момент ликвидации ведомства протопресвитера военного и морского духовенства (начало 1918 г.) за время войны более 40 военных священников были убиты или умерли от ран, более 200 получили контузии и раны, свыше 100 находились в плену⁴⁶.

Заключение

Деятельность православного военного духовенства российской армии в Галиции имела особенности. Так как боевые действия велись на территории противника, российская администрация хотела заручиться поддержкой местного униатского населения. Поэтому православные военные священники осуществляли религиозное обслуживание не только армии, но и галичан. Особенно этот процесс активизировался с 1916 г., когда управление церковными делами в Галиции было поручено протопресвитеру Г. И. Шавельскому. При этом в ведомстве военного и морского духовенства рекомендовали ограничиваться богослужениями, не присоединять униатов к православию во время войны, что расходилось с политикой, проводимой до 1916 г. архиепископом Евлогием. Важной особенностью стала организация богослужений в униатских церквях. Несмотря на официальное разрешение Синода о совершении служб в униатских церквях, священники действовали осторожно, чтобы не провоцировать местных жителей и униатских священников.

Зачастую духовенство не имело возможности служить в стационарных церквях. Как и на других фронтах, в таких случаях священники совершали богослужения под открытым небом, в обществен-

ных и хозяйственных постройках, палатках, шатрах. Для проведения служб использовались походные церкви. В первые годы войны походных церквей не хватало, помощь в решении проблемы оказывали духовное правление, главные священники, благотворительные общества, военное командование.

Организация богослужений и их проведение зависели от условий боевой жизни. Регулярно богослужения совершались в полках, стоящих в резерве или на отдыхе, в госпиталях, гарнизонах. Во время боя возможность проводить службы была ограничена, а самим священникам следовало находиться на передовом перевязочном пункте. Анализ документов показывает, что не все священники выполняли это требование. Вместе с тем известно немало примеров, когда добросовестно исполняющие свои обязанности священники погибали во время боя.

Неотъемлемой частью работы военного священника стали отпевания и погребения военно-служащих. Проблемы, с которыми столкнулись священники в Галиции, возникали на всех фронтах: сложность выноса тел с поля боя и подготовки к их погребению (поиск рабочих рук для транспортировки и рытья могил), невозможность опознания убитых для занесения в метрические книги. С боль-

³⁹ Грифцов В. Духовенству армий Юго-Западного фронта // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1916. № 2. С. 39.

⁴⁰ Сергиевский И. Священник Филипп Горбаневский // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 11–12. С. 368.

⁴¹ Памяти священника о. Е. М. Осипова // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 15–16. С. 495.

⁴² Рыбаков В. Памяти о. Алексия Мисевича // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 21. С. 664.

⁴³ Священник герой и мученик // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1915. № 23. С. 728.

⁴⁴ Из сообщения командира полка о. протопресвитеру // Вестн. воен. и мор. духовенства. 1917. № 5–6. С. 135.

⁴⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10577. Л. 4–4 об.

⁴⁶ Там же. Д. 10526. Л. 1.

шими сложностями сталкивалось духовенство во время боевых действий. В гарнизонах же, наоборот, погребения проводились организованно.

Важнейшей функцией военного духовенства было проведение воспитательной и нравственно-патри-

стической работы посредством бесед и проповедей. Темы бесед отвечали нуждам времени. Особое внимание в беседах с солдатами, служащими в Галиции, уделялось проблемам дезертирства и сдачи в плен, падению боевого духа.

Библиографические ссылки

1. Малишко СВ. Діяльність православного військового духовенства на території Східної Галичини та Буковини у 1914–1917 рр. У: *Збірник наукових праць. Серія: Історія та географія. Випуск 35*. Харків: [б. м.]; 2009. с. 180–182.
2. Жукова ЛВ. К вопросу об организации мест для богослужений на фронте в годы Первой мировой войны. *Исторический журнал: научные исследования*. 2014;5:584–591. DOI: 10.7256/2222-1972.2014.5.14667.
3. Євсєєва Т. Православне військовоє духовенство: відносини з владою на перехресті епох. У: *Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Випуск 22*. Київ: Інститут історії України НАН України; 2013. с. 304–328.
4. Лозинський А. Військове духовенство в роки Першої світової війни. *Українознавство*. 2017;1–2:89–97.
5. Шавельский Г. *Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Том 1*. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова; 1954. 414 с.
6. Митрополит Евлогий (Георгиевский ВС). *Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной*. Париж: YMCA Press; 1947. 678 с.
7. Шавельский Г. *Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Том 2*. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова; 1954. 412 с.
8. Старостенко ЭВ. *Православное военное духовенство на территории Беларуси в годы Первой мировой войны*. Могилёв: МГУ имени А. А. Кулешова; 2020. 200 с.

References

1. Malishko SV. [Activities of the Orthodox military clergy in Eastern Galicia and Bukovina in 1914–1917]. In: *Zbirnyk naukovykh prac'. Serija: Istorija ta geografija. Vypusk 35* [Collection of scientific papers. Series: History and Geography. Issue 35]. Kharkiv: [s. n.]; 2009. p. 180–182. Ukrainian.
2. Zhukova LV. [On the organization of places for worship at the front during the First World War]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 2014;5:584–591. Russian. DOI: 10.7256/2222-1972.2014.5.14667.
3. Evseeva T. Orthodox chaplaincy and their relationships with authority on the edge of epoch. In: *Problemy istorii' Ukrainy: fakty, sudzhennja, poshuky. Vypusk 22* [Problems of the history of Ukraine: facts, judgments, searches. Issue 22]. Kyiv: Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine; 2013. p. 304–328. Ukrainian.
4. Lozynskyi A. Military clergy during the First World War. *Ukrainoznavstvo*. 2017;1–2:89–97. Ukrainian.
5. Shavel'skii G. *Vospominaniya poslednego protopresvitera russkoi armii i flota. Tom 1* [Memoirs of the last protopresbyter of the Russian army and navy. Volume 1]. New York: Chekhov Publishing House; 1954. 414 p. Russian.
6. Metropolitan Evlogy (Georgievsky VS). *Put' moei zhizni: vospominaniya mitropolita Evlogiya (Georgievskogo), izlozhennye po ego rasskazam T. Manukhinoi* [The way of my life: memoirs of metropolitan Evlogy (Georgievsky), based on his stories by T. Manukhina]. Paris: YMCA Press; 1947. 678 p. Russian.
7. Shavel'skii G. *Vospominaniya poslednego protopresvitera russkoi armii i flota. Tom 2* [Memoirs of the last protopresbyter of the Russian army and navy. Volume 2]. New York: Chekhov Publishing House; 1954. 412 p. Russian.
8. Starostenko EV. *Pravoslavnoe voennoe dukhovenstvo na territorii Belarusi v gody Pervoi mirovoi voyny* [Orthodox military clergy on the territory of Belarus during the First World War]. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University; 2020. 200 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.03.2021.
Received by editorial board 10.03.2021.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА

ГІСТОРЫЯ МАСТАЦТВА

HISTORY OF ART

УДК 7.035

ФЕМИНИЗМ МАРИИ СПАРТАЛИ-СТИЛЛМАН ПРОТИВ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ ИСКУССТВА БРАТСТВА ПРЕРАФАЭЛИТОВ

Й. ЦУМАС¹⁾, Э. ГЕМТУ²⁾

¹⁾Университет Западной Аттики, ул. А. Спиридонос, 28, 12243 Эгалео, Афины, Греция

²⁾Афинский национальный университет им. Каподистрии,
Панепистимиополис, 15771 Илусия, Афины, Греция

В середине XIX в. в Великобритании королева Виктория навязывала свою новую систему этических правил в социальной и культурной сферах, явно обостряя и без того глубокие различия гендерных стереотипов. Художники-прерафаэлиты отреагировали на «стерильный» способ живописи, продиктованный академиями художеств, с точки зрения как тематологии, так и техники, предложив новый, революционный, способ живописи, но не смогли избежать монолитной культуры гендерных стереотипов. Несмотря на свои новаторские художественные идеи и достижения, прерафаэлитам не удалось преодолеть социально-системные взгляды, и поэтому образы их героинь часто отождествлялись с униженным положением викторианской женщины. Однако искусство в различных формах, исполняемое в основном женщинами, сыграло особенно важную роль в создании нескольких типов феминизма и в отчаянной попытке помочь викторианской женщине отстоять свои права как в домашней, так и в общественной сфере. Цель этой статьи – изучить и прокомментировать роль Марии Спартали-Стиллман, одной из самых харизматичных моделей Братства прерафаэлитов, а позже и самой известной художницы, в живописной сцене того времени. На основании своих личных и профессиональных отношений с прерафаэлитами и посредством глубокого анализа избранных картин автор пытается пролить свет на то, как М. Спартали-Стиллман удалось представить подрывные феминистские

Образец цитирования:

Цумас Й, Гемту Э. Феминизм Марии Спартали-Стиллман против гендерных стереотипов искусства Братства прерафаэлитов. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2021;2:48–60 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-48-60>

For citation:

Tsoumas J, Gemtou E. Marie Spartali-Stillman's feminism against Pre-Raphaelite Brotherhood gender stereotypes art. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;2:48–60.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-48-60>

Авторы:

Йоханнис Цумас – доктор истории искусства и дизайна; адъюнкт-профессор школы прикладного искусства и культуры факультета внутренней архитектуры.

Элени Гемту – доктор искусствоведения и истории науки; доцент кафедры истории и философии науки школы науки.

Authors:

Johannis Tsoumas, doctor of art and design history; adjunct assistant professor at the school of applied arts and culture, department of interior architecture.

itsoumas@uniwa.gr

Eleni Gemtou, doctor of art and science history; associate professor at the department of history and philosophy of science, school of science.

egemtou@phs.uoa.gr

взгляды в своей работе, следуя в некотором смысле феминистическим путем других художников-женщин того времени. Также были пересмотрены условия, при которых художник мог создавать образ доминирующей, самодостаточной и сильной, противостоящей predetermined социальным ролям женщины.

Ключевые слова: прерафаэлиты; Мария Спартали-Стилман; живопись; Викторианская эпоха; гендерные стереотипы; феминизм.

ФЕМІНІЗМ МАРЬИ СПАРТАЛІ-СЦІЛМАН СУПРАЦЬ ГЕНДАРНЫХ СТЭРЭАТЫПАЎ МАСТАЦТВА БРАТЭРСТВА ПРЭРАФАЭЛІТАЎ

Й. ЦУМАС^{1*}, Э. ГЕМТУ^{2*}

^{1*} *Універсітэт Заходняй Атыкі, вул. А. Спірыдонос, 28, 12243 Эгалеа, Афіны, Грэцыя*

^{2*} *Афінскі нацыянальны ўніверсітэт імя Кападзістрыі, Панэпісціміопаліс, 15771 Ілісія, Афіны, Грэцыя*

У сярэдзіне XIX ст. у Вялікабрытаніі каралева Вікторыя навязвала сваю новую сістэму этычных правілаў у сацыяльнай і культурнай сферах, выдавочна абвастраючы і без таго глыбокія адрозненні гендарных стэрэатыпаў. Мастакі-прэрафаэліты адрагавалі на «стэрыльны» спосаб жывапісу, прадыхтаваны акадэміямі мастацтваў, з пункта гледжання як тэматыкі, так і тэхнікі, прапанаваўшы новы, рэвалюцыйны, спосаб жывапісу, але не змаглі пазбегнуць сваёй маналітнай культуры гендарных стэрэатыпаў. Нягледзячы на свае наватарскія мастацкія ідэі і дасягненні, прэрафаэліты не маглі пераадолець сацыяльна-сістэмныя погляды, і таму вобразы іх герояў часта атаясамляліся з прыніжаным становішчам віктарыянскай жанчыны. Аднак мастацтва ў некалькіх формах, якое выконваецца ў асноўным жанчынамі, адыграла асабліва важную ролю ў стварэнні некалькіх тыпаў фемінізму і ў адчайнай спробе дапамагчы віктарыянскай жанчыне адстаяць свае правы як у хатняй, так і ў грамадскай сферы. Мэта гэтага артыкула – вывучыць і пракаментавать ролю Марыі Спарталі-Сцілман, адной з самых харызматычных мадэляў Братэрства прэрафаэлітаў, а пазней і самай вядомай мастачкі, у маляўнічай сцэне таго часу. На падставе даследавання сваіх асаблівых і прафесійных адносін з прэрафаэлітамі і з дапамогай глыбокага аналізу абраных карцін аўтар спрабуе праліць святло на тое, як М. Спарталі-Сцілман удалося прадставіць падрыўныя фемінісцкія погляды ў сваёй працы, адначасова прытрымліваецца феміністычнага шляху іншых мастакоў-жанчын таго часу. Таксама былі перагледжаны ўмовы, пры якіх у мастака атрымлівалася стварыць вобраз дамінуючай, самадастатковай і моцнай жанчыны, якая магла супрацьстаяць прадвызначаным сацыяльным ролям.

Ключавыя словы: прэрафаэліты; Марыя Спарталі-Сцілман; жывапіс; Віктарыянская эпоха; гендарныя стэрэатыпы; фемінізм.

MARIE SPARTALI-STILLMAN'S FEMINISM AGAINST PRE-RAPHAELITE BROTHERHOOD GENDER STEREOTYPES ART

J. TSOMAS^a, E. GEMTOU^b

^a *University of West Attica, 28 A. Spyridonos Street, 12243 Egaleo, Athens, Greece*

^b *National and Kapodistrian University of Athens, Panepistimiopolis, 15771 Ilissia, Athens, Greece*

Corresponding author: J. Tsoumas (itsoumas@uniwa.gr)

In the middle of the 19th century Great Britain, Queen Victoria had been imposing her new ethical code system on social and cultural conditions, sharpening evidently the already abyssal differences of the gendered stereotypes. The Pre-Raphaelite painters reacted to the sterile way of painting dictated by the art academies, both in terms of thematology and technique, by suggesting a new, revolutionary way of painting, but were unable to escape their monolithic gender stereotypes culture. Using female models for their heroines who were often identified with the degraded position of the Victorian woman, they could not overcome their socially systemic views, despite their innovative art ideas and achievements. However, art, in several forms, executed mainly by women, played a particularly important role in projecting several types of feminism, in a desperate attempt to help the Victorian woman claim her rights both in domestic and public sphere. This article aims at exploring and commenting on the role of Marie Spartali-Stillman, one of the most charismatic Pre-Raphaelite Brotherhood models and later famous painter herself, in the painting scene of the time. Through the research of her personal and professional relationship with the Pre-Raphaelites, and mainly through an in depth analysis of selected paintings, the authors try to shed light on the way in which M. Spartali-Stillman managed to introduce her subversive feminist views through her work, following in a way the feminist path of other female artists of her time. The ways and the conditions, under which the painter managed to project women as dominant, self-sufficient and empowered, opposing their predetermined social roles, have also been revised.

Keywords: Pre-Raphaelites; Marie Spartali-Stillman; painting; Victorian era; gender stereotypes; feminism.

Introduction

The period from the early Renaissance Italian art, the renowned Quattrocento, to the early years of Raphael and the Flemish painters, such as Van Eyck, was ideologically and stylistically the greatest source of inspiration for a group of impulsive, talented and quite daring English painters who, together with their wider circle of supporters, formed the Pre-Raphaelite Brotherhood in 1848¹. Their main claim was the renewal of English painting through their art, which combined the naturalistic realism with the tendency for moral education. At the time, the academies of art believed that they represented the tradition of Raphael, that is, his «High Magnificent Style», according to which European painting was shaped through the «idealisation» of nature and the search for beauty at the expense of truth. On the contrary, the Pre-Raphaelite painters argued that in order for the art to be reshaped, it had to derive its truth from the painting tradition that was formed before Raphael's mature period, that is, since the time when artists still had medieval innocence and were just «honest craftsmen before God», trying to copy nature without worrying about secular success and glory [1, p. 512]. It was therefore to be expected that their work would be subjected to a host of fierce attacks by the art status quo of the time. In terms of personal worldview and attitude towards life, the Pre-Raphaelites had adopted a bohemian lifestyle, which dictated a liberated way of thinking, unbridled attraction for night entertainment, numerous love affairs, but also an unquenchable passion for art. All these had a serious impact on the general Victorian culture, literature and even politics, and thus they became by the time a significant part of modern English mythology [2, p. 3]. It is obvious then, they constituted a strictly male-dominated group, which at the same time had adopted the scandalously favourable role for men at the expense of women, imposed by the strict Victorian morals.

Lily Katzman and Nadine Daher state in their article «The Women behind the Pre-Raphaelite Brotherhood»: «...simply put, the Brotherhood was a boys' club that intentionally excluded women... The PRB was founded in a spirit of waggish male camaraderie which expressed itself in pranks, late-night smoking sessions and midnight jaunts around London's streets and pleasure gardens»². However, at the foot of this narrowly androcratic, but majestically artistic boulder, there was observed the constant and inextricably active presence of women in multiple and unquestionably controversial roles. Their presence was fundamental, however, only as being the basic models and muses of most of their works, but also, in many cases, as being their mistresses, spouses, partners or just helpers. It is no coincidence, then, that in this turmoil of sometimes

artless and other times biased personal, artistic and professional relationships, women in Pre-Raphaelite painting seemed to be represented as subjects that expressed many of the social, ideological and cultural aspects of the time [3, p. 14]. Specifically, in many of their works, the Pre-Raphaelites, guided by the phallogocratic syndromes of the Victorian socio-ethical scene, would represent these women in roles through which the stereotype of female weakness would thoroughly be portrayed. Deeply erotic mistresses, heroines with tragic endings, but also decent, vulnerable, fragile and even fatal women would star in the Pre-Raphaelites compositions, vividly depicting the contribution of the «strong male sex» to the social stereotypes shaping in Victorian England.

However, even these depictions of women were far removed from reality. The middle-class Victorian woman stereotype was formed after a long series of developments that had begun as early as in the 16th century and were based on her gradual exclusion from the social, political, commercial and cultural life of the country. Her role was fatally limited within a domestic level, namely to her strict duties as a housewife, wife and mother, and her life in general revolved around the will and desires of her almighty husband-master. As C. W. Marsh characteristically stated, «...nature made woman weaker, physically and mentally, than man, and also better and more refined...» [4, p. 298].

Since the above problems were particularly augmented and thus were seeking immediate solutions, legal science, but above all art played once again very important roles. Legislations, special events, such as public lectures and debates, but mainly essays, poetry and novel publications talking about the importance of equality between sexes, especially education and women's rights in voting, property, child custody and work, constituted some of the most powerful forms of protest to the horrible status quo of female devaluation and oppression. Specifically, the publication of some literary works, such as Charlotte Brontë's «Jane Eyre», the first Victorian feminist novel published in 1847, Elizabeth Barrett Browning's «Aurora Leigh», the first and most feminist of all Victorian poems published in 1857, Christina Rossetti's subtle feminist ideas through her poetry in which she explored the gender ideology and the philosopher and writer's, John Stuart Mill's, essay «On the Subjection of Women», published in 1869, were some of the most renown feminist works which triggered a series of vivid discussions and debates, but also reactions of any kind [5, p. 3].

Within this context, fine arts, especially painting, started also to constitute a new language of feminism reaction: through their derogatory social behaviour, but

¹The Pre-Raphaelite Brotherhood was widely known with the initials PRB, with which they used to sign their early works.

²Katzman L., Daher N. The Women behind the Pre-Raphaelite Brotherhood [Electronic resource] // Smithsonian Magazine. 2020. 22 Jan. URL: <https://www.smithsonianmag.com/smart-news/revisiting-women-behind-pre-raphaelite-band-brothers-180974035/> (date of access: 22.01.2021).

mainly through their splendid artistic achievements, a small group of lesser-known female painters with vague, but firm feministic ideas, including Marie Zambaco (1843–1914), Evelyn De Morgan (1855–1919) and Marie Spartali-Stillman (1844–1927), emerged³. These women managed to defeat their predestined fate that condemned them to remain plain models for life and flew like young, lively insects in the flowered garden of the Pre-Raphaelites' art. Inspired by their divine work, these women followed their own creative, although undoubtedly rutty, path producing some of the most expressive works of the era, showing, in a way, their strong will for progress and distinction, two indisputable forms of emancipation. Perhaps the most important figure of all, Marie Euphrosyne Spartali-Stillman⁴ as her full name was, was the one who tried to redefine the role of the Victorian fair sex through her later powerful artwork. In addition, she was probably the only painter who did not hide her discomfort with the use of the female figure by the powerful male-dominated group of the Pre-Raphaelites as an object of desire, coquettishness, questionable morality, social decline and lack of self-esteem. After all, that was relevant to the fact, that women, who were involved in modelling at that time, were associated with immorality and lack of spiritual

values, even with prostitution⁵. Through her multifaceted artistic career, both in terms of subjects and style, M. Spartali-Stillman tried to redefine the hitherto unjust portrayal of Victorian women by the Pre-Raphaelites and to subvert it, through some unquestionably new views of their social roles.

The main objective of this research is to dive into M. Spartali-Stillman's both enlightened thinking and creative commitment, in order to reveal her individual feminist ideology through the new artistic language she created by portraying female models in her painting compositions, in a revolutionary way. Having already experienced her apotheosised and, at the same time, underestimated role as a sitter by high-profile artists such as Dante Gabriel Rossetti (1828–1898), she decided to restore the distorted image of women in Pre-Raphaelites' works using as a weapon her decisive, heretical visual language. The reasons why she challenged the male-dominated painting dogma of her time, but also the ways in which she tried to reshape the female figure and attitude through her own art, constitute a rather corresponding form of protest such as that of the writers and poets of the time, are commented on and revised by the author in detail below.

Marie Spartali-Stillman as a Pre-Raphaelite model

Understandably, female models were particularly important in formulating Pre-Raphaelite art. Their contribution was not merely procedural, as they participated throughout the creative process, they could acquire more than one role and exert influence on the painter himself, and consequently they could dramatically shape the total result⁶. All of that was perhaps more visible in M. Spartali-Stillman herself, as she was the one who, more than any other model, had the ability to get deeply involved in the artists' works [6, p. 20].

With an impressive posture, long brown, rich hair, imposing gaze and seductive smile, but also with a cor-

respondingly modest character, M. Spartali-Stillman had only admirers, mainly through the social circles of her family, since there were few times when she did not catch the male eye⁷. A fanatical admirer of exquisite beauty was also the chief representative poet of the Victorian era Alfred Lord Tennyson (1809–1892)⁸, whose work would be a rich source of inspiration for the Pre-Raphaelite Brotherhood, but also for M. Spartali-Stillman herself up to a point, in her following career as a painter. In contrast to many female poets and novelists, male poets like A. L. Tennyson embodied Victorian era social stereotypes in their work and therefore began to

³Judah H. Pre-Raphaelite sisters review – the heroic women behind the frilly-shirted bro-fest [Electronic resource]. 2019. URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2019/oct/16/pre-raphaelite-sisters-review-national-portrait-gallery-forgotten-women> (date of access: 21.01.2021).

⁴Born in Tottenham, Middlessex, she was the eldest daughter of the prosperous family of Michael Spartalis (1818–1914), who, in addition to being a successful merchant and patron of the arts, was also the Greek consul in London from 1866 to 1882. He was from Sparta of Pisidia in Asia Minor, the current city of Isparta in Turkey. Her mother Effrosini (Effie) Barsami (1842–1913) also came from a large Pisidian family engaged in trade. The fates were generous with her as they gave her beauty, talent and longevity, so as to rank among the «Three Graces», namely, the muses of the Pre-Raphaelite painters, along with her cousins Maria Kassaveti-Zambako and Aglaia Coronio.

⁵Ekkelenkamp M. Exhibition review of «Pre-Raphaelite Sisters» [Electronic resource] // Nineteenth-Century Art Worldwide. 2020. Vol. 19, No. 1. URL: <http://www.19thc-artworldwide.org/spring20/ekkelenkamp-reviews-pre-raphaelite-sisters> (date of access: 20.01.2021).

⁶Frey A. The women of Pre-Raphaelite art [Electronic resource] // Art & Object. URL: <https://www.artandobject.com/articles/women-pre-raphaelite-art> (date of access: 25.01.2021).

⁷The Greek romantic poet, novelist and politician Alexandros Rizos Ragavis (1809–1892) was also among the ardent admirers of her beauty and talent. He met her in London in July 1868, at her paternal home, as he was returning to Greece from America. He visited the British Museum with her, where they were welcomed by the museum director, to whom M. Spartali-Stillman said that she copied Raphael's paintings in order to practice and that she loved sketching the Elgin Marbles at the British Museum. Ragavis wrote about her that «she was beautiful as an ancient Muse... <...> ...Above all she painted with rare tastefulness and skill».

⁸Tennyson was a prodigy in poetry, thus some of his early poems were in print long before he graduated from Cambridge College, as he had won the first prize in a poetry competition. However, he became widely known after the publication of his two-volume poetry collection in 1842 and his work inspired profoundly D. G. Rossetti.

raise questions about the sharp separation of gender roles in society [7, p. 1650]. D. G. Rossetti was one of the most important representatives of Pre-Raphaelitism to identify these particular features in Tennyson's work. Through his multiple artistic references to it, he reproduced in various ways the gender stereotypes of the Victorian era, projecting gently, but also ostentatiously several times, the social and cultural differences of the two sexes, in the way they were revealed in the narrative magic of Tennyson's poetry.

His first contact with M. Spartali-Stillman was in 1869, when, incurably fascinated by her seductive beauty, he asked her to pose for one of his most important works, which was to about be completed later in time, «Dante's Dream on the Anniversary of the Death of Beatrice»⁹. However, after making several studies on her head, D. G. Rossetti found it particularly difficult to draw¹⁰. Andrea Rose mentioned on her precious work «Pre-Raphaelite Portraits» (1981) that D. G. Rossetti himself admitted his failure, as drawing her head «depended not nearly so much on real form as on subtle charm of life which one cannot re-create» [8, p. 106]. However, this was not an event that would discourage him, as in the years that followed he managed to depict her figure in some of his most wondrous works, including the famous oil painting «A Vision of Fiammetta» (1878) (fig. 1, see insert). In this work, D. G. Rossetti would discover M. Spartali-Stillman's dignified beauty, unpretentious grace, vivid expressiveness, ethereal, soft and pure femininity, that is, the qualities that would make her stand out from the rest of the Pre-Raphaelite muses, such as the sensual Fanny Cornforth or the mysterious Jane Morris. It was based on the heroine of the Florentine writer Giovanni Boccaccio (1313–1375), Fiammetta, who first appeared in his novel «Elegia di Madonna Fiammetta» (1343–1344) as a tragic romantic woman fatally deceived by her lover¹¹. In this work, D. G. Rossetti focused on M. Spartali-Stillman herself and through her singular figure projected many symbolisms that had to do with the connection of the love concept with those of life and death. Her beautiful, har-

monic face, her vacant gaze, which deliberately does not stare out of the canvas, and thus, does not meet the eyes of the viewer, her characteristic hairstyle, her fine alabaster skin and the sense of ethereal, but, at the same time, attractive purity that exudes the whole of her figure, allude to the ideal type of Victorian woman. Although his love for Italian poetry, literature and their heroes and heroines was indisputable, D. G. Rossetti in this work seems to ignore Fiammetta's real drama, as he transforms her into a modern, sensual goddess who bears all the feminine aesthetic and moral ideals of the Victorian era.

Although Maria Zambaco (1843–1914)¹² was the most influential muse for Edward Burne-Jones, as she was also his mistress for a certain period of time, M. Spartali-Stillman, her beloved cousin, was also one of his most favorite models. In his ambiguous oil painting «The Mill: Girls Dancing to Music by a River» (1870–1882)¹³, E. Burne-Jones, inspired by the large Italian early Renaissance mural «The Allegory of Good and Bad Government» made by Ambrogio Lorenzetti in Sienna between 1338 and 1339, would depict the Three Graces dancing to the music of Apollo (fig. 2, see insert).

The central figure of the three was M. Spartali-Stillman, whereas the other two were M. Zambaco, on the far left, and Aglaia Coronio-Ionides (1834–1906)¹⁴, on the right. In the first level of the composition, the women seem to dance gracefully in an idyllic renaissance garden on a summer afternoon. However, we cannot ignore the male presence in the work that seems to be dominant overall spectacular scene. The naked male figures bathing in the clear river water in the background of the composition, but also the watchful gaze of god Apollo on the right, reveal the absolute control exercised on the movements of the beautiful, modest and jaunty female figures by the «unquestionable male power». Consequently, this painting seems to project effortlessly, albeit through the depiction of an earlier era, the masculinist views of the Victorian times, which the painter himself could hardly renounce, as could not the entire Brotherhood.

⁹The work was completed in 1871, but the model for the basic character of Beatrice Portinari (from Dante Alighieri's poem «La Vita Nuova», which the painting subject was based on), was not M. Spartali-Stillman, but Jane Morris, William Morris's wife. M. Spartali-Stillman has a rather subordinate role here as the attendant figure on the right.

¹⁰*Karambini-Iatrou* M. Μαρία Σπάρταλη Στίλμαν, η ομορφιά που σώζει = Marie Spartali-Stillman, the beauty that saves [Electronic resource] // Χάρτης 24. 2020. URL: <https://www.hartismag.gr/hartis-24/eikastika/maria-spartalh-stilman-h-omorfia-poy-swzei> (date of access: 26.01.2021).

¹¹Madonna Fiammetta falls in love with Panfilo and starts having an affair with him, until Panfilo returns to his hometown, Florence. However, he promises to return one day to Naples, where Fiammetta lives, but she soon realises that he is married there. The plot of the whole work revolves around her feelings of anger, despair, jealousy and disappointment, which led her to the brink of committing suicide. Nevertheless, both her loyal nurse and her constant hopes that Panfilo may come back one day, keep her alive. G. Boccaccio would use the same name to describe a completely different character, the dynamic heroine Fiammetta in his famous work «Decameron», which he wrote a few years later (1349–1352).

¹²She was born as Maria Terpsithea Cassavetti and was the daughter of the rich Anglo-Greek businessman Demetrios Cassavettis and niece of the Greek consul, noted patron and art collector Alexander Ionides. She was a renowned model in the Pre-Raphaelite circle, but also a talented sculptor.

¹³The painting was really big and particularly complex in terms of composition. Thus, it took to E. Burne-Jones almost twelve years to finish.

¹⁴Aglaia Coronio-Ionides, daughter of Alexander Ionides, was not just a Pre-Raphaelite model, but also a keen fashion designer and a charismatic bookbinder. Additionally, she was an art collector and patron of the arts, just like her father.

The distinguished painter Ford Madox Brown (1821–1896) whose paintings coincided thematically with those of the Pre-Raphaelites, as they also dealt with social and religious subjects inspired by medieval stories, and who, in spite of not belonging to their Brotherhood, was considered by them to be their ancestor, soon became one of M. Spartali-Stillman's fiery admirers. However, their deep and lifelong relationship began when in 1864 her father decided to hire him as her teacher of painting, an art in which she had begun to show a particular inclination from an early age [9, p. 108]. During his long tenure as her art teacher and specifically during a painting lesson, F. M. Brown asked her to make her portrait and M. Spartali-Stillman's accepted willingly [10, p. 65]. In this work, of 1869, F. M. Brown would reveal all the deep erotic feelings he had begun to have for her, which, however, would nevertheless remain forever without response¹⁵. Here M. Spartali-Stillman's is not part of one of his many and complex compositions on religious subjects, nor does she represent a medieval literature heroine. The work seems to depict more of a simple, spontaneous scene unfolding during one of their painting lessons. F. M. Brown has managed to portray her figure with excessive grace, beauty and innocence, describing once again the ideal Victorian woman. This can also be visible from the quality of natural shyness that the Victorian woman should have and here M. Spartali-Stillman is depicted so. As in the case of Fiammetta, M. Spartali-Stillman does not stare out of the canvas deliberately; she turns instead her gaze to a neutral corner of her workshop, trying not to challenge the viewer (fig. 3, see insert).

However, it was her first contact with modelling that would determine her later career as a painter, but also as a personality. Her collaboration with the pioneer female photographer, Julia Margaret Cameron (1815–1879), influenced her ideology, as far as the feminist issues concerns, especially in personal matters. J. M. Cameron, a strong, radically emancipated woman, based on her enviable position in the intellectual and artistic elite circles of her time, did not hesitate to invade the purely male-dominated professional arena of photography and claim a place in the hierarchy of traditional male photographers. With this daring decision, she deservedly won the title of female photogra-

pher specialising in close-up portraiture and especially in the sensitive thematology of children and women¹⁶. Specifically, her work, which constituted a new, challenging, mythical, and at the same time, competitive medium to the traditional painting of full-length portraits, focused on depicting young women in the role of mother, as well as children often disguised as little, innocent angels, rendered her one of the most eccentric, but also celebrated artists of her time. J. M. Cameron merely ignored the initial negative public opinion for her bold work, claimed and finally gained success [11, p. 11].

However, she never hid her interest in portraying female figures with strong personalities who, despite their objective feminine beauty, could still resist, and even oppose, to the sweeping social dominance of the male stereotypes of their time. Her choice to use M. Spartali-Stillman in a series of portraits of such distinctive characters was not accidental, as, knowing her Greek origin she believed that she was ideal to sit for some of the strongest female personalities of Ancient Greece. The fourth-century Greek philosopher Hypatia¹⁷, the mythical figure of powerful Mnemosyne¹⁸, or even the female figure of The Spirit of the Vine, which represents the wine-fueled ancient rituals of Dionysus, are personalities distinguished for their combativeness, sharp critical spirit and imposing power [12, p. 19] (fig. 4, see insert).

In «Mnemosyne», M. Spartali-Stillman appears completely different from what we have seen so far. It is, of course, a full-length photographic portrait and not a painting, and perhaps this is why we can identify some particular aspects of her independent personality more easily. Her unpretentious and, perhaps, audacious gaze at the camera, her unruly, dynamic and slightly aggressive style, her imposing posture, her sloppy hairstyle take away the mythical deity of the photo from the established social characteristics of the average Victorian woman, in contrast to what we have noticed in the aforementioned paintings. Here, M. Spartali-Stillman does not idealise the beauty, as it is not a male but a female artist the one who directs and actually promotes her own feminist identity through her groundbreaking work. J. M. Cameron proposes a new, subversive way of portraying the female figure, which M. Spartali-Stillman would later adopt in her career as a painter.

The feministic approach in M. Spartali-Stillman's painting

Having also started her career as a painter in the late 1860s, M. Spartali-Stillman signed her early works

under her family name. Her first attempt to exhibit her work, five impressive watercolors, was first at, the spe-

¹⁵At that time, he was married to the former model Emma Hill (1829–1890), with whom he had already had a daughter in 1850, that is, three years before they got married, in 1853.

¹⁶The portraits of great Victorian men, which J. M. Cameron captured with her camera and which reveal secret sides of people such as Alfred, Lord Tennyson, Charles Darwin, Henry Taylor and many more, are also known.

¹⁷Hypatia was born in Alexandria, Egypt in 370 AD, and was the daughter of the philosopher Theon. She was a great mathematician and neo-Platonist philosopher, while she had a great reputation for her physical and mental beauty. She was savagely murdered by a fanatical mob of Christians in Alexandria in 415 and she has since become a legend and gone down in history.

¹⁸In Greek mythology, Mnemosyne was the mother of the nine Muses and the goddess of Memory. She belonged to the Titans, her parents were Saturn and Gaia and she was considered one of the most powerful first generation deities in Ancient Greece.

cialised in artworks on paper, Dudley Gallery in 1867, as well as at the notable Grosvenor Gallery, later in the same year [13, p. 159–161]. The three, best known works of the five depicted respectively an Ottoman pasha's widow, the Theban poet Corinna, and herself as the allegorical figure of The Lady Prays-Desire, a character borrowed from Edmund Spenser's poetic work «Faerie Queene»¹⁹.

At that time, according to A. Chapman and J. Stabler, her political views on national issues, but also her social ideas on the liberation of women from the oppressive gendered stereotypes and consequently their equal treatment in relation to men, dominated as idealistic symbols in both her personal life and art [13, p. 160]. Of course, M. Spartali-Stillman's acquaintance with M. J. Cameron, with whom she often exchanged views on the traditional position of women in Victorian society, played a very important role in the shaping of these rather radical and advanced views. In her first period works (1867–1871), M. Spartali-Stillman chose as her main heroines, women from the Greek Mythology, but also from the English Renaissance literature, who were as powerful, emancipated and self-luminous as J. M. Cameron's female figures, but seemed to display, however, more spiritual freedom than a substantial tendency for independence. However, several of these characteristics would also be attributed to the female figures depicted in her later works and derived from characters of the Italian Medieval and Renaissance literature (fig. 5, see insert).

In her work titled «The Lady Prays-Desire», M. Spartali-Stillman portrayed a young, not particularly attractive woman in green, with laurel leaves in her hair, holding a small book and staring out of the canvas with great confidence. Here, the laurel leaves should be interpreted as the classical emblem of glory and success, and the whole painting seems to promote not the value of female beauty, but that of ambition [14, p. 12]. The name of the female figure, «Prays-Desire», has not been chosen at random, as it represents the secret desire of the hitherto oppressed Victorian woman to gain fame, prestige, but above all acceptance from her social environment in which she was considered weak, fragile and timid. In contrast to the way a female model would be depicted in the Pre-Raphaelite paintings, here the

female figure, portrayed by a young, inexperienced but daring female painter, looks assertive and determined to claim her personal rights and social position. However, it is true that Spartali has portrayed herself as a quite mature and dynamic figure because she focused on the strength of her character, spirituality and talents rather than on her objective beauty. The owl symbol at the top left of the painting constitutes yet another proof of her Greek heritage. This work, like many others, was made in watercolours, a rather symbolic technique, synonymous with the social position of the middle and upper class Victorian women who, along with other conventional «accomplishments» such as knitting, sewing, singing, embroidering and learning foreign languages, such as French and Italian, were being prepared for their future housewife, wife and mother roles.

J. M. Cameron's extraordinary views seemed to have an immediate effect on M. Spartali-Stillman's private life. In 1871, without parental approval and, in particular, in defiance of her conservative father, she married the American journalist and painter William James Stillman (1828–1901)²⁰. Having no support from her husband, neither in her artistic career nor in her maternal and domestic duties, M. Spartali-Stillman began to paint methodically, after a period of low production during the first years of their marriage, to contribute to the family income [15, p. 88].

In spite of her colossal will to resist to the Victorian mentality (according to which women had to be always far behind men), her deep, patriarchal family roots (as well as her fear of competing with the strictly male-dominated arena of the arts, especially that of painting), made her be afraid of and hate publicity, despite the fact that she aimed at it. Thus, although she had already begun to exhibit at the deeply conservative, but, at the same time, institutionally important Royal Academy since 1870, she did not really want to put herself forward, as she was particularly concerned about being criticised and possibly despised for her work²¹.

After the first years of her marriage, mainly due to her close artistic and personal connection with the Pre-Raphaelite Brotherhood, she adopted their classic thematology, painting female characters, with an emphasis on the female protagonists of the works of

¹⁹An epic, long poem written in archaic style and published by E. Spenser in the end of the 16th century. Each of its twelve books describes the adventures of medieval knights, each of whom is associated with the qualities of temperance, sanctity, justice, friendship, purity, nobility, etc.

²⁰In addition to being a journalist and painter, W. J. Stillman was a diplomat, publisher, historian and photographer. When he met M. Spartali, he was already a widower, as his wife had committed suicide two years before. Having served as a diplomat, consul and newspaper correspondent during the Cretan Revolution (1866–1869), he also served as a correspondent for «The London Times» in Athens. After their wedding, he continued to work as a foreign correspondent for the same newspaper, and so the couple occasionally lived between London and Florence, from 1878 to 1883, and then between London and Rome, from 1889 to 1896. We owe to Stillman some of the most important photographs of the 19th century Athens, especially its antiquities in the condition they were during the 1860s.

²¹It was no coincidence that she was accepted by such an important, but austere and unapproachable cultural institution, which rejected not only most of the female artists, but also many male painters specialising in the watercolour technique. The fact that in the period 1870–1877 she displayed seven of her works there, constitutes an important presumption for her painting skills and reputation.

Dante, Boccaccio, Petrarch and Shakespeare and also a plethora of splendid, romantic landscapes inspired by the Italian nature²². Although she was considered as part of the Pre-Raphaelite movement second generation, her work was special, as she had developed a completely personal style in terms of technique and thematography, especially as regards the way in which it presented female figures [16, p. 45]. Because of her American husband, she had had frequent opportunities to show her work at many galleries in New York and Boston, as well as at the Centennial Exhibition, Philadelphia in 1876 and at the Chicago World's Columbian Exposition in 1893. Being thought as the only English Pre-Raphaelite painter showing in the USA, she managed to develop a particularly extensive international network for her work, which made her quite well-known within the elite art circles²³.

It is true, however, that her work received the scornful criticism she was afraid of. The fact that the female artists of her time were considered to be incapable of competing professionally with the male ones, and, furthermore, that she never shied away from using the highly «feminine» watercolour technique, reinforced the aggressive attitude of her critics²⁴. The negative comments that often overshadowed the praises for her «flawless» work would come from the male-dominated art critic circles and would be indicative not only of the exclusion of Victorian women from the Academy of Arts and the art community of the country in general, but mainly of their broader social and cultural degradation and exclusion. However, what she did not dare to claim in the long-suffering arena of professional painting, she bid it on through her own art. During the mature period of her career (1880–1890) and later her works began to reveal more aspects of her personality, as they displayed important feminist and political positions through empowered female characters that would project their own sense of free will and action. Unlike the way the Pre-Raphaelite heroines gazed, most of her women seem to stare out of the paintings trying, not only to meet the viewer's gaze, but also to challenge it in a rather decisive and demanding way²⁵. Perhaps this way of gazing is one of the most characteristic features that the artist employed in her compositions in order to pass the indirect, but strong message to her exhibitions visitors, both in Europe and America, that the

woman of her time was not willing to play none of her predetermined roles any more. On the contrary, it expressed her reaction to all forms of oppression and devaluation, emphasising her bravery and strength (fig. 6 and 7, see insert).

Characteristic is her work titled «Madonna Pietra degli Scrovigni» (1884), in which she depicts the icy, but imposing and alluring beauty of the same name woman, a distinctive character of Dante Alighieri's poetic works, who looks restless and confident of her superiority in a blooming winter garden²⁶. In one hand she holds a small glass sphere on which the scene of the Annunciation of the Virgin Mary is reflected, which illustrates the importance of the female sex as chosen by God, while in the other a large flowering almond tree branch, which symbolizes the coming of Spring. Her haughty, calm and penetrating gaze seems as if it tries to be imposed on the viewer, skillfully passing on M. Spartali-Stillman's feminist views. Perhaps this gaze prevents the viewer from seeing the sensual, feminine beauty of this Early Renaissance woman, as it constitutes a barrier to any emotion other than the viewer's initial surprise, and possibly bewilderment, for what it implies.

A work on the same subject had been created ten years before by D. G. Rossetti, though projecting a completely different image for Dante Alighieri's heroine. In stark contrast to M. Spartali-Stillman's dynamic woman, D. G. Rossetti portrayed his own «Madonna Pietra» as a half-naked female figure, strongly erotic and provocatively sexual, holding a large plain sphere with no particular meaning. In this work, too, the Rossettian woman looked as if she wanted to avoid looking at the viewer, which may suggest the guilt and the shame she might have felt for her nudity and may also reveal the deep-rooted sexist stereotypes of the Victorian era.

Nevertheless, M. Spartali-Stillman created works in which women were depicted in a completely different manner. Without their familiar, intense gaze coming out of canvas, they were shown either as intellectual individuals and deep thinkers, absorbed in their thoughts and reflections, or as talented musicians who played musical instruments or sing. Here, too, she probably gives women active and creative roles, a fact, which brings them in complete contrast to the aesthetically far-fetched Pre-Raphaelite female figures (fig. 8 and 9, see insert).

²²Her stay in Italy had a great impact on her work, as she followed her husband on his two major professional missions there. She was thus given the opportunity to get acquainted with the early Italian Renaissance art, but also with the dreamy landscapes of Tuscany that later determined her mature painting style.

²³Thiele M. E. Marie Spartali-Stillman at the Watts Gallery [Electronic resource]. URL: <https://madeleineemeraldthiele.wordpress.com/2016/05/13/marie-spartali-stillman-at-watts-gallery/> (date of access: 02.02.2021).

²⁴Art critic William Michael Rossetti, once an active member of the Pre-Raphaelite Brotherhood, was one of her fiercest critics as he argued that her work, in spite of its grace and predictable «feminine» beauty, was clearly weak, both in terms of technique and creativity, implying indirectly that these were qualities that only male painters could possess and handle successfully.

²⁵Komacek C. Marie Spartali-Stillman – a Pre-Raphaelite feminist paints empowered women [Electronic resource]. URL: <http://moorewomenartists.org/marie-spartali-stillman> (date of access: 03.12.2020).

²⁶The work was accompanied by a small, explanatory note, something that was common to the Pre-Raphaelites, especially those of the first generation. In this particular note there was Dante's homonymous translated poem, which referred to a woman, as hard and cold as a stone, in an impressive winter garden.

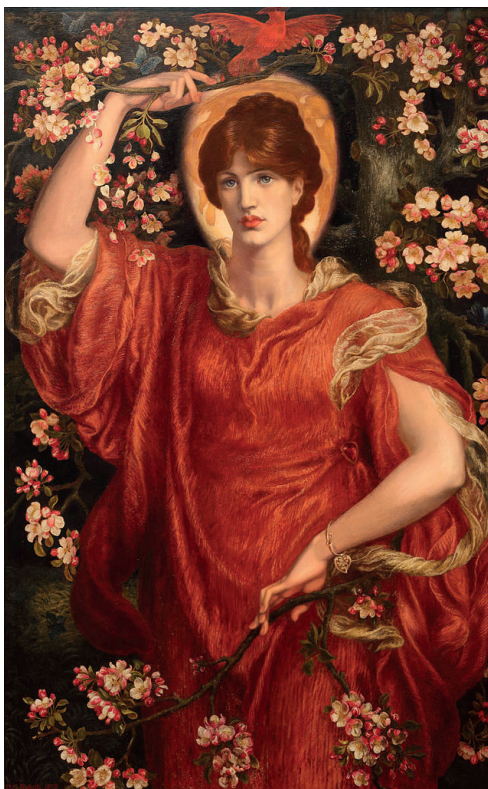

Fig. 1. Dante Gabriel Rossetti.
A Vision of Fiammetta. 1878
© Collection of Andrew Lloyd Webber

Fig. 2. Edward Burne-Jones.
The Mill: Girls Dancing to Music by a River. 1870
© V & A Museum

Fig. 3. Ford Madox Brown.
Marie Spartali's portrait. 1869
© Arttribune Magazine

Fig. 4. Julia Margaret Cameron.
Mnemosyne (model Marie Spartali). 1868
© Jan Marsh blogspot.com

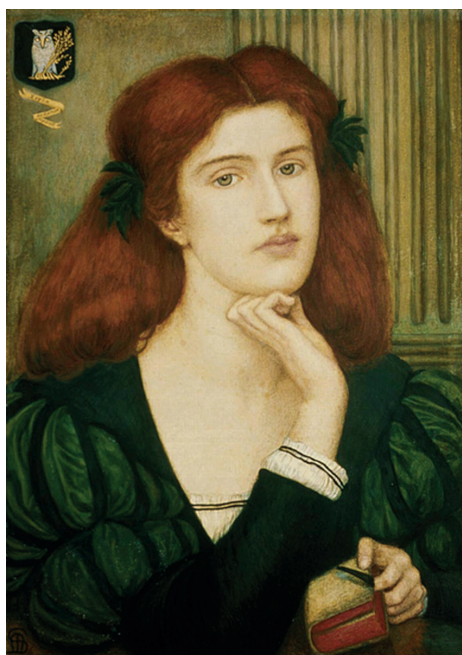

Fig. 5. Marie Spartali-Stillman.
The Lady Prays-Desire. 1867
© Jan Marsh blogspot.com

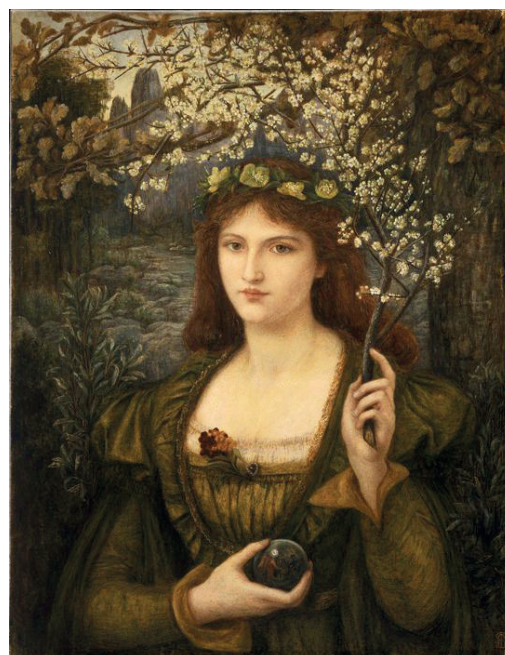

Fig. 6. Marie Spartali-Stillman.
Madonna Pietra degli Scrovigni. 1884
© National Museums Liverpool

Fig. 7. Dante Gabriel Rossetti.
Madonna Pietra. 1874
© Koriyama City Museum of Art

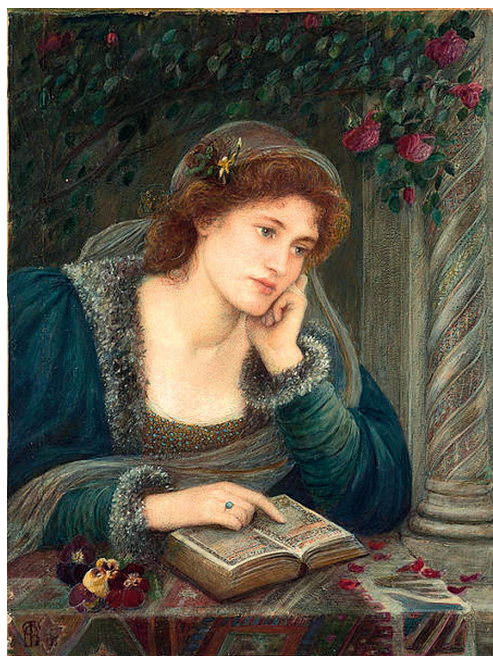

Fig. 8. Marie Spartali-Stillman.
Beatrice. 1895
© Delaware Museum

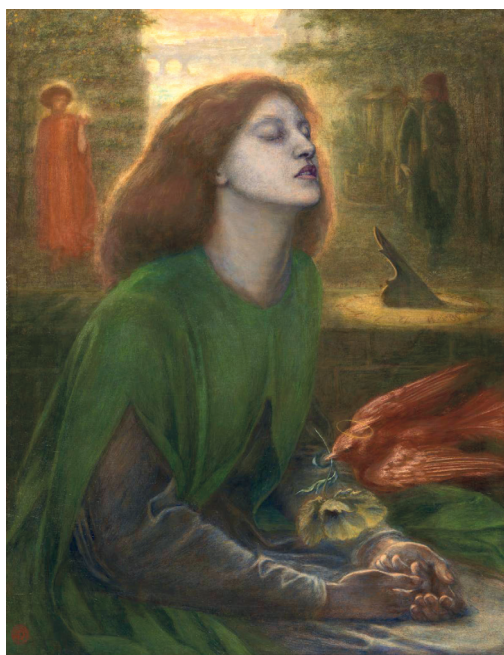

Fig. 9. Dante Gabriel Rossetti.
Beata Beatrix. 1864
© Tate Gallery

In «Beatrice» (1895), obviously influenced thematically by Dante Alighieri's heroine Beatrice²⁷, but also by a D. G. Rossetti's much older work titled «Beata Beatrix» (1864)²⁸, M. Spartali-Stillman portrayed the female figure as an idiosyncratic individual with noticeable spiritual quests. In stark contrast to D. G. Rossetti's heroine who is depicted in a provocatively erotic way with her eyes closed and her lips half open, otherworldly and, at the same time, lustful and attractive, in a pose of ecstasy and jubilation that aims at capturing the male viewer's eye, the heroine of M. Spartali-Stillman is depicted in a romantic, yet intellectual way. Her «Beatrice» seems to be lost in the vastness of her thoughts in front of a small open book, perhaps of religious content, as the decoration of its pages refers to medieval illuminated manuscripts, just like those published by William Morris's Kelmscott Press Publishing House.

Her gaze seems to be deliberately turned somewhere in space rather than in the viewer, and her body seems to be methodically hidden behind a tall balcony sill, urging the viewer to focus on her intellect and cultural refinement, rather than her eroticism. By the book, we can also notice a small bunch of colourful pansies, the very symbol of intellectuality and deep thinking, which enhances even more the artist's intentions. It is a work full of meaningful symbols and allegories, and constitutes an important example of the new artistic language that M. Spartali-Stillman invented and employed in order to make her feminist views known to a wider audience. After all, it has been highly noticed that many of the second generation Pre-Raphaelites, had enough in common with the Symbolists who were particularly active in the fin de siècle Europe, predominantly in France [17, p. 39].

Conclusion

One face looks out from all his canvases,
One selfsame figure sits or walks or leans:
We found her hidden just behind those screens,
That mirror gave back all her loveliness.
A queen in opal or in ruby dress,
A nameless girl in freshest summer-greens,
A saint, an angel – every canvas means
The same one meaning, neither more or less.
He feeds upon her face by day and night,
And she with true kind eyes looks back on him,
Fair as the moon and joyful as the light:
Not wan with waiting, not with sorrow dim;
Not as she is, but was when hope shone bright;
Not as she is, but as she fills his dream [18, p. 5].

With these highly progressive verses in her poem «In an Artist's Studio» (1856) D. G. Rossetti's sister Christina Rossetti (1830–1894) would decry the tendency of male artists of her time to objectify their sculpture or painting female models²⁹. As she was not the only female of her time who would protest for women's rights through their art, we can understand that women's need to free themselves from the personal, social and cultural passivity reserved for them by the Victorian morals, was imperative. Thus, M. Spartali-Stillman, knowing much better than any other Pre-Raphaelites' views, both as being their model and peer artist, launched a symbolic campaign against their gender stereotype art in order to restore the socially distorted female image. M. Spartali-Stillman represented female figures in the way to succeed in breaking the stereotypical relationship between the male artist and the female model, and, at the same time to promote her

feminist views via a brand new visual language of equity and social justice between the two sexes. Just like J. M. Cameron's independent female characters and C. Brontë's and B. Browning's emancipated heroines, in her work women ceased to be portrayed in extreme and superficial roles, such as those of the saint, the seductive or corrupted female or even the flawless lady, the virgin or the temptress, which degraded the female personality. On the contrary, their innovative portrayal as empowered female entities, helped them to claim new ways of acceptance within the society as a whole object, and paved the way for many greater claims in the hitherto authoritarian, male-dominated theatre of the arts. Generally speaking, her work constituted a small, but valuable achievement in the collective effort to restore the position of women in the political, social and cultural scene of the country, which began to bear fruit in the first decades of the 20th century.

²⁷Beatrice was the first platonic love of Dante Alighieri, who, however, was deeply hurt by her early death in 1290. This fact seems to have been the reason for Dante's complete devotion to Latin literature, philosophy and science. Later, Beatrice would be presented as the central character in his «Divine Comedy» (1314–1321).

²⁸The sitter for this painting was Elizabeth (Lizzie) Siddal, D. G. Rossetti's wife, who suffered from constant and severe health problems and died as early as 1862, that is two years before the painting was finally completed.

²⁹However, it was not published until C. Rossetti's second brother, W. M. Rossetti, released it along with many other unpublished poems in an edited collection in 1896, that is, two years after C. Rossetti's death.

References

1. Gombrich EH. *The story of art*. London: Phaidon Press; 1995. 512 p.
2. Garnett H. *Wives and stunners: the Pre-Raphaelites and their muses*. Hampshire: Pan Macmillan; 2013. 318 p.
3. Marsh J, Funnell P, Gere C, Nunn PG, Smith A. *Pre-Raphaelite sisters*. London: National Portrait Gallery Publications; 2019. 208 p.
4. Marsh CW. *Recollections 1837–1910*. Chicago: Chicago Press; 1910. 298 p.
5. Nsaidzedze I. An overview of feminism in the Victorian period [1832–1901]. *American Research Journal of English and Literature*. 2017;3(1):1–18. DOI: 10.21694/2378-9026.17012.
6. Elliott DB. *A Pre-Raphaelite marriage: the lives and works of Marie Spartali-Stillman and William James Stillman*. Woodbridge: Antique Collectors Club; 2006. 247 p.
7. Tennyson A. *The lady of Shalott: the Longman anthology of British literature. Volume 2b*. H. Henderson, W. Sharpe, editors. London: Pearson Education Inc.; 2010. 1650 p.
8. Rose A. *Pre-Raphaelite portraits*. Oxford: Oxford Illustrated Press; 1981. 144 p.
9. Nunn PG. Stillman [née Spartali], Marie (1844–1927). Oxford Dictionary of National Biography [Internet]. Oxford: Oxford University Press; c2021 [cited 15.01.2021]. Available from: <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-38009>. DOI: 10.1093/ref:odnb/38009.
10. Treuherz J. *Ford Madox Brown: Pre-Raphaelite pioneer*. London: Philip Wilson Publishers Ltd.; 2011. 65 p.
11. Ford C. *Julia Margaret Cameron: a critical biography*. London: National Portrait Gallery Publications; 2003. 11 p.
12. Rosen J. *Julia Margaret Cameron's «fancy subjects»: photographic allegories of Victorian identity and empire*. Manchester: Manchester University Press; 2016. 336 p. DOI: 10.2307/j.ctt1mf71jc.
13. Chapman A, Stabler J, editors. *Unfolding the south. Nineteenth-century British women writers and artists in Italy*. Manchester: Manchester University Press; 2003. 160 p.
14. Gustin ML. Wisdom holds the Spartium: a closer look at the Lady Prays-Desire. *Aspectus: a Journal of Visual Culture*. 2020;2:12.
15. Oberhausen J. Art union: Marie Spartali-Stillman and William James Stillman. *British Art Journal*. 2006;7(1):88–89.
16. Waterman AB. *Neo-Pre-Raphaelitism: the final generations*. Washington: University of Washington; 2016. 45 p.
17. Casteras S. *The Pre-Raphaelite legacy to symbolism*. New Jersey: Fairleigh Dickinson University Press; 1995. 39 p.
18. Rossetti C. *Selected poems of Christina Rossetti*. Ware: Wordsworth Editions Ltd.; 2001. 5 p.

Received by editorial board 15.02.2021.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

HISTORIOGRAPHY

УДК 930(476)

ГОРОДЕЛЬСКАЯ УНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ШЛЯХТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н. В. КОЗЛОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Анализируются достижения современной историографии в изучении роли и значения Городельской унии 1413 г. при формировании шляхетского сословия Великого княжества Литовского. Определены основные сюжеты научных исследований польских, литовских, белорусских, украинских и российских историков. Акцентируется внимание на том, что данные сюжеты, как правило, не являются самостоятельной историографической проблемой и выступают как часть более широкой исследовательской дискуссии о причинах и итогах унии 1413 г. в системе взаимоотношений Великого княжества Литовского и Польского королевства. В заключении отмечается, что, несмотря на расхождения в трактовке ряда частных вопросов, исследователи в целом солидарны в утверждении, что акты Городельской унии и гербовая адопция как по своему содержанию, так и по последствиям – одни из ключевых этапов в процессе формирования шляхты Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: шляхта; бояре; Великое княжество Литовское; Польское королевство; Городельская уния 1413 г.; гербовая адопция; историография.

Образец цитирования:

Козловская НВ. Городельская уния и формирование шляхты Великого княжества Литовского в оценке современной историографии. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2021;2:61–73.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-61-73>

For citation:

Kozlovskaya NV. Horodlo Union and the formation of the nobility of the Grand Duchy of Lithuania in the assessment of contemporary historiography. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;2:61–73. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-61-73>

Автор:

Наталья Владимировна Козловская – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры социологии и специальных социологических дисциплин факультета истории, коммуникации и туризма.

Author:

Natalia V. Kozlovskaya, PhD (history), docent; associate professor at the department of sociology and special sociological disciplines, faculty of history, communication and tourism.
n.kozlovskaya@grsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-3317-722X>

ГАРАДЗЕЛЬСКАЯ УНІЯ І ФАРМІРАВАННЕ ШЛЯХТЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў АЦЭНЦЫ СУЧАСНАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Н. У. КАЗЛОЎСКАЯ^{1*}

^{1*} Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы,
вул. Ажэшка, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь

Аналізуюцца дасягненні сучаснай гістарыяграфіі ў вывучэнні ролі і значэння Гарадзельскай уніі 1413 г. пры фарміраванні шляхецкага саслоўя Вялікага Княства Літоўскага. Вызначаны асноўныя сюжэты навуковых даследаванняў польскіх, літоўскіх, беларускіх, украінскіх і расійскіх гісторыкаў. Акцэнтуюцца ўвага на тым, што дадзеныя сюжэты, як правіла, не з'яўляюцца самастойнай гістарыяграфічнай праблемай і выступаюць як частка больш шырокай даследчай дыскусіі аб прычынах і выніках уніі 1413 г. у сістэме ўзаемаадносін Вялікага Княства Літоўскага і Польскага каралеўства. У заключэнні адзначаецца, што, нягледзячы на разыходжанні ў трактоўцы шэрагу прыватных пытанняў, даследчыкі ў цэлым салідарныя ў сцвярджэнні, што акты Гарадзельскай уніі 1413 г. і гербавая адопцыя як па сваім змесце, так і па наступствах – адны з ключавых этапаў у працэсе фарміравання шляхты Вялікага Княства Літоўскага.

Ключавыя словы: шляхта; баяры; Вялікае Княства Літоўскае; Польскае каралеўства; Гарадзельская унія 1413 г.; гербавая адопцыя; гістарыяграфія.

HORODLO UNION AND THE FORMATION OF THE NOBILITY OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE ASSESSMENT OF CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY

N. V. KOZLOVSKAYA^a

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus

The article analyses achievements of contemporary historiography in the study of the role and significance of the Gorodel Union of 1413 in the formation of the gentry class of the Grand Duchy of Lithuania. The key subjects of scientific research of Polish, Lithuanian, Belarusian, Ukrainian and Russian historians are identified. It is emphasised that these subjects, as a rule, are not an independent historiographical problem and act as part of a broader research discussion about the causes and results of the Union of 1413 in the system of relations between the Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland. In conclusion, it is noted that despite the differences in the interpretation of a number of specific issues, researchers generally agree in the statement that the acts of the Gorodel Union and the heraldic adoption, both in their content and in their consequences, are one of the key stages in the process of forming the nobility of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: nobility; boyars; Grand Duchy of Lithuania; Kingdom of Poland; Union of Horodlo; heraldic adoption; historiography.

Введение

2 октября 1413 г. в замке Городло Великое княжество Литовское и Польское королевство заключили акт, вошедший в историю как Городельская уния. На протяжении не полных тридцати лет это было третье соглашение, подписанное двумя сторонами: в 1385 г. была заключена Кревская уния, в 1401 г. – Виленско-Радомская.

Городельская уния – событие многогранное, имеет обширную и давнюю историографическую традицию, характеризуется дискуссионностью, наличием разных, зачастую диаметрально противоположных точек зрения [1; 2]. Всесторонний анализ существующих в историографии XIX–XX вв. подходов (прежде всего польской и литовской историографии) по ключевым вопросам заключения унии, ее роли и значения в двусторонних польско-литовских отношениях представил польский историк Гжегож

Блащик в монографии [3]. В белорусской историографии общий обзор традиционных подходов к оценке гербовой адопции 1413 г. содержится в работах нашего соотечественника – исследователя Алексея Шаланды [4; 5].

Цель настоящего исследования – рассмотреть и проанализировать подходы современной историографии к оценке роли унии 1413 г. в формировании шляхетского сословия ВКЛ. Вне поля изучения автора статьи остаются причины подписания унии, ее содержание и результаты в общем контексте польско-литовских отношений конца XIV–XVI в.

Современная историография рассматриваемой проблемы представлена рядом самостоятельных научных школ, сформировавшихся в рамках национальных историографий Беларуси, Литвы, Польши, России и Украины в 1990–2020-х гг.

Результаты и их обсуждение

В 1413 г. при заключении унии польской и литовской стороной были выданы следующие документы: акт польской шляхты, которая принимала в гербовое братство 47 литовских бояр; ответный акт литовского боярства (Г. Блащик охарактеризовал данный акт как *stosunkowo ubogi w treść*¹ [3, s. 381]); общий документ правителей – польского короля Владислава Ягайло и великого князя литовского Витовта, подготовленный в двух экземплярах для польской и литовской стороны соответственно, в котором излагались условия унии и перечислялись права, предоставляемые литовскому боярству. Исследователи, как правило, указывают, что документов было три [3, s. 376], российский историк Сергей Полехов пишет о четырех документах [6, с. 243].

Городельский привилей 1413 г. был вторым после привилея 1387 г. документом, в котором зафиксированы права и обязанности литовского боярства [6, с. 249]. В соответствии с привилеем 1413 г. шляхта и бояре ВКЛ получали широкие права в политической (занимать должности, принимать участие в сеймах и съездах) и экономической (свободно распоряжаться имуществом) сферах, права личного характера (свободно вступать в брак с лицами католической веры) и тем самым становились «равными» в правах с панами и шляхтой Польского королевства [7, s. 44–46]. Бояре и шляхта были обязаны строить замки, принимать участие в военных походах и уплачивать дань в соответствии с обычаями. Все права гарантировались шляхте и боярству католического вероисповедания, получившим польские шляхетские гербы в результате адопции [7, s. 46–47]. Г. Блащик обращает внимание на то, что впервые в документах 1413 г. по отношению к литовскому боярству был использован термин «шляхта» [3, s. 379].

Классическим изданием документов унии считается публикация 1932 г. под редакцией польских исследователей Владислава Семковича и Станислава Кутшебы [8].

Подробная характеристика родов литовского боярства, охваченных адопцией 1413 г., представлена В. Семковичем в статьях в журнале «Miesięcznik Heraldyczny» за 1913–1930 гг. (репринт в журнале «Lituanio-Slavica Posnaniensia. Studia Historica» за 1989 г.) [9, s. 7–139].

В 2013 г. к 600-летию унии польскими и литовскими историками было подготовлено новое издание городельских актов под редакцией Лидии Корчак и Юрате Кяупене [7]. Юбилейная дата в определенной степени содействовала проведению ряда научных конференций и тем самым актуализировала исследовательский интерес к истории Городельской унии 1413 г. и проблеме гербовой адопции [10; 11].

В историографии проблематики дискуссии ведутся по ряду сюжетов.

Ключевую позицию занимает вопрос об инициаторе унии и гербовой адопции. Большинство исследователей считают, что инициатива исходила от польского короля Владислава Ягайло.

По мнению польского историка Анны Сохацкой, Ягайло был заинтересован в сближении Польши и Литвы [12, s. 136]. Автор делает ряд предположений насчет того, какие цели он мог преследовать, но заинтересованность короля в унификации общественно-политических систем двух государств не вызывает сомнения: об этом свидетельствуют введение должностей воевод и каштелянов и утверждение великокняжеской рады [12, s. 136]. А. Сохацкая полагает, что великий князь литовский Витовт скорее не был заинтересован в рецепции польских институтов, поэтому его не следует рассматривать как инициатора адопции [12, s. 135]. Польский король, в свою очередь, заручился в данном вопросе поддержкой Витовта, а также своего ближайшего окружения, средней шляхты и части представителей высших аристократических родов. Основная же масса польской аристократии идею адопции не поддержала, и этим можно объяснить отсутствие печатей высших должностных лиц Польского королевства на документах унии [12, s. 138].

Исследователь Г. Блащик также склонен считать, что, исходя из династических интересов, Владислав Ягайло был заинтересован и в унии, и в адопции в большей степени, чем Витовт, но согласие последнего в данных вопросах также было важным [3, s. 376, 389–390].

Иную точку зрения отстаивает польский историк Мария Кочерская. Исследователь утверждает, что идея адопции родилась в кругах польских панов, а именно среди должностных лиц канцелярии королевской, и была поддержана королем [13, s. 268]. По мнению М. Кочерской, идейным вдохновителем адопции выступал архиепископ Гнезненский Николай Тромба [13, s. 270]. Все четыре документа, опубликованные в Городло, – «продукт канцелярии королевской» [13, s. 280].

Следующая проблема касается вопроса, кто отбирал литовских бояр для адопции. Исследователи единогласны в том, что представителей литовского боярства определял великий князь литовский Витовт с согласия короля польского [3, s. 389; 14, s. 155]. М. Кочерская уточняет, что бояре, выбранные Витовтом, выразили свое согласие на адопцию в польское гербовое братство, о чем свидетельствует документ, выставленный панами литовскими [13, s. 271].

Польский исследователь Ян Вронишевский, апеллируя к документу, в котором записано, что бояр от-

¹Здесь и далее перевод наш. – Н. К.

бирал Витовт с согласия Ягайло, считает, что данные слова нужно воспринимать дословно [14, s. 155]. Изучив процедуру прикрепления печатей к документам унии, Я. Вронишевский пришел к выводу, что литовское боярство знало, какие конкретно польские роды принимают их в свои гербовые братства, а поэтому печати с гербами были подготовлены заранее.

Точки зрения, что Витовт, руководствуясь своими политическими интересами, выбирал бояр для адопции, придерживается и А. Шаланда [4, с. 43]. Историк разделяет суждение польского ученого Оскара Халецкого, что часть литвинов имели польские гербы еще до подписания Городельской унии. По мнению А. Шаланды, в основу выбора были положены два критерия: католическое вероисповедание и наличие у отдельных представителей литовского боярства польских шляхетских гербов. Последний факт, в свою очередь, подтверждал существование тесных контактов и родственных связей между польской шляхтой и литовским боярством [4, с. 43]. Через объединение шляхты Польши и боярства ВКЛ Витовт и Ягайло планировали достичь определенных политических целей, а именно решения династического вопроса и сохранения власти в объединенных унией государствах. В Городельском привилее в первую очередь подчеркивались не столько социально-правовые, сколько политические аспекты принятия польских шляхетских гербов [5, с. 119].

Британский исследователь Роберт Фрост, один из ведущих специалистов по истории ВКЛ, также склонен полагать, что Витовт, отбирая литовские боярские роды для адопции, преследовал свои политические цели и рассчитывал тем самым заручиться их поддержкой для укрепления собственных позиций [15, p. 115].

Дискуссионным в историографии считается вопрос о том, какой характер носила адопция – родовой или семейный, другими словами, как литовское боярство «входило» в гербовое братство – родами или семьями.

Особой точки зрения по данной проблеме придерживается А. Сохацкая и утверждает, что адопция носила семейный характер. В своих аргументах историк исходит из того, что в начале XV в. значение рода уменьшается, а значение семьи, напротив, возрастает. Этим, по ее мнению, можно объяснить, почему в герб Лелива воеводу виленского Монивида принимала и свою печать к документу прикрепила польская шляхтянка Ядвига из Лежениц, а не воевода краковский Ян из Тарнова – представитель высших политических кругов Польского королевства [12, p. 136]. И напротив, если бы адопция носила родовой характер, то тогда было бы логичным, чтобы поддержка литовскому боярству оказывалась со стороны представителей крупнейших польских родов [12, s. 137]. А. Сохацкая делает предположение, что

при подборе семей для адопции учитывались уже существующие родственные и персональные связи представителей польской шляхты и литовского боярства, а также их лояльность по отношению к королю.

Большинство историков видят в адопции родовой характер [13, s. 269–270; 14, s. 156; 16, s. 218–220]. В частности, данной позиции придерживается литовский историк Эдмундас Римша. Автор пишет, что польская и литовская сторона, равно как и составители городельских актов, заранее были уведомлены о том, что конкретные польские роды адаптируют определенные литовские роды, и обращает внимание на тот факт, что в отдельных случаях при «опечатавании» польских и литовских документов печати прикрепили или только представитель польского рода, или только литовского. Так, герб рода Задора при польских и литовских документах презентовала печать литовского боярина Явнута Волимунтовича [16, s. 218]. По мнению исследователя, здесь возникает два вопроса, ответы на которые могут дать дополнительные изыскания, а именно: успели или нет организаторы унии изготовить печати, особенно что касается литовского боярства, и присутствовали или нет представители рода с одной и другой стороны непосредственно в Городло в 1413 г.

Родовой характер адопции объясняет также, по мнению Э. Римши, почему и с польской, и с литовской стороны в данном процессе принимали участие как представители высших элитарных слоев, так и лица, стоявшие на более низких ступенях общественной иерархии [16, s. 220]. Подтверждением вышесказанного Э. Римша считает пример все с той же Ядвигой из Лежениц и Войтехом Монивидом, когда не индивид, а именно род имел важное значение. Документы свидетельствуют, что польские гербы предназначались именно для литовских родов независимо от того, кто представлял данный род в Городло.

Таким образом, один и тот же сюжет диаметрально противоположно трактуется исследователями. Доступные источники, во-первых, не позволяют в деталях изучить, как была организована «техническая» сторона самой процедуры адопции, а во-вторых, они не раскрывают истинные цели, которые преследовали инициаторы и участники данного процесса [17, s. 57]. Поэтому стоит согласиться с мнением М. Кочерской, что мы можем только предположить, как долго готовилась гербовая адопция и сколько людей было задействовано в ее реализации [13, s. 272].

Не согласен с утверждением А. Сохацкой о семейном характере адопции и Я. Вронишевский. С его точки зрения, начало XV в. – это как раз апогей значения шляхетского рода [14, s. 156]. По мнению историка, адопция носила родовой характер

и каждый род польский принимал род литовский, так, по крайней мере, следует из текста документа. Однако из-за отсутствия родовых печатей их функции выполняли печати отдельных представителей рода. По утверждению Г. Блашика, данная проблема далека от своего решения и исследование родов, принимавших участие в унии как с польской, так и литовской стороны, является перспективным направлением будущих изысканий [3, s. 395, 413].

Современные исследователи ставят под сомнение устоявшееся в польской и литовской историографии суждение, что со стороны ВКЛ в гербовой адапции принимали участие представители ведущих литовских родов [3, s. 392].

Особая точка зрения в свое время была высказана литовским историком Эгидиюсом Банионисом. Проанализировав международные договоры конца XIV – начала XV в., скрепленные подписями свидетелей данных актов и лиц, которые сопровождали великого князя литовского, Э. Банионис отмечал, что имена 17 литовских бояр в разном сочетании встречаются в ряде актов рассматриваемого периода. Это были люди из ближайшего окружения, боярская верхушка, наместники, которые в обязательном порядке сопровождали великого князя [18, с. 143]. Соответственно, из представителей литовских родов, принявших участие в гербовой адапции, 17 не отбирались «специально», а присутствовали по долгу службы. Всех бояр, фигурировавших в Городло в 1413 г., историк разделил на пять групп и в итоге пришел к выводу: во-первых, литовская делегация состояла из свиты Витовта, что было обычной практикой для такой дипломатической миссии, и, во-вторых, торжественная церемония заранее не планировалась [18, с. 144].

И если вопрос о церемонии, ее протокольной части, остается открытым, то печати, которые были изготовлены заранее, свидетельствуют о том, что подготовка к акту адапции все-таки велась заблаговременно. И здесь аргументы М. Кочерской выглядят более убедительно. Представляется, что никто не препятствовал великому князю предложить для гербовой адапции людей, которые всегда или почти всегда сопровождали его в международных переговорах, т. е. его ближайшее окружение, куда априори входили лица разного социального статуса.

Исследователь Г. Блашик не согласен с Э. Банионисом и считает его аргументы спорными. В документах унии записано, что Витовт выбрал литовских бояр для адапции с согласия польского короля. По мнению польского историка, окружение Витовта включало политическую элиту княжества, высших должностных лиц, и это не была группа случайных лиц [3, s. 392–393]. Г. Блашик также обращает внимание на тот факт, что адапция охватила выходцев с территории собственно Литвы (позже Виленское и Троцкое воеводства).

На этом моменте заостряет свой взгляд и Э. Римша. Он пишет, что большинство литовских боярских родов, попавших под адапцию, происходили из Виленского, Ошмянского или Лидского (после административной реформы в середине XVI в.) поветов, несколько родов – из бывшего Троцкого княжества. Данные территории частично входили в состав собственно Литвы (в узком значении) [16, s. 236]. Внимание заслуживает и тот факт, что значительная часть наследственных владений участников городского акта находились в непосредственной близости от центров католицизма – Вильно, Ковно, Крево, Старых и Новых Троков, Ошмян, Геранён и др. [16, s. 236–237].

По мнению Э. Римши, литовское боярство в Городло было представлено людьми разного социального статуса: представителями знати, занимавшими высшие государственные должности, и малоизвестными деятелями. Однозначно, это были представители не только литовской магнатории, что не подтверждено ни детальным изучением персоналий, ни новейшими исследованиями [16, s. 237]. Опираясь на результаты изучения политической элиты ВКЛ польского историка Е. Сухоцкого, Рады ВКЛ XV в. Л. Корчак, литовской знати периода XIV–XV вв. Римвидаса Петраускаса, Э. Римша в целом приходит к утверждению, что из 47 принятых в Городло гербов в XV в. «прижились» и получили достаточно широкое распространение те гербы (это примерно четверть, в лучшем случае треть), которые были приняты представителями наиболее влиятельных и, что особенно важно, многочисленных родов. Последний фактор содействовал распространению гербов среди родов менее влиятельных, но в последующий период поднявшихся по иерархической лестнице [16, s. 237–238]. Исследователь возвращается к точке зрения Э. Баниониса по данной проблеме и соглашается с утверждением ученого, что это была свита и двор, но ставит под сомнение вопрос о готовности к акту [16, s. 239]. Историк считает, что значение имеет не то, как эту группу назвать – свита, двор или просто люди из окружения великого князя, а то, что по своему социальному составу она была неоднородная и включала не только представителей ведущих родов литовского боярства. Так много знатных родов в XV в. на территории собственно Литвы не было.

Отдельно Э. Римша заостряет внимание на вопросе участия или неучастия в событиях 1413 г. князей ВКЛ. По его мнению, князья не принимали участия в этих событиях: не было не только Гедиминовичей, но и представителей других, более мелких родов, входивших тем не менее в круг правящей элиты [16, s. 232]. Составляя особую страту в княжестве, князья рассматривали братание с польской шляхтой, пусть и гербовой, как унижение [16, s. 233]. Но даже если предположить, что князья выразили

согласие на братание с поляками, они не могли этого сделать из-за конфессиональных ограничений акта 1413 г., ибо в это время практически все, даже большая часть Гедиминовичей, проживавших на русских землях, были православными.

С историей Городельской унии связана развернувшаяся в историографии дискуссия по вопросу наличия либо отсутствия гербов у литовского боярства до 1413 г. и, соответственно, о значении гербовой адопции в становлении шляхетского сословия ВКЛ и развитии шляхетской геральдики.

Как считает Г. Блащик, ответ на вопрос: «Были ли гербы в ВКЛ до адопции?» – важен для понимания роли Польши в данном процессе [3, s. 414]. По мнению исследователя, если исходить из общеевропейского понимания герба как символа привилегированного сословия, то в этом значении до 1413 г. в ВКЛ гербов не было [3, s. 414].

С точки зрения М. Кочерской, акт включения литовских бояр в польские геральдические роды объясняется необходимостью должного представительства боярства среди западноевропейского рыцарства, неотъемлемым атрибутом которого выступал герб [13, s. 271]. Знаки же, которые использовали литовские бояре, не соответствовали европейским стандартам. Историк констатирует, что целью городельской адопции было включение литвинов в польскую геральдическую систему, и эта цель была достигнута [13, s. 273].

В свое время украинский историк Наталья Яковенко писала, что в ВКЛ гербовой традиции ни в европейском, ни в польском контексте не было, но и Городельский акт 1413 г. не заложил основы данной традиции [19, с. 53]. Н. Яковенко отмечала, что правовое оформление шляхетского сословия в ВКЛ проходило без фиксации его внешней эмблематики и до Люблинской унии основная масса белорусской и украинской шляхты к польскому гербовому братству не принадлежала и, соответственно, польскими гербами не пользовалась [19, с. 52]. Применение печатей представителями княжеских родов отмечается начиная с XIV в., а боярством, в частности галицко-волинским, – с 1330-х гг., но это, по мнению Н. Яковенко, не может служить аргументом, что их не было раньше [19, с. 52].

По утверждению Э. Римши, гербы, принятые литовским боярством, не имели такого значения, как в Польском королевстве [16, s. 246]. В ВКЛ значение герба было близко к западноевропейскому, где герб, как личный знак, принадлежал человеку и семье, а не представителям гербового рода, что, напротив, было характерно для польской стороны [16, s. 242–243]. Наличие герба и принадлежность к гербовому братству не были аргументом при доказательстве шляхетства – судебная практика ВКЛ знает лишь единичные случаи [16, s. 243]. Куда более значимыми в таких вопросах были либо письмен-

ные документы, например жалованные грамоты великих князей, либо свидетельства представителей шляхты. В ВКЛ наличие герба не указывало на особую «элитарность» ее владельца [16, s. 244–245].

Исследователь признает, что в ВКЛ из-за неразвитости института рыцарства и рыцарской культуры, слабых геральдических традиций, особой правовой культуры не получили должного развития и гербы местного происхождения [16, s. 246]. Единственным способом демонстрации герба выступали печати, но их использовали, как правило, только князья и лица, связанные с великокняжеским двором и занимавшие высокие статусные позиции в обществе. Э. Римша также обращает внимание на то, что в первой половине XVI в., когда Городельский привилей, отредактированный еще в XV в., был вписан в Литовскую метрику, из его текста были удалены практически все утверждения, понижающие (*deprecjonujące*) великих князей литовских и шляхту ВКЛ [16, s. 247–248]. Точку в данном вопросе, как считает историк, поставил привилей Сигизмунда Августа от 1563 г., который расширил права и вольности на всю шляхту ВКЛ [16, s. 249].

Мнение о том, что в ВКЛ, несмотря на гербовое братание 1413 г. в Городло, гербовые роды не получили такого развития, как в Польском королевстве, высказывает литовский историк Р. Петраускас [20, с. 23]. В монографии по истории формирования литовской знати исследователь обосновывает идею ее родового характера и отмечает значение рода в социальной структуре общества XIV–XV вв. Это род, который строился в первую очередь на кровных узах и родственных связях, а также включал тех, кто был связан с его представителями широкими узами свояченичества, в том числе и посредством брака [20, с. 105–118, 210].

Исследователь делает интересное утверждение, что процедура адопции основывалась на недоразумении и не учитывала, что такое род в Литве и Польше. Геральдический род в Польше был важной частью социальной структуры, определял связи внутри сословия и мировоззренческие установки его членов. В ВКЛ гербовых родов не существовало, а структуру рода среди знати составляли родственные и матримониальные связи. На их основе строились особые кланы из лиц более или менее близкого социального окружения, поэтому гербовой адопции было недостаточно для создания «солидарной общности» [21, s. 485].

По мнению Р. Петраускаса, уния 1413 г. и гербовое братание были призваны содействовать развитию персональных связей между литовскими боярами и польской шляхтой. Признавая тот факт, что в результате адопции литовское боярство стало частью гербового братства, исследователь вместе с тем ставит под сомнение тесные контакты между литовской и польской стороной [21, s. 484].

Активизация отношений литовской знати и польской шляхты, как полагает исследователь, происходит значительно позднее – лишь в конце XV в. [21, s. 488]. Литовский историк также считает недостаточно обоснованной утвердившуюся в историографии точку зрения, согласно которой польское институциональное влияние и получение гербов в Городло имели решающее значение для обособления литовской знати из широкой массы боярства [20, с. 56]. Характеризуя содержательную сторону формирования литовской знати, Р. Петраускас отмечает роль стран-соседей и европейского влияния в целом на данный процесс [20, с. 23–24].

Польский исследователь Я. Вронишевский обращает внимание на то, что в Городло литовские бояре уже имели печати с польскими гербами, и делает вывод, что к унии готовились заранее [22, s. 90]. Городельская уния, по его мнению, это вершина прежних отношений и связей. Посредством адопции идеологи унии рассчитывали создать монолитный по вере и равный в правах и привилегиях элитарный слой двух государств [22, s. 91].

Рассматривая события 1413 г. в Городло, Я. Вронишевский призывает посмотреть на них сквозь призму формирования шляхетского сословия в Польском королевстве, где важную роль играли гербы [22, s. 99]. Герб давал права и привилегии, подчеркивал особый статус его владельца. Практика знала разные способы получения герба и вхождения в гербовое родство. Один из них – побратимство (*pobratymstwo*), или «принятие в род», – был взят за основу при осуществлении Городельской унии [22, s. 100]. Именно в категориях побратимства – установления тесных социальных и общественных связей, – как считает исследователь, следует рассматривать утвердившееся в польской историографии понятие гербовой адопции [22, s. 101]. Городельская адопция имела преимущества перед нобилизацией и вела к интеграции элитарных кругов, создавая искусственные генеалогические роды, которые воспринимались как реальные польско-литовские роды [22, s. 102]. Позднее данная форма использовалась для уравнивания прав православной и католической шляхты ВКЛ, когда католическая шляхта принимала русское боярство в свое гербовое братство, однако в источниках об этом нет сведений [22, s. 103].

По мнению Я. Вронишевского, уравнивание в правах литовской и польской шляхты не было целью гербовой адопции [22, s. 92]. Широкий круг прав был гарантирован литовскому боярству еще привилеем 1387 г., монарший документ 1413 г. фактически повторил эти права. Поэтому историк считает, что получение гербов не следует рассматривать как условие получения этих прав. Хотя формально условия адопции гарантировали доступ к политическим правам только боярам-католикам, получившим польские

гербы [22, s. 92]. Я. Вронишевский считает, что в давней дискуссии В. Семковича и О. Халецкого о статусе литовского боярства в той или иной степени правы были оба исследователя [22, s. 93].

О том, что литовское боярство имело определенный правовой статус еще с привилея 1387 г., а Городельский привилей только расширил эти права, пишет А. Шаланда. Поэтому гербы не следует рассматривать как знак принадлежности к шляхетскому сословию, они лишь свидетельствовали о вхождении литовского боярства в гербовое братство и польские гербовые роды [4, с. 44]. Городельский привилей расширил права и вольности литовского боярства, в то же время получение гербов было делом второстепенным. Именно этим, по мнению А. Шаланды, можно объяснить, почему бояре, прошедшие через адопцию, и их родственники использовали как польские гербы, так и личные знаки-клейны. В 1420–30-х гг. процесс геральдизации охватил в основном православную знать, что было вызвано дискриминационными пунктами Городельского привилея [4, с. 46]. В целом исследователь констатирует, что привилей 1413 г. ускорил процесс формирования шляхетского сословия ВКЛ, который растянулся до середины XVI в. [4, с. 45]. Издание привилея Сигизмунда Августа 1563 г. А. Шаланда объясняет «гербовым комплексом литвинов» [5, с. 123].

В «гербовой проблеме» отдельного внимания заслуживает сюжет о «гербовом разбратании» шляхты литовской и шляхты польской в первой половине XV в. Э. Римша упоминает о возврате гербов литовской стороной во время съезда в Парчове в 1453 г. [16, s. 248]. В интерпретации Хроники Быховца данные события рассматривает А. Шаланда [3, s. 119–122]. Достаточно аргументированным выглядит точка зрения украинского историка Олега Однороженко, что «разбратание» произошло в 1430-х гг. [23].

Роль и значение Городельской унии и гербовой адопции в формировании шляхетского сословия ВКЛ оцениваются современной историографией по-разному. По меткому утверждению Г. Блашика, Городельская уния остро обозначила «русскую проблему» в ВКЛ [3, s. 393]. Это была слабая сторона унии и причина последующих конфликтов между литвинами и русинами в ВКЛ. Окончательно данная проблема была решена в 1563–1568 гг., что позволяет говорить о длительном значении унии [3, s. 393].

О дискриминационном характере привилеев 1387 и 1413 гг. пишет Э. Римша. Историк считает, что эти постановления не содействовали интеграции великокняжеского общества [16, s. 230]. Привилеи 1432 и 1434 гг. не снизили напряженность в обществе. Прописанный в них механизм принятия в гербовые роды православной знати заранее был обречен на неудачу – его просто нельзя было осу-

ществить в реальной жизни. По мнению исследователя, документы XV в., равно как и XVI в., не дают ни одного примера принятия гербов по привилеям 1432 и 1434 гг. [16, с. 231].

С точки зрения Н. Яковенко, Городельский привилей 1413 г. резко размежевывал знать этнической Литвы и тесно связанных с ней северобелорусских земель от православных князей и бояр остальных белорусских и украинских земель, особенно в вопросе земских должностей [19, с. 37–38]. По мнению историка, закрепление за литовской аристократией доминирующего положения католического вероисповедания лишь подчеркнуло религиозные и этнические противоречия, которые к этому времени явственно назрели и опосредованно содействовали консолидации недовольных «украинско-белорусских элементов», отодвинутых с передовых политических позиций. Взрыв недовольства произошел в период династических войн в 1430-х гг., вынудив правящие круги ВКЛ идти на уступки знати, что было закреплено в привилеях 1432 и 1434 гг. [19, с. 38].

Российский исследователь С. Полехов, отталкиваясь от устоявшихся прежде всего в восточнославянских историографиях оценок Городельского привилея как акта, адресованного только принятым в гербовое братство литовцам-католикам и дискриминирующего православную знать, и утверждений, что русское население княжества начало воспринимать ВКЛ как «свое» государство лишь начиная с середины XV в., задает вопрос: насколько это верно? По его мнению, документы свидетельствуют, что после 1413 г. православные князья и бояре занимали ряд важнейших земских должностей в ВКЛ (например, родоначальник Ходкевичей – Ходко Юрьевич, который в 1422 г. был полоцким наместником) [6, с. 250]. Схожие примеры случались и позже, хотя, как признает С. Полехов, и не были многочисленными. Ограничения Городельского привилея касались лишь должностей виленских и трокских воевод и каштелянов и соблюдалась до начала XVI в. [4, с. 251]. В целом же политика Витовта и его преемников по отношению к русским землям ВКЛ строилась на практической основе и была направлена на политическую и социальную интеграцию данных областей в состав государства [6, с. 251]. Русины воспринимали ВКЛ и великого князя как «свое» государство и «своего господаря» соответственно, подтверждением чему служат события середины XV в. [6, с. 252]. С. Полехов считает, что интеграция русских земель в состав ВКЛ – не то же самое, что наделение знати этих земель сословными привилегиями [6, с. 252], поэтому в историографии вопрос о степени готовности общества ВКЛ к восприятию польских образцов в политической и правовой сферах остается открытым.

Украинский исследователь О. Однороженко ставит под сомнение, что литовское боярство, охвачен-

ное адопцией, было представлено только литвинами по происхождению. Историк приводит пример Ивана Немиры, который, будучи католиком по вероисповеданию, по происхождению был русином [24, с. 127]. О. Однороженко считает, что нельзя провести четкую грань, что все русины были православными, а литовцы – католиками [24, с. 128]. Вскоре после заключения унии представители православной элиты встречаются среди панов-рады (например, тот же Ходко Юрьевич или пан Зеновий Братошич). Печати, которыми они скрепили акт Мельненского соглашения 1422 г., были с изображениями самобытных русско-литовских гербов, отличавшихся от польских и не фигурировавших при городельской адопции. Не приняла польские гербы и часть панов-католиков. «Няўвага» к польским гербам и предписаниям акта 1413 г. о праве занимать должности только лицами католического вероисповедания проявлялась в реальной жизни как при Витовте, так и при его преемниках [24, с. 128].

На ограничительные рамки привилея 1413 г. обращает внимание и российский исследователь Михаил Кром. Он объясняет данный запрет «местным патриотизмом» и стремлением литовской знати сохранить за собой земские должности на территории этнической Литвы [25, с. 134]. В то же время у православной знати оставалась возможность занимать должности, не связанные с Трокским и Виленским воеводствами. По этой причине, по мнению М. Крома, нельзя согласиться с утверждением, что князья были полностью отстранены от управления государством [25, с. 135]. Что же касается удельного веса князей в раде, то он в целом соответствовал доле княжеского землевладения в общей структуре земельных владений ВКЛ, где доминировали литовские паны [25, с. 135]. В общем же позиции княжеской знати в политической системе ВКЛ были достаточно прочными [25, с. 136].

О «русской проблеме» как итоге принятия привилеев 1387 и 1413 гг. в контексте событий конца XIV – начала XV в. пишет и белорусский историк Павел Лойко (1958–2010) [26, с. 176–178]. Данная проблема ставила под угрозу «перспективное унитарное единство полиэтнического и поликонфессионального объединения», которым являлось Великое княжество Литовское. Если во времена Витовта привилеи фактически не действовали, то после его смерти, отмечает историк, «русский вопрос» определял все последующие события – гражданские войны 1430-х гг., мятеж Глинского 1508 г. и др. [26, с. 178–179].

Разделение боярства на две группы: католиков, получивших права и привилегии, и православных русинов (*Orthodox Ruthenian*), на которых данные привилегии не распространялись, – Р. Фрост считает одним из существенных недостатков Городельской унии [15, р. 120–121]. Вместе с тем, как пишет историк, успех ВКЛ во многом основан на перспективах взаимодействия этих двух страт, тем более что

представители православной элиты княжества, проживая в центральных районах Литвы, идентифицировали себя как часть великокняжеского общества и принимали самое деятельное участие по его защите. Их интеграция и лояльность имели разные уровни и ослабевали прямо пропорционально по мере удаления от Вильно. Принятие католической веры гарантировало доступ к правам, что Городельской унией и было закреплено [15, p. 120].

Анализируя итоги унии, М. Качерская обращает внимание на общеевропейское значение рассматриваемого события для боярства ВКЛ и отмечает, что полученные таким образом символы подтверждали принадлежность литовского боярства к привилегированному сословию и подчеркивали его высокий социальный статус в глазах западноевропейского рыцарства [13, s. 271]. Адопция, несомненно, содействовала сближению литовского боярства и польской шляхты [13, s. 284], открывала дорогу к проникновению западных стандартов (*okcydentalizacji*) в ВКЛ, к чему, собственно, княжество и стремилось [13, s. 272]. М. Качерская согласна с мнением польского историка Кшиштофа Петкевича, что до конца XV в. вся политическая элита ВКЛ рекрутировалась из родов, затронутых городельской адопцией [13, s. 273].

Подчеркивая должностной характер элиты (*elita urzędnicza*) ВКЛ, К. Петкевич отмечает, что первое поколение ее представителей состояло из литовских бояр – ближайшего окружения Витовта, выдвинувшихся из общей массы боярства благодаря городельской адопции и при участии Ягайло [27, s. 81]. На протяжении XV в. 35 высших должностных лиц ВКЛ – это потомки тех, кто был охвачен адопцией, их родственники или связанные с ними матримониальными связями люди [27, s. 83]. Именно данный круг лиц вместе со своим ближайшим окружением составлял аристократию ВКЛ.

Обращаясь к сюжету о роли унии в формировании должностной элиты княжества и магнатории ВКЛ, Г. Блащик солидарен в данном вопросе с К. Петкевичем [3, s. 387, 390, 416]. Историк констатирует, что шляхетское сословие появилось в Литве ни в 1387 г. (точка зрения О. Халецкого), ни в 1413 г. (как считал В. Семкович). Процесс формирования шляхетского сословия, по мнению исследователя, был длительным: начался до 1387 г. и завершился лишь в первой половине XVI в. В этом смысле привилеи 1387 и 1413 гг. следует рассматривать только как этапы процесса формирования шляхетского сословия, хотя и очень важные [3, s. 415]. Значимыми данные события были и для развития геральдики ВКЛ [3, s. 417].

На важность событий 1413 г. для шляхетского сословия ВКЛ обращает внимание и Р. Фрост [15, p. 115]. Именно Городельский привилей, по мнению исследователя, заложил правовые основы политических прав и свобод литовской католической элиты [15, p. 119]. Р. Фрост в определенной степени раз-

деляет точку зрения польского историка Г. Блащика о том, что привилеи 1387 и 1413 гг. не создавали литовскую боярскую элиту, а только сформировали базис для ее последующего развития [15, p. 297–298].

Анализируя итоги унии, Г. Блащик затрагивает актуальную для историографии проблему полонизации шляхты ВКЛ. Историк отмечает, что это был длительный и сложный процесс, растянувшийся на столетия, и призывает не рассматривать Городельскую унию как начало или результат данного процесса. Утверждение отдельных историков о полонизации через гербовую адопцию Г. Блащик описывает как «анахронизм чистой воды» [3, s. 424]. Исследователь признает, что полонизация имела место, но о ней можно говорить только применительно к XVI в.

Характеризуя современную литовскую историографию, Г. Блащик отмечает, что оценки литовских коллег стали более взвешенными и умеренными [3, s. 422]. Вместе с тем, по его мнению, литовские исследователи переоценивают значение унии, особенно гербовой адопции, считая события 1413 г. переломными [3, s. 422].

Общая оценка современной литовской историографии Городельской унии представлена в коллективной монографии по истории Литвы, подготовленной авторским коллективом Института истории Литвы (на литовском языке – 1998 г., на польском языке – 2008 г.): Зигмонтасам Кяупай, Албинасам Кунцявичусам и Юрате Кяупеней [28].

Описывая события 1413 г., Ю. Кяупене, автор раздела по истории ВКЛ эпохи Ягайло и Витовта, обращает внимание на значимость унии в модернизации и европеизации литовского общества рассматриваемого периода [28, s. 149]. По мнению исследователя, Городельской унией были заложены основы будущего сближения литовской и польской шляхты, а адопция гарантировала принятым в польские гербовые роды представителям 47 родов литовского боярства привилегированное положение в обществе [28, s. 150]. Гербовая адопция характеризуется как осознанный символический акт, который был реализован великим князем литовским Витовтом и должен был доказать, что литовские бояре ничем не отличаются от дворянства в католических европейских странах. Учреждение сейма укрепляло формальные позиции литовской элиты, расширяло ее права и тем самым содействовало включению в политическую жизнь Польши. Ю. Кяупене пишет, что акт 1413 г. ограничивал православное боярство в продвижении по карьерной лестнице, приносил его роль в политической жизни княжества. Историк затрудняется ответить на вопрос, как долго просуществовал данный запрет, исключения же, которые существовали в реальной жизни, только подчеркивали правила [28, s. 162–163].

Характеризуя последствия унии, Ю. Кяупене акцентирует внимание на рецепции польских общественных и политических институтов в ВКЛ [28, s. 150].

У данного процесса были и негативные последствия. Исследователь пишет о слабой «отпорности» со стороны литовского боярства на влияние польской шляхты, что в итоге привело к унии 1569 г. [28, с. 150]. Что же касается процесса формирования шляхетства, то, по мнению Ю. Кяупене, ключевую роль здесь сыграли привилеи 1447 и 1492 гг., что позволяет говорить о едином сословии к концу XV в. [28, с. 164].

В современной белорусской историографии даются самые общие оценки итогов Городельской унии в общем контексте польско-литовских отношений XIV–XVI вв. и формирования шляхетского сословия ВКЛ. Программный характер в этом плане носят статьи доктора исторических наук, профессора Анатолия Грицкевича (1929–2015) – одного из крупнейших специалистов по истории шляхты ВКЛ [29; 30].

Концептуальное видение белорусскими историками уний ВКЛ и Польского королевства, оформившееся к настоящему моменту на уровне коллективного сознания научного сообщества, представлено энциклопедическими статьями, обобщающими академическими исследованиями. Следует признать, что трактовка и видение отечественными историками событий 1413 г. сегодня во многом несут на себе отпечаток предыдущей историографической традиции и нуждаются в более детальном изучении [31–34]. Так, оценивая Городельскую унию, доктор юридических наук, профессор, историк права Иосиф Юхо

(1921–2004) отмечает, что третий привилей, выданный от имени Ягайло и Витовта, «уяўляў сабой дакумент адкрытай каталіцкай агрэсіі і меў на мэце не саюз дзвюх дзяржаў, а ўмацаванне і пашырэнне каталіцызму...» [31, с. 91–92]. Вместе с тем исследователь считал, что прописанный в документе запрет «не католикам» занимать должности и принимать участие в заседаниях великокняжеской рады имел идеологический, а не практический характер, ибо доля представителей православной знати в органах управления и среди панов-рады в рассматриваемый период была достаточно значительной [33, с. 496].

Одно из возможных объяснений такого видения унии 1413 г. кроется в отсутствии в белорусской историографии обобщающих исследований как по истории ВКЛ в целом, так и по истории шляхты в частности. Монографию П. Лойко по истории шляхетского сословия второй половины XVI – первой трети XVII в., изданную в 2002 г., можно рассматривать как «первое приближение» такого рода исследования [35]. Монография Игоря Уварова, посвященная формированию сословных прав и привилегий шляхты XIV–XVI вв., представляет собой изложение общеизвестных сюжетов, где события 1413 г. описываются вскользь и в русле уже устоявшихся, весьма общих историографических оценок [36]. Аргументы, что в данном направлении активно работают в первую очередь польские историки, а также литовские ученые, вряд ли могут быть убедительными.

Заключение

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы. Результаты исследований современных польских, литовских, белорусских, украинских и российских историков систематизируют, обобщают и развивают достижения предшествующей историографической традиции (в первую очередь польской и литовской историографии XIX–XX вв.) в определении роли и значения унии 1413 г. в процессе формирования шляхты ВКЛ.

Значительный вклад в изучение проблематики на современном этапе внесли польские историки, перу которых принадлежат обобщающие монографические исследования по истории ВКЛ XIV–XVI вв.

Ученые сходятся во мнении, что акты Городельской унии и гербовая адопция являются од-

ними из ключевых этапов в длительном, растянувшимся на столетия процессе формирования привилегированного сословия ВКЛ. Вместе с тем данные сюжеты, как правило, не рассматриваются как самостоятельная историографическая проблема и выступают как часть более широкого исследовательского дискурса о причинах заключения унии, роли и значении событий 1413 г. в системе взаимоотношений ВКЛ и Польского королевства, их последствиях в дальнейшей судьбе двух государств.

Перспектива создания обобщающих исследований по истории шляхты ВКЛ в современной белорусской историографии видится как никогда актуальной.

Библиографические ссылки

1. Czerniecka-Haberko A. *Unie polsko-litewskie w historiografii polskiej*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek; 2013. 341 s.
2. Jučas M. *Lietuvos ir Lenkijos unija: XIV a. vid. – XIX a. pr.* Vilnius: Aidai; 2000. 391 p.
3. Błaszczak G. *Dzieje stosunków polsko-litewskich. Tom II: Od Krewa do Lublina. Część I*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie; 2007. 935 s.
4. Шаланда А. Гарадзельскі прывілей 1413 г. і шляхецкая геральдыка ў ВКЛ. *Герольд Litherland*. 2003;3–4:42–47.
5. Шаланда А. «Гербавыя войны» паміж Польскім каралеўствам і Вялікім Княствам Літоўскім у кантэксце інтэграцыйных працэсаў (другая палова XVI ст.). У: Сокал СФ, Янушкевіч АМ, рэдактары. *Праблемы інтэграцыі*

і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 15–17 кастрычніка 2009 г.; Мінск, Беларусь. Мінск: БІП-С Плюс; 2010. с. 117–134.

6. Полежаев СВ. Городельская уния: взгляд через шесть столетий. 1413 m. Horodlės aktai (dokumentai ir tyrinėjimai). Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia) / Sud. J. Kiaupienė, L. Korczak. Vilnius; Kraków, 2013. 544 s. *Исторический вестник*. 2014;7:242–253.

7. Kiaupienė J, Korczak L, sudarė. 1413 m. Horodlės aktai (dokumentai ir tyrinėjimai) = Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia). Vilnius: Lietuvos Istorijos Institutas; 2013. 543 s. Co-published by the Polska Akademia Umiejętności.

8. Kutrzeba S, Semkowicz W, redaktory. Akta unii Polski z Litwą (1385–1791). Kraków: Nakładem Polskiej Akademii Umiejętności; 1932. 570 s. Co-published by the Towarzystwo Naukowe Warszawskie.

9. Semkowicz W. O litewskich rodach bojarских zbratanych ze szlachtą polską w Horodle roku 1413. *Lituanos-Slavica Posnaniensia. Studia Historica*. 1989;3:7–139.

10. Korczak L, redaktor. *Prace historyczne. Tomek 141. Unia horodelska 1413*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego; 2014. 402 s.

11. Górczyński S, redaktor. *Unia w Horodle na tle stosunków polsko-litewskich*. Warszawa: DiG; 2015. 312 s.

12. Sochacka A. Możliwość polscy wobec unii horodelskiej. *Średniowiecze Polskie i Powszechne*. 2004;3:122–139.

13. Koczarska M. Twórcy unii horodelskiej. *Prace historyczne*. 2014;141(2):257–287. DOI: 10.4467/20844069PH.14.013.2741.

14. Wroniszewski J. Pieczęcie polskie przy dokumentach horodelskich w świetle polskiej średniowiecznej sfragistyki. W: Kiaupienė J, Korczak L, redaktory. 1413 m. Horodlės aktai (dokumentai ir tyrinėjimai) = Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia). Vilnius: LII Leidykla; 2013. s. 145–159.

15. Frost R. *The Oxford History of Poland-Lithuania. Volume I. The Making of the Polish-Lithuanian Union, 1385–1569*. Oxford: Oxford University Press; 2015. 564 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198208693.001.0001.

16. Rimša E. Akta horodelskie a heraldyka litewskich bojarów. W: Kiaupienė J, Korczak L, redaktory. 1413 m. Horodlės aktai (dokumentai ir tyrinėjimai) = Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia). Vilnius: LII Leidykla; 2013. s. 211–254.

17. Korczak L. Horodło. Na drodze ku dziedzicznej monarchii Jagiellońskiej. W: Kiaupienė J, Korczak L, redaktory. 1413 m. Horodlės aktai (dokumentai ir tyrinėjimai) = Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia). Vilnius: LII Leidykla; 2013. s. 57–69.

18. Банионис Э. Бояре Литвы и шляхта Польши в Городле в 1413 г. У: Караў ДУ, рэдактар. *Наш радавод. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Царква і культура народаў Вялікага Княства Літоўскага і Беларусі XIII – пачатку XX стст.»*; 28 верасня – 1 кастрычніка 1992 г.; Гродна, Беларусь. Кніга 5. Частка 1. Гродна: Беларускае дзяржаўнае музейнае гісторыі рэлігіі; 1993. с. 143–145.

19. Яковенко НМ. Українська шляхта з кінця XIV – до середини XVII століття: Волинь і Центральна Україна. Київ: Критика; 2008. 469 с.

20. Пятраўскас Р. Літоўская значь у канцы XIV – XV ст. Склад – структура – улада. Мікус А, перакладчык. Смаленск: Інбелкульт; 2014. 386 с.

21. Petrauskas R. Związki personalne między możnowładztwem Polski i Litwy od końca XIV do połowy XVI wieku. W: Bukowski W, Jurek T, redaktory. *Narodziny Rzeczypospolitej. Studia z dziejów redniowiecza i czasów wczesnonowoytnych. Tom 1*. Kraków: Societas Vistulana; 2012. s. 479–496.

22. Wroniszewski J. Adopcja horodelska w świetle praktyki adopcji herbowej w późnośredniowiecznej Polsce. W: Górczyński S, redaktor. *Unia w Horodle na tle stosunków polsko-litewskich*. Warszawa: DiG; 2015. s. 89–103.

23. Однороженко О. До питання про час польсько-литовського «гербового розбратання». *Średniowiecze Polskie i Powszechne*. 2012;4(8):238–250.

24. Однороженко О. Українська (руська) еліта доби Середньовіччя і раннього модерну: структура та влада. Київ: Темпора; 2011. 422 с.

25. Кром ММ. *Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в.* Москва: Квадрига; 2010. 326 с. Совместно с издательством «Объединенная редакция МВД России».

26. Бохан Ю, Галенчанка Г, Голубеў В, Дзярновіч А, Доўнар А, Іванова Л і інш. *Гісторыя Беларусі. Том 2. Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага*. Касцюк М, рэдактар. Мінск: Эксперспектива; 2008. 688 с.

27. Pietkiewicz K. *Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka: studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM; 1995. 256 s.

28. Kiaupa Z, Kiaupienė J, Kuncevičius A. *Historia Litwy od czasów najdawniejszych do 1795 roku*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN; 2008. 386 s.

29. Грыцкевіч АП. Беларуская шляхта. *Спадчына*. 1993;1:11–16.

30. Грыцкевіч АП. Шляхта Вялікага Княства Літоўскага да Люблінскай уніі 1569 г. *Годнасць*. 1993;1:16–27.

31. Юхо ЯА. *Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі*. Мінск: Універсітэцкае; 1992. 270 с.

32. Юхо ЯА. Гарадзельская унія 1413. У: Пашкоў ГП, рэдактар. *Вялікае Княства Літоўскае. Том 1*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі; 2007. с. 495.

33. Юхо ЯА. Гарадзельскі прывілей 1413. У: Пашкоў ГП, рэдактар. *Вялікае Княства Літоўскае. Том 1*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі; 2007. с. 495–496.

34. Доўнар Т. Гарадзельская унія 1413 года і яе наступствы. *Юстыцыя Беларусі*. 2013;8:73–74.

35. Лойка ПА. *Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст.* Мінск: БДУ; 2002. 99 с.

36. Уваров ИЮ. *Сословные права и привилегии шляхты Великого княжества Литовского (конец XIV – конец XVI столетий)*. Гомель: Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого; 2017. 276 с.

References

1. Czerniecka-Haberko A. *Unie polsko-litewskie w historiografii polskiej*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek; 2013. 341 s.
2. Jučas M. *Lietuvos ir Lenkijos unija: XIV a. vid. – XIX a. pr.* Vilnius: Aidai; 2000. 391 p.

3. Błaszczuk G. *Dzieje stosunków polsko-litewskich. Tom II: Od Krewa do Lublina. Część I*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie; 2007. 935 s.
4. Shalanda A. [Horodlo act of 1413 year and nobility heraldry in Grand Duchy of Lithuania]. *Gerol'd. Litherland*. 2003; 3–4:42–47. Belarusian.
5. Shalanda A. «Heraldic wars» between the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania in the context of integration processes (the second half of the 15th century). In: Sokal SF, Janushkevich AM, editors. *Prablemy intjegracyi i inkarpacyi w razvicii Cjentral'noj i Ushodnjaj Ewropy w peryjad rannjaga Novaga chasu. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferencyi; 15–17 kastychnika 2009 g.; Minsk, Belarus* [Problems of integration and incorporation in the development of Central and Eastern Europe in the early Modern period. Proceedings of the International scientific conference; 2009 October 15–17; Minsk, Belarus]. Minsk: BIP-S Plus; 2010. p. 117–134. Belarusian.
6. Polekhov SV. [Gorodelskaya Union: a look through six centuries. 1413 m. Horodl's aktai (dokumentai ir tyrinėjimai). Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia) / Sud. J. Kiaupienė, L. Korczak. Vilnius; Kraków, 2013. 544 p.]. *Istoricheskii vestnik*. 2014;7:242–253. Russian.
7. Kiaupienė J, Korczak L, sudarė. 1413 m. Horodl's aktai (dokumentai ir tyrinėjimai) = Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia). Vilnius: Lietuvos Istorijos Institutas; 2013. 543 s. Co-published by the Polska Akademia Umiejętności.
8. Kutrzeba S, Semkowicz W, redaktory. *Akta unii Polski z Litwą (1385–1791)*. Kraków: Nakładem Polskiej Akademii Umiejętności; 1932. 570 s. Co-published by the Towarzystwo Naukowe Warszawskie.
9. Semkowicz W. O litewskich rodach bojarzskich zbratanych ze szlachtą polską w Horodle roku 1413. *Lituanio-Slavica Poznaniensia. Studia Historica*. 1989;3:7–139.
10. Korczak L, redaktor. *Prace historyczne. Tomek 141. Unia horodelska 1413*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego; 2014. 402 s.
11. Górczyński S, redaktor. *Unia w Horodle na tle stosunków polsko-litewskich*. Warszawa: DiG; 2015. 312 s.
12. Sochacka A. Możliwość polscy wobec unii horodelskiej. *Średniowiecze Polskie i Powszechne*. 2004;3:122–139.
13. Koczerska M. Twórcy unii horodelskiej. *Prace historyczne*. 2014;141(2):257–287. DOI: 10.4467/20844069PH.14.013.2741.
14. Wroniszewski J. Pieczęcie polskie przy dokumentach horodelskich w świetle polskiej średniowiecznej sfragistyki. W: Kiaupienė J, Korczak L, redaktory. 1413 m. Horodl's aktai (dokumentai ir tyrinėjimai) = Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia). Vilnius: LII Leidykla; 2013. s. 145–159.
15. Frost R. *The Oxford history of Poland-Lithuania. Volume I. The making of the Polish-Lithuanian Union, 1385–1569*. Oxford: Oxford University Press; 2015. 564 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198208693.001.0001.
16. Rimša E. Akta horodelskie a heraldyka litewskich bojarów. W: Kiaupienė J, Korczak L, redaktory. 1413 m. Horodl's aktai (dokumentai ir tyrinėjimai) = Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia). Vilnius: LII Leidykla; 2013. s. 211–254.
17. Korczak L. Horodło. Na drodze ku dziedzicznej monarchii Jagiellońskiej. W: Kiaupienė J, Korczak L, redaktory. 1413 m. Horodl's aktai (dokumentai ir tyrinėjimai) = Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia). Vilnius: LII Leidykla; 2013. s. 57–69.
18. Banionis E. [Bojars of Lithuania and nobles of Poland in the Horodlo in 1413]. W: Karaw DU, editor. *Nash radavod. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferencyi «Čarkva i kul'tura narodav Vjalikaga Knjastva Litovskaga i Belarusi XIII – pachatku XX stst.»; 28 verasnja – 1 kastychnika 1992 g.; Grodna, Belarus. Kniga 5. Chastka 1* [Nash radavod. Proceedings of the International scientific conference «The Church and Culture of the Peoples of the Grand Duchy of Lithuania and Belarus 13th – early 20th centuries»; 1992 September 28 – October 1; Hrodna, Belarus. Book 5. Part 1]. Hrodna: Belaruskij dzjarzhavny muzej gistoryi rjeligii; 1993. p. 143–145. Russian.
19. Yakovenko NM. *Ukrains'ka shlyakhta z kintsya XIV – do seredini XVII stolittja: Volin' i Tsentral'na Ukraina* [The Ukrainian nobility from the end of the 14th to the middle of the 17th century. Volhynia and Central Ukraine]. Kyiv: Kritika; 2008. 469 p. Ukrainian.
20. Petrauskas R. *Litojskaya znats' u kantsy XIV – XV st. Sklad – struktura – ulada* [Lithuanian nobility at the end of the 14th–15th centuries. Composition – structure – power]. Mikus A, translator. Smolensk: Inbelkult; 2014. 386 p. Belarusian.
21. Petrauskas R. Związki personalne między możnowładztwem Polski i Litwy od końca XIV do połowy XVI wieku. W: Bukowski W, Jurek T, redaktory. *Narodziny Rzeczypospolitej. Studia z dziejów redniowiecza i czasów wczesnonowoczesnych. Tom 1*. Kraków: Societas Vistulana; 2012. s. 479–496.
22. Wroniszewski J. Adopcja horodelska w świetle praktyki adopcji herbowej w późnośredniowiecznej Polsce. W: Górczyński S, redaktor. *Unia w Horodle na tle stosunków polsko-litewskich*. Warszawa: DiG; 2015. s. 89–103.
23. Odnorozhenko O. The issue of dating a Polish-Lithuanian «heraldic gap». *Średniowiecze Polskie i Powszechne*. 2012; 4(8):238–250. Ukrainian.
24. Odnorozhenko O. *Ukrains'ka (rus'ka) elita dobi Seredn'ovichchya i rann'ogo modernu: struktura ta vlada* [Ukrainian (Russian) elite of the Middle Ages and early Art Nouveau: structure and power]. Kyiv: Tempora; 2011. 422 p. Ukrainian.
25. Krom MM. *Mezh Rus'yu i Litvoi. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskikh otnoshenii kontsa XV – pervoi treti XVI v.* [Between Russia and Lithuania. Borderlands in the system of Russian-Lithuanian relations of the late 15th – first third of the 16th century]. Moscow: Quadriga; 2010. 326 p. Co-published by the «Ob'edinennaya redaktsiya MVD Rossii». Russian.
26. Bohan Ju, Galenchanka G, Golubew V, Dzjarnovich A, Downar A, Ivanova L, et al. *Gistoryja Belarusi. Tom 2. Belarus' u peryjad Vjalikaga Knjastva Litovskaga* [History of Belarus. Volume 2. Belarus in the Great Duchy of Lithuania]. Kascjuk M, editor. Minsk: Ekoperspektiva; 2008. 688 p. Belarusian.
27. Pietkiewicz K. *Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka: studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM; 1995. 256 s.
28. Kiaupa Z, Kiaupienė J, Kuncevičius A. *Historia Litwy od czasów najdawniejszych do 1795 roku*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN; 2008. 386 s.
29. Gritskevich AP. [Belarusian nobility]. *Spadchyna*. 1993;1:11–16. Belarusian.
30. Gritskevich AP. [Nobility of the Grand Duchy of Lithuania before the Union of Lublin in 1569]. *Godnasc'*. 1993;1:16–27. Belarusian.
31. Juho JaA. *Karotki narys gistoryi dzjarzhavy i prava Belarusi* [A short history of state and law of Belarus]. Minsk: Universitjeckae; 1992. 270 p. Belarusian.

32. Juho JaA. [Union of Gorodlo in 1413]. In: Pashkov GP, editor. *Vjalikae Knjastva Litovskae. Tom 1* [The Grand Duchy of Lithuania. Volume 1]. Minsk: Petrus Brovka Belarusian Encyclopedia; 2007. p. 495. Belarusian.
33. Juho JaA. [Gorodelsky privilege 1413]. In: Pashkov GP, editor. *Vjalikae Knjastva Litovskae. Tom 1* [The Grand Duchy of Lithuania. Volume 1]. Minsk: Petrus Brovka Belarusian Encyclopedia; 2007. p. 495–496. Belarusian.
34. Dovnar T. [Union of Horodło and its consequences]. *Justycyja Belarusi*. 2013;8:73–74. Belarusian.
35. Lojka PA. *Shljahta belaruskich zjamel' u gramadska-palitychnym zhycci Rjechy Paspalitaj drugoj palovy XVI – pershaj trjeci XVII st.* [The nobility of the Belarusian Lands in the social and political life of the Commonwealth of the second half of the 16th – the first third of the 17th century]. Minsk: Belarusian State University; 2002. 99 p. Belarusian.
36. Uvarov IYu. *Soslovnye prava i privilegii shlyakhty Velikogo knyazhestva Litovskogo (konets XIV – konets XVI stoletii)* [Class rights and privileges of the Szlachta of the Grand Duchy of Lithuania (late 14th – late 16th centuries)]. Gomel': Sukhoi State Technical University of Gomel; 2017. 276 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 26.02.2021.
Received by editorial board 26.02.2021.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА 1929–1939 гг. В ОТНОШЕНИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

К. А. ЛАТЫШЕВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основании анализа постсоветской российской научной историографии определяются системообразующие направления изучения советской конфессиональной политики 1929–1939 гг. Выделение данного хронологического периода обусловлено значительными изменениями в конфессиональной политике, происходившими с момента реорганизации Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) (1929), принятия постановления «О религиозных объединениях» (1929) и иных преобразований до начала Второй мировой войны, что привело к расширению территории Советского Союза, на которой не проводились предыдущие этапы антирелигиозной политики. Ввиду потребности в расширении круга историографических источников осуществлен обобщающий тематический анализ региональных российских исследований истории старообрядчества, не имеющих значительных связей на межрегиональном уровне, несмотря на заметный количественный и качественный рост специализированных исследований в постсоветский период. Определены три общих направления исторических разработок: закрытие старообрядческих храмов, репрессии в отношении служителей культа, антирелигиозная агитация. Выявлены и охарактеризованы общие тенденции в рамках отдельных предметов исследований, наиболее важные проблемы и подходы к ним. Сформулированы причины, позволяющие рассматривать антирелигиозную политику в отношении старообрядчества как самостоятельное явление.

Ключевые слова: постсоветская российская историография; историография истории старообрядчества; советская антирелигиозная политика; антирелигиозные репрессии; антирелигиозная агитация; старообрядчество советского периода; старообрядчество в 1930-х гг.

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПАЛІТЫКІ САВЕЦКАЙ ДЗЯРЖАВЫ 1929–1939 гг. У ДАЧЫНЕННІ ДА СТАРАВЕРСТВА

К. А. ЛАТЫШАЎ^{1*}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

На падставе аналізу постсавецкай расійскай навуковай гістарыяграфіі вызначаюцца сістэмаўтваральныя напямкі вывучэння савецкай канфесійнай палітыкі 1929–1939 гг. Вылучэнне дадзенага храналагічнага перыяду абумоўлена значнымі зменамі ў канфесійнай палітыцы, якія адбываліся з моманту рэарганізацыі Антырэлігійнай камісіі пры ЦК ВКП(б) (1929), прыняцця пастановаў «Аб рэлігійных аб'яднаннях» (1929) і іншых пераўтварэнняў да пачатку Другой сусветнай вайны, што прывяло да пашырэння тэрыторыі Савецкага Саюза, на якой не праводзіліся папярэднія этапы антырэлігійнай палітыкі. Па прычыне патрэбы ў пашырэнні круга гістарыяграфічных крыніц зроблены абагульняльны тэматычны аналіз рэгіянальных расійскіх даследаванняў гісторыі стараверства, якія не маюць значных сувязяў на міжрэгіянальным узроўні, нягледзячы на істотны колькасны і якасны рост спецыялізаваных даследаванняў у постсавецкі перыяд. Вызначаны тры агульныя напямкі гістарычных распрацовак: закрыццё

Образец цитирования:

Латышев КА. Историография политики Советского государства 1929–1939 гг. в отношении старообрядчества. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2021;2:74–84.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-74-84>

For citation:

Latyshau KA. Historiography of politics of the Soviet state 1929–1939 regarding the Old Believers. Journal of the Belarusian State University. History. 2021;2:74–84. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-74-84>

Автор:

Кирилл Алексеевич Латышев – аспирант кафедры истории России исторического факультета. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. И. Меньковский.

Author:

Kiryl A. Latyshau, postgraduate student at the department of Russian history, faculty of history.
dzirtig@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6886-0910>

стараверскіх храмаў, рэпрэсіі ў дачыненні да служыцеляў культу, антырэлігійная агітацыя. Выяўлены і ахакатары-заваны агульныя тэндэнцыі ў рамках асобных прадметаў даследаванняў, а таксама найбольш важныя праблемы і падыходы да іх. Сфармуляваны прычыны, якія дазваляюць разглядаць антырэлігійную палітыку ў дачыненні да стараверства як самастойную з'яву.

Ключавыя словы: постсавецкая расійская гістарыяграфія; гістарыяграфія гісторыі стараверства; савецкая антырэлігійная палітыка; антырэлігійныя рэпрэсіі; антырэлігійная агітацыя; стараверства савецкага перыяду; стараверства ў 1930-я гг.

HISTORIOGRAPHY OF POLITICS OF THE SOVIET STATE 1929–1939 REGARDING THE OLD BELIEVERS

K. A. LATYSHAU^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Based on the analysis of the post-Soviet Russian scientific historiography, the system-forming directions of studying the confessional Soviet policy of the period 1929–1939 are determined, due to significant changes in confessional policy from the reorganisation of the Anti-Religious Commission under the Central Committee of the All-Union Communist Party (b) (1929), the adoption of the resolution «On Religious Associations» (1929) and other transformations till the start of the Second World War, due to the expansion of the territory of the Soviet Union, where the previous stages of anti-religious policy had been not carried out. In view of the need to expand the field of historiographical sources, we carried out a thematic and synthesis analyses of the regional Russian studies of the history of the Old Believers, that do not have significant connections at the interregional level, despite the significant quantitative and qualitative growth of the thematic studies in the post-Soviet period. We have identified three general directions of historical development: the closure of Old Believer churches, repressions against clergymen, anti-religious agitation. The general tendencies within the framework of individual research subjects the most important problems and approaches to them are identified and characterised. The reasons are formulated allowing to consider the anti-religious policy towards the Old Believers as an independent phenomenon.

Keywords: post-Soviet Russian historiography; historiography of the history of the Old Believers; Soviet anti-religious policy; anti-religious repression; anti-religious agitation; Old Believers of the Soviet period; Old Believers in the 1930s.

Введение

В статье анализируется постсоветская российская научная региональная историография конфессиональной политики Советского государства в отношении старообрядчества 1929–1939 гг.

История старообрядчества советского периода – уникальное историческое явление. Старообрядцы – религиозная (в некоторых случаях – этнорелигиозная) группа, имеющая в основе две ключевые парадигмы: веру, сопряженную со спецификой обрядности, и общинный принцип жизнеустройства. Помимо этого, старообрядцы длительный период своего существования в Российской империи подвергались давлению со стороны государства и православной церкви, что сказалось на замкнутости общин. Следует учитывать и тот факт, что старообрядцы расселялись по всей территории Российской империи, а в дальнейшем и Советского Союза. Если принять во внимание данный исторически сложившийся комплекс характеристик, становится понятной серьезная заинтересованность современного исторического сообщества в изучении положения старообрядцев в период 1930-х гг., который извес-

тен наиболее значительным развитием антирелигиозного движения.

Хронологические рамки настоящего исследования охватывают 1929–1939 гг. В указанный период происходили существенные изменения в советской антирелигиозной политике, осуществлялся важный этап процесса коллективизации, значительно затронувший старообрядческое население. В качестве нижней хронологической границы выбран 1929 г. ввиду целого комплекса существенных законодательных изменений: вступления в силу постановления Всероссийского съезда Советов от 18 мая 1929 г. «Об изменении и дополнении Конституции РСФСР», реорганизации 30 ноября 1929 г. Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б), создания Постоянной центральной комиссии по вопросам культов и др. Верхняя граница обусловлена развязыванием Второй мировой войны, территориальными изменениями, началом предвоенного времени, которое вносит коррективы в осуществление национальной, антирелигиозной и культурной политики Советского государства.

На сегодняшний день изучение истории старообрядчества обозначенного хронологического периода осуществляется только в региональных исследованиях. Одним из ключевых достижений постсоветской историографии, по замечанию И. С. Цыремпиловой, является создание обобщающих работ историографического плана [1, с. 150], однако данные работы также ограничены внутренними региональными рамками. Более подробную информацию о трактовке современной историографии, ее отличительных чертах и росте внимания исторического сообщества к изучаемому направлению можно найти в аналогичном исследовании, посвященном историческому периоду 1922–1929 гг. [2].

Автор считает, что разделение устоявшегося периода 1920–30-х гг. на составные части и самостоятельное их изучение, а также сравнительный анализ позволят значительно обогатить историческую науку ввиду широких возможностей для изучения процесса изменений, формирования причинно-

следственных связей и более глубокого понимания исторических принципов существования Советского государства в обозначенный исторический период.

Особую роль в изучаемом вопросе играют региональные исследования, которые осуществляются во многих местах массового проживания старообрядцев в указанный хронологический промежуток. По мнению автора, это позволяет анализировать ситуацию в целом по стране и формировать представление о характере общесоветской политики в области религии в отношении старообрядчества. В данной статье используются материалы исследований как центральных, так и приграничных регионов СССР в хронологических границах 1929–1939 гг., а именно: Байкальского региона (Прибайкалье, Западное и Восточное Забайкалье), Томского уезда, Алтая, Урала, Курского края, Краснодарского края, Нижневолжского края, Ветковщины, Стародубщины и др.¹

Основная часть

Несомненно, 1930-е гг. в истории советского старообрядчества – один из наиболее часто выделяемых структурных периодов. Ключевым предметом исследований является реализация репрессивной политики. Изучение данной темы базируется на выявлении основных методов советской власти и специфики их реализации на местах. Существует целый ряд самостоятельно изучаемых явлений репрессивной политики, которым посвящены как отдельные статьи, так и разделы работ более широкого плана. Говоря о последних, следует отметить тенденции к формированию целостной картины событий в большей мере, чем к изучению более узких вопросов. На данный момент эти тенденции реализуются как в историческом, так и в историографическом плане на региональном уровне.

Под региональной историографией понимается перенос термина «локальная история» непосредственно на историографию как область исторической науки. Мы определяем ее как способ осмысления глобального исторического процесса через местный, локальный территориальный аспект с учетом его специфики и характерных черт, что является основанием для нового уровня историко-научного анализа. Примером реализации обозначенных тенденций в региональной историографии служат работы исследователей Байкальского региона, которые можно использовать в качестве образца методологической, источниковедческой и исторической исследовательской деятельности, посвященной истории старообрядчества рассматриваемого периода. Прежде всего это обобщающие (в региональных

рамках) исторические и историографические монографии С. В. Васильевой [3; 4], А. В. Кострова [5; 6], Ф. Ф. Болонева [7] и др. Не меньшее значение имеют многочисленные статьи, опубликованные как в исторических журналах, так и в сборниках материалов тематических конференций. Зачастую подобные исследования содержат уникальную историческую информацию по изучаемому периоду, однако ввиду незначительного распространения автор считает необходимым максимально эффективное использование данного материала в обобщающих исследованиях, посвященных истории старообрядчества рассматриваемого периода. При этом наиболее корректно осуществлять такую деятельность в рамках обобщающего анализа изучения аспектов реализации антирелигиозной политики в контексте формирования базиса историографических источников.

На основании произведенного анализа автор пришел к выводу, что в настоящее время в исторической науке вопрос максимального расширения круга историографических источников является ключевым, в том числе и непосредственно в изучении истории существования старообрядчества выделенного периода. Трактуя историографический факт как «факт исторической науки, несущий информацию об исторических знаниях, используемых для выявления закономерностей развития истории исторической науки» (А. И. Зевелева, В. П. Наумова) и применяя наиболее обобщенное определение исторического источника, а именно «любой исторический источник, содержащий

¹В территориальных рамках выделяются историко-географические границы наравне с административно-территориальными единицами ввиду значительных изменений в административно-территориальном делении СССР в рассматриваемый период, не имеющих значения в контексте изучаемых проблем.

данные по истории исторической науки» (Л. Н. Пушкарёв), мы считаем важным отметить идеи профессоров Г. Н. Ланского [8] и Г. М. Ипполитова [9] о том, что историографическим источником исследование историка становится лишь тогда, когда оно оказывает объективное влияние на общественное сознание. В случае отсутствия информационного эффекта корректнее говорить о подобном исследовании как об историографическом факте [8, с. 229; 9, с. 192]. При условии выделения профессиональной деятельности историков непосредственно из «общественного сознания» может наблюдаться логичная ситуация, когда многократно возрастает научная значимость региональных исследований ввиду насыщенности источника материалом, на основании которого возможно построение более общих исследований, т. е. развитие историографического источника. Для изучения старообрядчества 1920–30-х гг. данный вопрос стоит наиболее остро из-за отсутствия на сегодняшний день обобщающих исследований даже на диссертационном уровне, охватывающих всю территорию СССР изучаемого периода.

Рассматривая источниковедческую сторону исследований, можно констатировать не только широту и всесторонность использования письменных источников, архивных материалов различных регионов, ведомств и подразделений (что объясняется широким территориальным охватом), но и привлечение кинофото документов, лингвистических данных, этнографических материалов. Активное использование этих источников относительно старообрядчества 1930-х гг. позволяет строить более объективную картину событий ввиду следующих причин. Известны определенные систематические искажения официальных документов (таких как судебные материалы и др., о недостаточной информативности которых рассуждала, к примеру, Н. Д. Зольникова [10, с. 174]). Основополагающая роль в старообрядческой общине принадлежит религиозно-культурной составляющей, она уверенно сохранялась в условиях давления в период существования Российской империи. Социальные изменения, наблюдаемые в старообрядческой общине, зачастую дают большее представление о реальной эффективности антирелигиозных действий, чем статистические результаты, приведенные в официальных отчетах административного аппарата рассматриваемого периода.

Автор считает возможным выделить следующие ключевые направления изучения истории старообрядчества в постсоветской российской историографии: закрытие старообрядческих храмов, репрессии в отношении священнослужителей и верующих – старообрядцев, агитационное антирелигиозное давление. В контексте данной статьи было рассмотрено историографическое изучение каждого из направлений отдельно в соответствующей очередности.

Закрытие старообрядческих храмов. Вопрос закрытия старообрядческих храмов корректно разделить на два направления: деятельность по закрытию храмов и молелен как самостоятельный феномен и борьбу со старообрядческими монастырями (скитами) как отдельное явление. Исследователи солидарны во мнении о резком переходе к закрытию храмов с 1929 г. Так, О. Б. Гордеева со ссылкой на журнал «Антирелигиозник» приводила информацию о массовом закрытии храмов в местах массового проживания старообрядцев. Она отмечала, что «только за первую половину 1929 г. было закрыто более двух сотен сельских храмов и столько же городских» [11, с. 180], а к 1937 г. «старообрядцы были полностью лишены всех своих церквей и молельных домов» [11, с. 185]. И. С. Цыремпилова (на основе изучения культовых памятников Бурятии) также определяет в качестве точки отсчета 1929 г. Закрытые храмы преимущественно передавались государству, в них устраивались склады либо помещения для культурно-массовой работы. Имели место ситуации изъятия храмов (к примеру, Одигитриевского кафедрального собора) ввиду опасного технического состояния при дальнейшей их эксплуатации советскими властями без ремонта [12, с. 94].

А. В. Костров (на базе материалов по Забайкалью) уточняет, что политика закрытия храмов в данном регионе началась во второй половине 1930-х гг. ввиду большей значимости буддистских и православных культов. Исследователь выделяет налоговый пресс в качестве основного метода закрытия храмов. Отметим приводимое А. В. Костровым основание одной из общин для отказа от здания церкви: «От заключения договора на содержание церкви отказаться, так как не используем церковь в течение 5 лет и в настоящее время служителей нет» [13, с. 26]. Исследователь подчеркивает, что отсутствие священнослужителей, малочисленность общин наряду с высокими налогами создавали объективную причину для отказа от здания церкви. Отдельно А. В. Костров выделяет использование методов административного давления (таких как «решение “колхозных собраний”, которые были малочисленны, строительно-технический, санитарный контроль» [13, с. 30]) в ситуациях, когда община была многочисленна и не соглашалась на закрытие молитвенного помещения. Политика закрытия храмов привела к ожидаемому итогу: «К 1941 г. на территории Бурятии не осталось ни одного действующего старообрядческого храма» [13, с. 31]. К. В. Симоненков (на примере Курской области) охарактеризовал 1930-е гг. следующим образом: «На протяжении последовавшего десятилетия курский старообрядческий мир испытал самый сильный удар в своей истории» [14, с. 123]. Исследователь аргументирует это тем, что уже с 1929 г.

старообрядческие молельные дома стали резко изыматься у общин и отдельных священнослужителей (после их репрессирования) под нужды государства или же просто разбираться. К 1941 г. была закрыта последняя старообрядческая церковь. Изучая Нижнее Поволжье, Н. В. Пискунов определил, что ключевым основанием для закрытия храмов было «желание самих верующих» [15, с. 53]. На начало 1930-х гг. непосредственно в Сталинграде существовали три молитвенных дома старообрядцев. Уже в середине 1930-х гг. подавляющее большинство действующих храмов были закрыты. Говоря о методах, исследователь отмечает, что действия советской власти зависели от значимости общины: в отношении малочисленных общин чаще применялось изъятие зданий для «нужд государства», в многочисленных общинах преобладали методы экономического давления, вынуждающие старообрядцев отказаться от церкви.

По мнению автора статьи, необходимо обозначить весьма точное выражение Н. В. Пискунова: «Обычным в деле закрытия культовых зданий становился административный произвол местных властей» [15, с. 54]. Слово «обычным» в данном случае максимально полно передает исторический контекст действий советской власти. Весьма подробно вопросы административного давления на старообрядческие общины рассмотрены И. В. Куприяновой на примере Алтая. В начале 1930-х гг. превалируют давление экономического плана, дающее государству право на закрытие или переоборудование храмов, путем значительного увеличения налогов, требование временной передачи храма на нужды государства и одновременный судебный процесс о неиспользовании помещения в религиозных целях, требование ремонта помещения церкви в сжатый срок по завышенным ценам и т. д. Исследователь отдельно отмечает тот факт, что после 1936 г. церкви закрывались без какого-либо обоснования или с соблюдением минимальных юридических формальностей [16, с. 200].

М. В. Кочергина, рассматривая положение старообрядцев на примере Ветки и Стародубья, указывает как на законные, так и на незаконные аспекты давления в отношении общин. Применялся весь спектр возможного законодательства. Так, в Злыновском облисполкоме национализировали старообрядческий монастырь ввиду того, что он был построен на средства буржуазии [17, с. 5]. Отмечены и элементы сознательного нарушения законодательных актов со стороны государства (в частности, закрытие старообрядческого кладбища в Гомеле для строительных целей). Также М. В. Кочергина рассматривает сопротивление старообрядцев в законодательных рамках (жалобы с опорой на юридические правила закрытия кладбищ) [18, с. 33]. В изучении борьбы со старообрядческими скитами автор статьи

считает важными выводы И. В. Куприяновой о значимости юридического статуса скита. Существуют примеры, когда старообрядческий скит получал статус сельскохозяйственной или трудовой артели, для того чтобы иметь возможность прямого административного влияния [16, с. 200]. Встречаются сведения об изъятии колоколов, но, по мнению автора, нет оснований утверждать о значимости данной политики в отношении старообрядцев.

Таким образом, обобщая проанализированный материал, можно сделать вывод, что именно закрытие старообрядческих храмов является центральным вопросом в изучении положения старообрядчества в 1930-х гг. вне зависимости от территориального фактора. Особое значение данный вопрос имеет из-за превалирующей роли изучения юридического обоснования закрытия храмов и монастырей. Если дела репрессированных 1930-х гг. нечасто несут детальную информацию о задержанных, то документация, появляющаяся при расформировании общины или закрытии молельных домов, является весьма подробным источником. Важную информацию дает изучение сопротивления старообрядцев законными способами. Повышенное внимание исследователей сосредоточено на рассмотрении полулегальных и нелегальных способов антирелигиозной деятельности советского правительства ввиду значительного опыта сопротивления государственному давлению у представителей старообрядчества. Автор считает возможным говорить о централизованной всесоюзной антирелигиозной политике в отношении старообрядчества, в основе которой лежит единая система действий, отраженная в результатах многочисленных исследований.

Репрессии в отношении священнослужителей и верующих – старообрядцев. Изучение репрессий подразумевает выделение принципов их осуществления, «целевой аудитории», в отношении которой реализуется данная политика, оценку массовости и сопротивления репрессиям со стороны старообрядцев. О. Б. Гордеева в целой серии статей, посвященных положению старообрядцев Байкальской Сибири [11; 19–21], уделила значительное внимание непосредственно уголовному преследованию старообрядцев. Рассматривая историю старообрядчества 1930-х гг. через весьма необычную призму – изучение специфики молитвы, О. Б. Гордеева утверждает, что на протяжении 1930-х гг. на территории данного региона «были расстреляны практически все уставщики» [20, с. 434], ввиду чего старообрядцы начали молиться индивидуально дома. Важно отметить другой вывод автора: «Не только крестьяне, уставщики, начетчики, священники, но и члены их семей были репрессированы» [19, с. 125]. В исследовании, основным источником которого являются протоколы собраний сельских советов, стоит выделить внимание автора к поведению

местных старообрядцев, принявших власть Советов по отношению к своим братьям по вере: бежавших репрессированных сдавали властям, изгоняли из колхозов односельчане [21, с. 268]. О. Б. Гордеева видит в этом факте «победу» советской агитационно-репрессивной машины, поскольку такое поведение не было характерно для старообрядцев во все этапы досоветских гонений.

Однако, по мнению автора настоящей статьи, большее значение имеет тот факт, что в подобных действиях старообрядцы не замечены и в период советского давления до 1929 г. Значительное внимание О. Б. Гордеева уделяет реализации (в том числе и законодательной) жесткого давления на старообрядцев в условиях лагерей. Важно отметить и указанные О. Б. Гордеевой факты сопротивления старообрядцев репрессиям: «...старообрядцы “берут за глотку” бригадиров, “утробляют колхозных лошадей”, “распускают народ с лесозаготовок”, срывают сроки колхозных работ и т. д.» [21, с. 269]. Исследователь приходит к заключению, что «в 1930–1937 гг. происходило физическое уничтожение крестьян-староверов» [11, с. 185]. Выводы С. Р. Шигапова, выделявшего специфику активистов, осуществлявших репрессии в отношении старообрядцев Томского региона, позволяют говорить о новом подходе к организации давления на староверов. Обратимся к характеристике данного актива: это «новое поколение партийцев, пришедшее к власти после глубоких партийных чисток» [22, с. 48]. В указанном факте усматривается отражение умеренной эффективности антирелигиозной политики 1920-х гг. Отмечается как потребность в изменении непосредственных исполнителей, так и определенный успех в этом деле, что в полной мере отождествляется с иными примерами подготовки специальных кадров для работы непосредственно со староверами.

Н. Д. Зольникова, изучая историю урало-сибирских старообрядцев, описывает нестандартный феномен бегства старообрядцев в места массовых ссылок населения, при этом уточняется, что бегут «середняки», так как, по информации местного руководства, к кулакам причисляется незначительное количество старообрядцев. Особое внимание Н. Д. Зольникова уделяет тому факту, что основная причина старообрядческого бегства – неприятие коллективизации на индивидуальном, личностном уровне, который характеризует старообрядческую закрытую общину [10, с. 181]. М. В. Кочергина, изучая старообрядчество Ветки и Стародубья, приводит данные о репрессивных действиях против иконописцев-старообрядцев. Не менее трех иконописцев-ветковцев умерли непосредственно в 1930-х гг. Следует учитывать, что исследователями выявлено всего 27 подобных специалистов [23, с. 40]. К. В. Симоненков, изучая уголовные дела против священников, уставщиков и наставников – старообрядцев (на ос-

нове материалов по Курской области), выделял три равнозначных обвинения: в деятельности против коллективизации, в деятельности против советской власти, в приверженности к религии «старообрядческого направления» [14, с. 125]. Наиболее важным представляется вывод исследователя о том, что заметны целенаправленные действия не только против священнослужителей, но и против уставщиков и наставников, являвшихся духовным и нравственным ориентиром общины. Но считать их сугубо религиозными лидерами некорректно, ввиду чего можно констатировать целенаправленную деятельность государства по дестабилизации общины изнутри. И. В. Куприянова на примере Алтая, опираясь на письма белокриницкого епископа Томского и Алтайского Тихона архиепископу Мелетию, в первую очередь выделяет эффективность репрессивных действий советской власти, принуждение общины к самоликвидации. Среди основных методов – репрессии священнослужителей: по состоянию на 1930 г. им подверглись несколько десятков из 43 священников, а уже в 1931 г. «священников в провинции (селах) почти не осталось, за исключением трех-четырех старичков-священников... служить проездным священникам не разрешают и квартир не дают» [16, с. 198]. Следует уточнить, что И. В. Куприянова приходит к выводу, что потери священнослужителей не всегда останавливали религиозную жизнь общины. Старообрядцы зачастую сами осуществляли религиозные службы, используя «семейный собор» [16, с. 201].

Таким образом, вопрос репрессий в отношении старообрядцев в рамках настоящей статьи считается следующим по значимости в изучении положения старообрядчества 1930-х гг. Ключевым аспектом репрессивной политики видится определенная направленность. Не совсем корректно выделять в качестве основной цели репрессивных действий священнослужителей. В большинстве своем исследователи высказывают единодушное мнение, что репрессии в разной степени были ориентированы как на священников, так и на уставщиков, начетчиков или наставников. Нередки ситуации, когда представителями названных категорий являлись зажиточные крестьяне, в таких случаях в качестве инструмента давления применялось раскулачивание. Автор считает, что возможно допустить некое отождествление данных раскулачивания и антирелигиозных репрессий в отношении старообрядчества ввиду социально-экономической, религиозной специфики общин. В исследованиях получает отражение целенаправленное использование Советским государством старообрядцев, прошедших через советскую систему образования, для воздействия на единоверцев, что наряду с более широкими репрессиями относительно представителей общин не было характерно для массовой советской

антирелигиозной политики. Ввиду перечисленных факторов можно утверждать, что репрессивную политику в отношении старообрядчества корректно рассматривать как самостоятельное явление, обособленно от аналогичной политики в отношении иных конфессий.

Антирелигиозная агитация в старообрядческой среде. В предыдущем исследовании автора [2] одним из главных итогов являлось определение анализа антирелигиозной агитации как центральной позиции постсоветской исторической литературы, посвященной периоду 1920-х гг. Важным видится сравнение роли антирелигиозной агитации в 1920-х и 1930-х гг., что позволяет косвенно оценить эволюцию данного процесса в историческом контексте.

При рассмотрении аспектов изучения антирелигиозной агитации заслуживают внимания выводы О. Б. Гордеевой о реализации репрессивно-агитационных действий: «В атмосфере страха и доносительства воспитывались дети старообрядцев, им запрещалось учиться церковной грамоте у уставщиков... Связь между поколениями староверов была насильственно разорвана. В 1937 г. была запрещена семейская старообрядческая одежда. <...> Таким образом духовная культура староверов в 1930-х гг. XX в. была сломлена и подвергнута искоренению» [21, с. 269]. Закрытием церквей местная власть не ограничивалась. Известны случаи целенаправленного осквернения религиозных предметов. Так, «из больших икон, изъятых из старообрядческой большекуналейской церкви, сделали двери в коровнике, в свинарнике, в домах сельских активистов» [11, с. 181], а «все медные иконы, складни и кресты унесли в кузницу, на усадьбу Занадворова Абрама. Расплавив в горне, отлили подшипники для колесных тракторов» [11, с. 182]. А. В. Костров видит серьезную проблему в отсутствии молодежной поддержки в старообрядческих общинах, которые в том числе из-за малочисленности вынуждены были останавливать свою центральную религиозную деятельность [13, с. 30].

Анализируя в качестве источника кинематографические сведения о жизни забайкальских старообрядцев, А. В. Костров отмечает, что как минимум в нескольких произведениях 1930-х гг. старообрядцы являлись антигероями (анализ одного из таких произведений осуществлен А. В. Костровым отдельно [24]), в то же время есть свидетельства о достаточно реальном отражении определенных сторон старообрядческой жизни в кинематографическом произведении конца 1920-х гг. [25, с. 77], что дает возможность говорить о разноплановом использовании кинематографа в вопросах пропаганды.

С. В. Бураева и С. А. Батулин, рассматривая повседневную жизнь старообрядчества изучаемого периода, на основании анализа фотографий старо-

обрядцев определили существенные изменения во внешности и используемой одежде: «К середине 1930-х гг. тенденция перехода от традиционной одежды к гражданской стала главенствующей» [26, с. 66]. В такой консервативной группе, как старообрядчество, это является серьезным отражением внутренних деструктивных процессов (мы можем назвать их модернизационными, однако для закрытой общины подобный процесс приводил лишь к разрушению). Весьма интересный вывод касательно специфики агитации против «таежных» староверов сделал С. Р. Шигапов. Опираясь на массовое использование относительно старообрядцев термина «таежники», который ранее не применялся, исследователь приходит к выводу, что наблюдался процесс дискредитации старообрядцев на основании места их проживания (т. е. тайги). Не меньшую важность представляют сведения автора о том, что чиновники местного уровня, по имеющимся на 1933 г. данным, рассматривали перевод в «старообрядческий колхоз» как определенное наказание либо работу «в сложных условиях» [22, с. 46]. К. В. Симоненков, уделяя больше внимания репрессивным действиям и политике закрытия храмов, констатировал, что относительно курского старообрядчества антирелигиозная агитация не имела серьезного успеха, а являлась в некоторой мере «данью советской идеологии» [14, с. 126].

И. В. Куприянова в исследовании, посвященном семейной жизни старообрядцев Алтая, выделяет две важные тенденции 1930-х гг., ранее нехарактерные для старообрядчества: серьезное увеличение роли женщин в религиозной жизни семьи и отсутствие сопротивления родителей социальной адаптации детей путем изоляции их от общественной жизни [27, с. 329]. Обе тенденции, по мнению автора настоящей статьи, являются отражением определенной эффективности советской агитационной политики 1920-х гг., сумевшей подточить единство общины, пошатнуть патриархальную религиозную структуру. М. В. Кочергина (на примере Ветковщины и Стародубья) в строительстве в Новозыбкове (одно из мест компактного проживания старообрядцев. – К. Л.) в 1930 г. агропединститута видит инструмент антирелигиозной агитации непосредственно против старообрядцев [17, с. 4]. Исследователь исходит из того, что выпускники, бывшие старообрядцами, активно участвовали в агитационной и образовательной деятельности в своих общинах, для них не была помехой замкнутость старообрядческой общины.

Анализ изучения агитационных действий позволяет утверждать, что изучение советской агитации (преобладающее при рассмотрении периода 1920-х гг.) в значительной мере теряет свою актуальность. Исследователи, вне зависимости от территориального фактора, сходятся во мнении, что в 1929 г. произошла кардинальная смена содер-

жания антирелигиозной политики с агитационной пропаганды на репрессивную деятельность. Ключевым фактором изучения антирелигиозной агитации является выявление и анализ закономерностей между антирелигиозной агитацией 1920-х гг. и серьезными изменениями в условиях существования общины в 1930-х гг. Среди характерных черт, подтверждающих успешность агитации 1920-х гг., исследователями выделяется значительное отступление старообрядчества в целом (в первую очередь старообрядческой молодежи) от строгих религиозных

норм и самоизоляции, что было нехарактерно для данной религиозной группы на всем протяжении ее существования. Важным этапом антирелигиозной агитации является обозначенное ранее использование в антирелигиозной работе старообрядческой молодежи, что еще раз подтверждает повышенное внимание к данной этнорелигиозной группе со стороны государства. Исследователи отмечают попытки отождествления старообрядчества с контрреволюционной деятельностью в средствах массовой информации.

Заключение

Проведя анализ постсоветской российской региональной историографии, посвященной положению старообрядчества в 1930-х гг., автор выделил три основные научные проблемы, в рамках которых осуществляется исследовательская деятельность: закрытие старообрядческих храмов, репрессии в отношении священнослужителей и верующих – старообрядцев, антирелигиозная агитация.

Сделан вывод, что в рамках данных направлений формируется единая историческая картина с определенной региональной спецификой, не противоречащей реализации централизованной антирелигиозной политики. Исследователи едины в выводах о насильственном, репрессивном характере антирелигиозной деятельности в отношении старообрядчества 1930-х гг. Мы видим системный комплекс антирелигиозных действий, опирающихся в первую очередь на административное давление на всей советской территории в данный период. Исследователи сходятся во мнении относительно преобладающей роли административного принуждения старообрядческих общин к закрытию церквей, а также использования широкого спектра методов принуждения, законных и выходящих за рамки законодательства.

Большое значение в исследовательской среде имеет анализ сопротивления старообрядцев административному давлению. В данном вопросе наиболее велики расхождения в рамках исследований в различных регионах. Значимого влияния на структуру или результаты исследования того фактора, какое из течений старообрядчества изучается исследователем, не отмечено. Нет оснований говорить о некоем едином старообрядческом сопротивлении советской антирелигиозной политике, вместе с тем автор считает возможным обо-

значить в качестве наиболее распространенного метода юридическое противодействие, официальные обращения в государственные органы в целях противодействия незаконному давлению. Ввиду данного вывода возрастает значимость анализа изменений советского законодательства и деятельности органов, ответственных за его реализацию.

При изучении репрессивных действий исследователи приходят к схожим выводам относительно широкого круга лиц, подвергавшихся арестам. Репрессированы были не только священнослужители, но и иные «представители культа» – уставщики, начетчики, наставники, которые, несмотря на религиозные функции, зачастую обладали серьезным экономическим потенциалом и ввиду этого находились фактически под двойным давлением. В данном контексте старообрядцы существенно отличались от представителей иных ветвей христианства, в которых священнослужителем может являться человек «вне общины», тогда как у старообрядцев в «религиозной системе» находилось большее количество общинников.

Антирелигиозной агитации, которая при изучении истории старообрядчества 1920-х гг. являлась наиболее значимым направлением исторических исследований, уделяется гораздо меньшее внимание в работах историков. По мнению автора, фактически в исследованиях не рассматривается непосредственно антирелигиозная агитация 1930-х гг., корректнее говорить о том, что анализируются эффективность результатов антирелигиозной агитации 1920-х гг. и продолжение ее реализации в изучаемый период. Таким образом, можно констатировать, что за подрывом единства и изолированности старообрядческой общины стоят преимущественно ненасильственные антирелигиозные действия 1920-х гг.

Библиографические ссылки

1. Цыремпилова ИС. Старообрядчество Байкальского региона в современных исследованиях: к постановке вопроса. В: Васильева СВ, Майоров АП, редакторы. *Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы VI Международной научно-практической конференции; 7–8 августа 2015 г.; Улан-Удэ,*

Бурятия. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета; 2015. с. 149–156. DOI: 10.18101/978-5-9793-0771-8-149-156.

2. Латышев КА. Ключевые аспекты конфессиональной политики Советского государства в отношении старообрядчества (1922–1929) в современной российской светской историографии. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2020;1:85–94. DOI: 10.33581/2520-6338-2020-1-85-94.

3. Васильева СВ. *Власть и старообрядцы Забайкалья (конец XVII – начало XX вв.)*. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета; 2007. 231 с.

4. Васильева СВ. *Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе XVII–XXI вв.: историография и источники*. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН; 2010. 204 с.

5. Костров АВ. *Старообрядчество Байкальской Сибири в «переходный» период отечественной истории (1905–1930-е гг.)*. Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета; 2010. 443 с.

6. Костров АВ. *Старообрядчество и старообрядческая историческая мысль во второй половине XIX – начале XX вв.* Иркутск: Оттиск; 2006. 160 с.

7. Болонев ФФ. *Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв.* Бураева СВ, редактор. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН; 2009. 340 с.

8. Ланской ГН. Особенности развития советской исторической науки в исследованиях А. Л. Шапиро. *Исторический вестник*. 2017;22:224–231.

9. Ипполитов ГМ. Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая дилемма. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2013;15(1):184–195.

10. Зольникова НД. Урало-сибирские староверы в первой половине XX в.: древние традиции в советское время. В: Ромодановская ЕК, редактор. *История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв.* Новосибирск: Наука; 1998. с. 174–190. (Археология и источниковедение Сибири; выпуск 18).

11. Гордеева ОБ. Старообрядцы Забайкалья в 1930-е гг. *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2014;7:179–185.

12. Цыремпилова ИС. К вопросу о сохранении и использовании культовых памятников на территории Бурятии. *Культура в евразийском пространстве: традиции и новации*. 2018;1:91–97. DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-91-97.

13. Костров АВ. Кампания по закрытию храмов старообрядцев в Забайкалье (1930-е гг.). *Новый исторический вестник*. 2010;24:24–31.

14. Симоненков КВ. Старообрядчество Курского края в условиях советской антирелигиозной кампании 1920-х – 1930-х гг. *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Том 4. История*. 2012;3:119–126.

15. Пискунов НВ. Особенности государственной политики по отношению к общинам старообрядцев и старых русских сектантов Нижнего Поволжья в 1920–1930-е годы. *Манускрипт*. 2018;11(1):51–55. DOI: 10.30853/manuscript.2018-11-1.11.

16. Куприянова ИВ. Ликвидация старообрядческих общин Алтая в конце 1920-х – середине 1930-х гг. *Мир науки, культуры, образования*. 2012;5:197–201.

17. Кочергина МВ. Конфискация имущества, лишение избирательных прав и репрессии советской власти против старообрядцев Стародубья и Ветки в 1920–1940 гг. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета* [Интернет]. 2019 [процитировано 20 августа 2020 г.];1:45–51. Доступно по: <https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/054-009.pdf>.

18. Кочергина МВ. Эпоха индустриализации в СССР: разрушение традиционного облика старообрядческих поселений Стародубья и Ветки и создание социалистических городов с типовой застройкой в 1930-х гг. *Вестник Брянского государственного университета*. 2019;3:27–36. DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-03-27-36.

19. Гордеева ОБ. Государственная политика в отношении староверов Забайкалья в 1930-е гг. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2014;9:120–126.

20. Гордеева ОБ. Молитва и пост у староверов Байкальской Сибири в период 30–40-х годов XX века. *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2013;11:431–435.

21. Гордеева ОБ. Отражение политики репрессий 1930-х гг. в протоколах собраний сельских советов старообрядцев Забайкалья. *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2014;9:265–270.

22. Шигапов СР. Советская власть и староверы: развитие взаимоотношений в 1920–1930-е гг. (на материалах Томского уезда). *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016;3:44–50. DOI: 10.17223/19988613/41/6.

23. Кочергина МВ. Редкие иконографические сюжеты в старообрядческой живописи Стародубья и Ветки (вторая половина XVIII – XX в.). *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета* [Интернет]. 2017 [процитировано 20 августа 2020 г.];3:34–44. Доступно по: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30115663>.

24. Костров АВ. Образ дальневосточных старообрядцев в советском фильме 1935 г. «Аэроград». В: *Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы XI Международной научной конференции; 11–13 ноября 2014 г.; Москва, Россия. Том 2*. Москва: [б. и.]; 2014. с. 176–184.

25. Костров АВ. Характер отражения семейских Забайкалья в отдельных киноисточниках советского периода. В: Васильева СВ, Майоров АП, редакторы. *Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы VI Международной научно-практической конференции; 7–8 августа 2015 г.; Улан-Удэ, Бурятия*. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета; 2015. с. 75–80. DOI: 10.18101/978-5-9793-0771-8-75-80.

26. Бураева СВ, Батурин СА. Будни довоенной Бурятии: особенности визуальной репрезентации повседневности (1920–1930-е гг.). *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2013;3:59–77.

27. Куприянова ИВ. Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта. *Мир науки, культуры, образования*. 2013;4:326–330.

References

1. Tsyrempilova IS. To the problem of Baikal region Old Belief in the recent research. In: Vasil'eva SV, Maiorov AP, editors. *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 7–8 avgusta 2015 g.; Ulan-Ude, Buryatiya* [Old Belief: history and modernity, local traditions, Russian and foreign relations. Proceedings of the 6th International scientific and practical conference; 2015 August 7–8; Ulan-Ude, Buryatia]. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University; 2015. p. 149–156. Russian. DOI: 10.18101/978-5-9793-0771-8-149-156.
2. Latyshau KA. Key aspects of the confessional policy of the Soviet State regarding the Old Believers (1922–1929) in the modern Russian secular historiography. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;1:85–94. Russian. DOI: 10.33581/2520-6338-2020-1-85-94.
3. Vasil'eva SV. *Vlast' i staroobryadtsy Zabaikal'ya (konets XVII – nachalo XX vv.)* [Power and Old Believers of Transbaikalia (late 17th–early 20th centuries)]. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University; 2007. 231 p. Russian.
4. Vasil'eva SV. *Gosudarstvennaya konfessional'naya politika po otnosheniyu k staroobryadchestvu v Baikal'skom regione XVII–XXI vv.: istoriografiya i istochniki* [State confessional policy in relation to the Old Believers in the Baikal region of the 17th – 21st centuries: historiography and sources]. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 2010. 204 p. Russian.
5. Kostrov AV. *Staroobryadchestvo Baikal'skoi Sibiri v «perekhodnyi» period otechestvennoi istorii (1905–1930-e gg.)* [The Old Believers of Baikal Siberia in the «transitional» period of Russian history (1905–1930s)]. Irkutsk: Publishing House of the Irkutsk State University; 2010. 443 p. Russian.
6. Kostrov AV. *Staroobryadchestvo i staroobryadcheskaya istoricheskaya mysl' vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Old Believers and Old Believers' historical thought in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Irkutsk: Ottisk; 2006. 160 p. Russian.
7. Bolonev FF. *Staroobryadtsy Zabaikal'ya v XVIII–XX vv.* [Old Believers of Transbaikalia in the 18th–20th centuries]. Buraeva SV, editor. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 2009. 340 p. Russian.
8. Lanskoj GN. Development of the Soviet historical science in the research works of A. L. Shapiro. *The Historical Reporter*. 2017;22:224–231. Russian.
9. Ippolitov GM. Historiographic fact and historiographic source as categories of historical studies: nonsimple dialectics. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 2013;15(1):184–195. Russian.
10. Zol'nikova ND. [Ural-Siberian Old Believers in the first half of the 20th century: ancient traditions in Soviet times]. In: Romodanovskaya EK, editor. *Istoriya russkoi dukhovnoi kul'tury v rukopisnom nasledii XVI–XX vv.* [The history of Russian spiritual culture in the manuscript heritage of the 16th–20th centuries]. Novosibirsk: Nauka; 1998. p. 174–190. (Archeography and source studies of Siberia; issue 18). Russian.
11. Gordeeva OB. Transbaikalian Old Believers in 1930-ies. *Proceedings of Irkutsk State Technical University*. 2014;7:179–185. Russian.
12. Tsyrempilova IS. Conservation and usage of cult monuments within the territory of the Republic of Buryatia. *Kul'tura v evraziiskom prostranstve: traditsii i novatsii*. 2018;1:91–97. Russian. DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-91-97.
13. Kostrov AV. [Campaign for the closure of Old Believer churches in Transbaikalia (1930s)]. *The New Historical Bulletin*. 2010;24:24–31. Russian.
14. Simonenkov KV. Old Belief of Kursk region in conditions of Soviet anti-religious campaign in 1920-s – 1930-s. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. Tom 4. Istoriya*. 2012;3:119–126. Russian.
15. Piskunov NV. Peculiarities of state policy in relation to the communities of Old Believers and Old Russian sectarians of the lower Volga region in the 1920–1930s. *Manuscript*. 2018;11(1):51–55. Russian. DOI: 10.30853/manuscript.2018-11-1.11.
16. Kuprianova IV. Elimination of Old Believer communities of Altai in the late twenties – the middle of the 1930th. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2012;5:197–201. Russian.
17. Kochergina MV. [Confiscation of property, depreciation of electoral rights and repression of Soviet power against Russian Old Believers Starodubye and Vetka in 1920–1940]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Internet]. 2019 [cited 2020 August 20];1:45–51. Available from: <https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/054-009.pdf>. Russian.
18. Kochergina MV. The era of industrialization in the USSR: the destruction of the traditional appearance of Old Believer settlements Starodubya and Branch and the creation of socialist cities with typical buildings in 1930s. *The Bryansk State University Herald*. 2019;3:27–36. Russian. DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-03-27-36.
19. Gordeeva OB. State policy towards Old Believers of Transbaikalia in 30s. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*. 2014;9:120–126. Russian.
20. Gordeeva OB. Prayer and fasting of Old Believers from Baikal Siberia in 1930–1940s. *Proceedings of Irkutsk State Technical University*. 2013;11:431–435. Russian.
21. Gordeeva OB. Reflection of repressive policies of 1930-ies in minutes of Transbaikalian Old Believers village council meetings. *Proceedings of Irkutsk State Technical University*. 2014;9:265–270. Russian.
22. Shigapov SR. The Soviet authority and Old Believers: the development of relations in 1920–1930s (on materials of Tomsk county). *Tomsk State University Journal of History*. 2016;3:44–50. Russian. DOI: 10.17223/19988613/41/6.
23. Kochergina MV. [Rare iconographic subjects in the Old Believer painting of Starodubye and Vetka (second half of the 18th – 20th centuries)]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Internet]. 2017 [cited 2020 August 20];3:34–44. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30115663>. Russian.
24. Kostrov AV. [The image of the Far Eastern Old Believers in the 1935 Soviet film «Aerograd»]. In: *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'. Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 11–13 noyabrya 2014 g.; Moskva, Rossiya. Tom 2* [Old Belief: history, culture, modernity. Proceedings of the 11th International scientific conference; 2014 November 11–13; Moscow, Russia. Volume 2]. Moscow: [s. n.]; 2014. p. 176–184. Russian.

25. Kostrov AV. The reflection of Semeiskie of Transbaikal region in the cinema sources of the Soviet period. In: Vasil'eva SV, Maiorov AP, editors. *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 7–8 avgusta 2015 g.; Ulan-Ude, Buryatiya* [Old Belief: history and modernity, local traditions, Russian and foreign relations. Proceedings of the 6th International scientific and practical conference; 2015 August 7–8; Ulan-Ude, Buryatia]. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University; 2015. p. 75–80. Russian. DOI: 10.18101/978-5-9793-0771-8-75-80.

26. Buraeva SV, Baturin SA. Weekdays of the pre-war Buryatia: patterns of everyday life visual representation in the 1920s–1930s. *Bulletin of the Buryat Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2013;3:59–77. Russian.

27. Kuprianova IV. Old Believer family: religious and cultural dominance. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2013;4:326–330. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.10.2020.
Received by editorial board 20.10.2020.

УДК 970.1

А. В. МИШУЛИН И ФОРМИРОВАНИЕ В СССР МОСКОВСКОГО ЦЕНТРА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА В 1930–40-х гг.

С. Г. КАРПЮК¹⁾

¹⁾Институт всеобщей истории РАН, пр. Ленинский, 32а, 119334, г. Москва, Россия

Рассмотрена научно-организационная деятельность А. В. Мишулина в 1930–40-х гг., которая способствовала быстрому развитию изучения и преподавания истории Древнего мира в Москве. Он был представителем партийно-научной номенклатуры, сформировавшейся в СССР к 1940-м гг. Роль А. В. Мишулина в становлении советской исторической науки показана на основании документов из Архива РАН и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

Ключевые слова: А. В. Мишулин; архивные документы; история Древнего мира; Академия наук СССР; Москва в 1930–40-х гг.

Благодарность. Статья написана при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.».

А. В. МІШУЛІН І ФАРМІРАВАННЕ Ў СССР МАСКОЎСКАГА ЦЭНТРА ВЫВУЧЭННЯ ГІСТОРЫІ СТАРАЖЫТНАГА СВЕТУ Ў 1930–40-я гг.

С. Г. КАРПЮК^{1*}

^{1*}Інстытут усеагульнай гісторыі РАН, пр. Ленінскі, 32а, 119334, г. Масква, Расія

Разгледжана навукова-арганізацыйная дзейнасць А. В. Мішуліна ў 1930–40-я гг., якая спрыяла хуткаму развіццю вывучэння і выкладання гісторыі Старажытнага свету ў Маскве. Ён быў прадстаўніком партыйна-навуковай наменклатуры, што сфарміравалася ў СССР да 1940-х гг. Роля А. В. Мішуліна ў станаўленні савецкай гістарычнай навукі паказана на падставе дакументаў з Архіва РАН і Расійскага дзяржаўнага архіва сацыяльна-палітычнай гісторыі (РДАСПГ).

Ключавыя словы: А. В. Мішулін; архіўныя дакументы; гісторыя Старажытнага свету; Акадэмія навук СССР; Масква ў 1930–40-я гг.

Падзяка. Артыкул напісаны пры падтрымцы Расійскага навуковага фонду ў рамках праекта № 18-18-00367 «Усеагульная гісторыя ў сістэме савецкай навукі, культуры і адукацыі ў 1917–1947 гг.».

Образец цитирования:

Карпюк С. Г. А. В. Мишулин и формирование в СССР московского центра изучения истории Древнего мира в 1930–40-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2021;2:85–90.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-85-90>

For citation:

Karpyuk S. G. A. V. Mishulin and forming of the Moscow research and education centre for ancient history in 1930–40s. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;2: 85–90. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-85-90>

Автор:

Сергей Георгиевич Карпюк – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра античной истории Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций.

Author:

Sergey G. Karpyuk, doctor of science (history); leading researcher at the Center of Ancient History, Department of Comparative Studies of Ancient Civilisations.
oxlos@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8515-9560>

A. V. MISHULIN AND FORMING OF THE MOSCOW RESEARCH AND EDUCATION CENTRE FOR ANCIENT HISTORY IN 1930–40s

S. G. KАРPYUK^a

^a*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Avenue, Moscow 119334, Russia*

The article is devoted to the activities of A. V. Mishulin as a science and education organiser. His activities lead to very fast development of research studies and education of the ancient history in Moscow in 1930–40s. A. V. Mishulin was a true representative of communist-scientific bureaucracy. The author uses documents from Moscow archives to analyse Mishulin's role in development of the Soviet historical science.

Keywords: A. V. Mishulin; archival documents; ancient history; Academy of Sciences of the USSR; Moscow in 1930–40s.

Acknowledgements. The article was written with supported of the Russian Science Foundation within the framework on the project No. 18-18-00367 «Universal history in the system of Soviet science, culture and education, 1917–1947».

Введение

В последнее десятилетие возрос интерес к истории изучения древности в СССР, однако организации науки и тем советским ученым, которые сыграли заметную роль в институционализации изучения и преподавания истории Древнего мира в СССР, уделяется существенно меньшее внимание. Одной из самых важных фигур в этой области научного знания в 1930–40-х гг. был Александр Васильевич Мишулин (30 августа 1901 г., Мелекес, Самарская губерния – 19 сентября 1948 г., Москва), но, если не считать некрологов и юбилейных заметок, о нем написано крайне мало [1]. Статьи об А. В. Мишулине нет даже в «Советской исторической энциклопедии». Очевидной причиной этого была не слишком высокая значимость его научных трудов (прежде всего о восстании Спартака), уже в 1950–60-х гг. подвергшихся справедливой критике, которая обобщена в статье В. И. Кузищина [2]. Научное наследие А. В. Мишулина уже было рассмотрено в статьях С. Б. Криха и А. М. Скворцова [3; 4].

Но являлись ли именно научные труды важнейшей частью наследия А. В. Мишулина? Представ-

ляется необходимым рассмотреть его научно-организационную деятельность, которая пришлась на период становления советской науки о древности, а также показать роль А. В. Мишулина в развитии изучения и преподавания истории Древнего мира в Москве. Архивные материалы по теме сосредоточены преимущественно в Архиве РАН в Москве. Наибольшее значение имеют фонд 1577 (Институт истории АН СССР) и фонд 457 (Отделение истории и философии АН СССР). В этих фондах содержатся отчетные материалы академических институций, служебная переписка, стенограммы заседаний. Материалы о деятельности А. В. Мишулина во главе Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) сосредоточены в фонде 606 Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Мемуарной литературы по рассматриваемому разделу истории науки крайне мало. Некоторый интерес представляют мемуары Л. А. Ельницкого (достаточно субъективные) [5], а также воспоминания И. Л. Маяк, в которых Н. А. Машкин, ученый, противопоставляется А. В. Мишулину, партаппаратчику¹.

Основная часть

В первой половине 1930-х гг. Москва не была значительным центром изучения древней истории, уступая по всем параметрам Ленинграду, и основные научные силы были сосредоточены именно в Северной Пальмире, превратившейся в город трех революций. В Коммунистической академии (Комакадемии), руководство которой находилось в Москве, изучение древней истории к середине 1930-х гг. было прекращено [6]. Московское отде-

ление Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) не было влиятельным, из заметных специалистов по истории Древнего мира в него входил только сам А. В. Мишулин, которому приезжавшее время от времени из Ленинграда руководство ГАИМК устраивало жесткие разносы [5, с. 59]. Основание исторического факультета Московского государственного университета (МГУ) в 1934 г. несколько оживило картину московского

¹Маяк И. Л. Воспоминания об Абраме Борисовиче Рановиче и советском антиковедении его времени [Видеозапись] // Научное наследие А. Б. Рановича: к 130-летию со дня рождения ученого : конф. Центра эллинист. исслед. Ун-та Д. Пожарского (Москва, 17–18 дек. 2015 г.). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nStf-r4u67w> (дата обращения: 15.11.2020).

антиковедения, но специалистов решительно не хватало. По всем параметрам соответствующая кафедра Ленинградского государственного университета выглядела солиднее.

Перевод Президиума АН СССР из Ленинграда в Москву в 1934 г. вначале также мало повлиял на изучение древней истории, поскольку все академики-древники (С. А. Жебелёв, А. И. Тюменев и избранный в 1935 г. В. В. Струве) проживали в Ленинграде. Основание Института истории АН СССР в феврале 1936 г. в Москве (с отделением в Ленинграде) [7, с. 219–220] картины также не изменило: сектор древней истории базировался в Ленинграде, и возглавлявший его В. В. Струве раз в месяц приезжал в Москву для руководства немногочисленными сотрудниками, по большей части «договорниками» [8, с. 1023–1024]. Подобное положение, с точки зрения власти, было вполне естественным: древняя история не являлась «актуальной» дисциплиной и вполне могла разрабатываться вне столицы.

«Провинциальность» московской древней истории контрастировала со столичными функциями Москвы, резко усиленными социалистической гиперцентрализацией. Близость (хотя бы географическая) к центру власти была очевидным (но и небезопасным) преимуществом московских историков. И административным, и «мозговым» центром издания школьных учебников и масштабного труда «Всемирная история», составной частью которого был планируемый шеститомник по древней истории, стала именно Москва. Издание в столице журнала «Вестник древней истории», безусловно, повысило значение московского центра изучения древней истории, хотя в довоенные годы большинство статей были присланы из Ленинграда.

Во всех этих проектах А. В. Мишулин играл важную роль. Со времени основания исторического факультета МГУ в 1934 г. он работал там профессором, а с 1935 г. возглавил кафедру истории Древнего мира в Московском государственном педагогическом институте имени Карла Либкнехта. Вот что говорил об этом его ученик, известный историк древности В. Н. Дьяков: «А. В. [Мишулин] был заведующим кафедрой истории Древнего мира и, по существу, организатором кафедры в этом институте. Он стал работать там с 1935 г. ... Он отдавал ему сил, пожалуй, больше, чем даже университету, в котором он был профессором, но в котором он вел только семинарские занятия, тогда как в институте он читал основной курс и, по существу, был основным нашим руководителем и в области научной рабо-

ты. А. В. [Мишулин]... первый и создал аспирантуру тогда в Москве. Первые аспиранты, которые появились по кафедре древней истории, это были аспиранты, им собранные, и как раз при Институте им. Либкнехта»².

После ареста близкого к Сталину А. С. Сванидзе А. В. Мишулин с декабря 1937 г. возглавил «Вестник древней истории», вначале в роли исполняющего обязанности редактора, а потом и редактора (т.е. главного редактора) первого специализированного исторического журнала в СССР [9; 10]. Вот что написано об этом в сохранившемся в Архиве РАН черновом варианте некролога А. В. Мишулина³: «...он принимает деятельное участие в организации журнала “Вестник древней истории”, с конца 1937 года становится ответственным его редактором и дает журналу то направление, какое он сохраняет до настоящего времени. По мнению А. В. [Мишулина], это должен быть научный журнал, печатающий специализированные исследования по древней истории, имеющие научную актуальность. Древняя история, по мысли организаторов журнала, не ограничивается лишь Древним Востоком и античностью, в журнале печатаются статьи и по древней истории СССР, большое внимание уделяет журнал и вопросам археологии; специальный раздел критики и библиографии знакомит читателей с новыми трудами по древней истории, появляющимися у нас и за рубежом; в приложениях к журналу печатаются переводы античных авторов. Каждый номер начинается с передовой статьи, мобилизующей советских ученых на разрешение той или иной актуальной задачи в области истории древнего мира... Самим А. В. Мишулиным было написано много передовых статей, другие статьи писались его заместителем и ближайшим соратником А. Б. Рановичем»⁴.

Перед Институтом истории АН СССР была поставлена задача написания многотомников «История СССР» и «Всемирная история», и по этим проектам Академия наук СССР должна была отчитываться перед Совнаркомом [8, с. 1015]. А. В. Мишулину было поручено курировать написание томов по древности для издания «Всемирная история»: «В 1938 г. А. В. Мишулин назначается заведующим сектором древней истории Института истории АН СССР. До этого главная работа протекала в Ленинграде»⁵. А. В. [Мишулин] создает работоспособный коллектив в Москве. Все внимание московских и ленинградских историков направляется на подготовку “Всемирной истории”...»⁶ А. В. Мишулин впервые появляется в явочном листе членов ученого совета

²Выдержка из стенограммы заседания ученого совета Института истории АН СССР 25 декабря 1948 г., посвященного памяти А. В. Мишулина (Арх. РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 198. Л. 35–36).

³Арх. РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 198. Л. 55–73. Черновой вариант содержит много существенных деталей, которых нет в опубликованном некрологе [11].

⁴Там же. Л. 66–67.

⁵Предложение в документе зачеркнуто.

⁶Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 198. Л. 67.

Института истории АН СССР от 19 июля 1938 г.⁷ Сектор первоначально состоял из заведующего (Мишулин) и пяти сотрудников (Ранович, Сергеев, Машкин, Зельин, Протасова), к которым в 1940 г. добавился Авдиев. Это небольшое подразделение, составлявшее только около 4 % сотрудников института, значительно уступало по численности, к примеру, ленинградскому сектору Древнего Причерноморья Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра АН СССР (ИИМК), который состоял из 13 сотрудников (11 научных, 2 научно-технических) во главе с академиком С. А. Жебелёвым⁸.

При этом сектор древней истории отвечал и за научную работу, и за издание специализированного научного журнала по истории древности. К 1940 г. А. В. Мишулину удалось, наконец, сделать редакционный процесс по подготовке «Вестника древней истории» частью академического плана: «Работа нашего сектора не может быть отделена от другой работы... Это работа по подготовке очередных номеров журнала “Вестник древней истории”. Здесь приходится вести большую работу и поскольку “Вестник древней истории” стал теперь органом Института истории Академии наук...»⁹

А. В. Мишулин возглавлял сектор древней истории в 1938–1940 и 1943–1948 гг. Согласно сохранившемуся в Архиве РАН списку сотрудников Института истории АН СССР, имеющих совместительство, А. В. Мишулин, помимо Института истории АН СССР, работал в МГУ, Московском государственном педагогическом институте имени Карла Либкнехта и исполнял обязанности (главного) редактора журнала «Вестник древней истории». Его совокупная зарплата в декабре 1939 г. составляла 3100 руб., в мае 1940 г. – 2700 руб.¹⁰ В 1940 г. он временно отошел от заведования сектором древней истории, поскольку получил сталинскую стипендию для подготовки докторской диссертации¹¹. После этого А. В. Мишулин сосредоточивается на партийной работе в отделе науки ЦК ВКП(б) и написании диссертации; он поддерживает кандидатуру академика С. А. Жебелёва на должность руководителя сектора древней истории. Сотрудничество ленинградского академика и московского партийно-научного функционера оказалось удачным: это было время совместной и достаточно эффективной работы московских и ленинградских ученых над сводным трудом «Всемирная история» [8, с. 1030–1031].

Большой резонанс среди советских историков вызвала статья А. В. Мишулина «На историческом фронте», опубликованная в середине ноября 1940 г. в газете «Правда» – органе правящей партии¹². Особенно бурная реакция последовала от ленинградских академиков А. И. Тюменева и В. В. Струве, которые в конце ноября 1940 г. на сессии Отделения истории и философии АН СССР вступили в острую дискуссию с автором статьи¹³.

После начала Великой Отечественной войны А. В. Мишулин на заседании кафедры истории Древнего мира МГУ выступает с докладом о скифской военной тактике, разоблачает фашистскую пропаганду, идеализирующую древних германцев, печатает статьи о древних славянах. Вскоре он был эвакуирован сначала в Ашхабад, затем в Свердловск. Условия работы в эвакуации были непростыми: «Зиму 1942–43 г. А. В. [Мишулин] провел в Свердловске. Вместе с семьей он занимал небольшую комнату, бедно меблированную, так что писать ему приходилось, сидя на кровати и разложив рукописи и книги на чемодане»¹⁴. Тем не менее, несмотря на трудности военного времени, А. В. Мишулину удалось дописать и в срок представить докторскую диссертацию, посвященную истории доримской Испании [4].

Резолюция Института истории АН СССР прошла в мае 1943 г., летом 1943 г. институт стал активно функционировать [12, с. 137–138], а 8 июля 1943 г. состоялась защита докторской диссертации А. В. Мишулина «Античная Испания и ее вступление в борьбу за независимость», которая стала событием в научной жизни: «На диспут А. В. [Мишулина] собрались все московские историки, интересующиеся античностью»¹⁵ [4, с. 299–300, 305–307]. Согласно протоколу заседания ученого совета Института истории АН СССР было принято решение «утвердить тов. Мишулина Александра Васильевича в ученой степени доктора исторических наук»¹⁶. После защиты докторской диссертации А. В. Мишулин был вновь назначен заведующим сектором древней истории, которым оставался вплоть до своей смерти в 1948 г.

Одновременно с октября 1943 по сентябрь 1945 г. А. В. Мишулин был заместителем директора Института истории материальной культуры АН СССР. «Деятельное участие принял он в археологическом совещании, происходившем в начале 1945 г.»¹⁷. Его

⁷ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 2. Л. 24.

⁸ Там же. Ф. 457. Оп. 1-1939. Д. 25. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 8.

¹⁰ Там же. Оп. 1-1940. Д. 46. Л. 2–4, 5–7, 163–164. А. В. Мишулин не был исключением: все сотрудники возглавляемого им сектора работали в двух-трех местах.

¹¹ Там же. Д. 198. Л. 67.

¹² Мишулин А. В. На историческом фронте // Правда. 1940. 15 нояб. (№ 317). С. 3.

¹³ Арх. РАН. Ф. 457. Оп. 1-1940. Д. 33.

¹⁴ Там же. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 198. Л. 68–69.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Д. 65. Л. 38. «За» проголосовали 15 человек, «против» голосов не было, воздержался 1 член ученого совета.

¹⁷ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 198. Л. 72.

энергичная работа способствовала переводу дирекции института из Ленинграда в Москву [13]. Известный советский археолог В. Д. Блаватский подчеркивал значение деятельности А. В. Мишулина как для московских археологов, так и для советской археологической науки в целом: «Только его энергии обязано существование античного сектора в системе нынешнего Института истории материальной культуры. Но особенно значительно... это деятельность его в создании Всесоюзного археологического совещания... Это был еще 1944 г. – разгар войны...»¹⁸ Следует отметить, что А. В. Мишулин принял активное участие в разработке закона СССР об охране памятников.

В 1940-х гг. А. В. Мишулин был видным партийным функционером, работал в отделе науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б). Неслучайно именно на него, профессионального историка, была возложена ответственность за подготовку Всесоюзного археологического совещания 1945 г. Вскоре после этого он получил назначение на руководящую должность в сфере партийного образования: «С мая 1944 г. до августа 1946 г. А. В. [Мишулин] был на руководящей работе в аппарате ЦК ВКП(б), а с августа 1946 г. до августа 1948 [г.] состоял ректором Академии общественных наук при ЦК ВКП(б)»¹⁹.

Деятельность А. В. Мишулина на посту ректора Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) в 1946–1948 гг. стала логичным продолжением его работы и в Академии наук СССР, и в аппарате ЦК ВКП(б). Вот что он говорил на общем собрании профессоров, преподавателей и аспирантов Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) 4 ноября 1946 г.: «...наше учреждение не обычного типа, мы

имеем Академию общественных наук как учреждение учебно-научное, где задачи учебные все время должны находиться вместе с задачами научными»²⁰. По образцу университетов и академических учреждений в Академии общественных наук им была создана система кафедр и кабинетов с научными сотрудниками²¹, а для работы в ней были привлечены ведущие ученые из Академии наук СССР. Так, согласно приказу по Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) от 15 октября 1946 г. заместителями заведующих кафедрами были назначены: по кафедре истории международных отношений – Н. Л. Рубинштейн, по кафедре всеобщей истории – Б. Ф. Поршнев, по кафедре истории СССР – П. М. Федосов, по кафедре теории и истории искусств – Г. А. Недошивин²². Приказом от 17 октября 1946 г. членами кафедр были утверждены: по кафедре истории СССР – С. В. Бахрушин, А. М. Панкратова, И. И. Минц, В. И. Пичета, М. В. Нечкина, А. Д. Сидоров, П. Н. Третьяков; по кафедре всеобщей истории – В. П. Волгин, Е. А. Косминский, С. Д. Сказкин, Ф. В. Потемкин, Л. И. Зубок, С. В. Захаров²³. Зачисление в Академию общественных наук видных ученых-историков продолжалось и впоследствии: приказом от 21 декабря 1946 г. были зачислены А. И. Шнеерсон, Э. Н. Бурджалов, С. К. Бушуев²⁴. Таким образом, А. В. Мишулин стремился создать учебно-научное учреждение, по своему уровню способное конкурировать и с институтами АН СССР, и с университетами.

В июле 1948 г. А. В. Мишулин лег в больницу, было начато оформление персональной пенсии²⁵, а 19 сентября он умер от рака легких. «Лишь несколько дней перед смертью Александр Васильевич не работал» [11, с. 139].

Заключение

А. В. Мишулин – ученый и представитель партийно-научной номенклатуры, сформировавшейся в СССР к 1940-м гг.: он работал и в Академии наук СССР, и в различных высших учебных заведениях, и в отделе науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б). Несомненно, А. В. Мишулин сыграл важнейшую роль в становлении и развитии советской исследовательской традиции изучения истории Древнего мира и античной археологии, а также в организационных преобразованиях в этих сферах в 1930–40-х гг. Празднование 10-летия возглавляемого А. В. Мишулиным журнала «Вестник древней

истории» в декабре 1947 г. стало, по сути, первой общесоюзной конференцией советских историков древности²⁶. Собравшиеся «тепло приветствовали редколлегию журнала, ответственного редактора А. В. Мишулина и его заместителя проф. А. Б. Рановича, несменно и плодотворно работающих по изданию журнала» [14, с. 182].

Трудно переоценить роль А. В. Мишулина в формировании московского центра изучения древней истории. В результате к середине XX в. московские антиковеды стали доминировать среди своих коллег в Советском Союзе. Значение деятельности А. В. Ми-

¹⁸Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 198. Л. 43.

¹⁹Там же. Л. 72.

²⁰Рос. гос. арх. соц.-полит. истории. Ф. 606. Оп. 1. Д. 86. Л. 3.

²¹Там же. Д. 2. Л. 9.

²²Там же. Л. 23.

²³Там же. Л. 26–27.

²⁴Там же. Л. 78–79.

²⁵Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 10249. Д. 3778.

²⁶На нем присутствовали представители научной общественности, ведущих научных журналов по истории, археологии и этнографии. БГУ представлял Ф. М. Нечай [14].

шулина в утверждении «советского классицизма» в школьном образовании (введение преподавания латинского языка в школах) и архитектуре (он был ректором Академии общественных наук в период

строительства классицистического ансамбля зданий академии (ныне – Российский государственный гуманитарный университет)) весьма велико, и для ее оценки потребуются новые архивные изыскания.

Библиографические ссылки

1. К 10-летию со дня смерти А. В. Мишулина. *Вестник древней истории*. 1958;4:170–171.
2. Кузищин В.И. Спартака восстание. В: Жуков ЕМ, главный редактор. *Советская историческая энциклопедия. Том 13. Славяноведение – Ся Чэн*. Москва: Советская энциклопедия; 1971. с. 737–740.
3. Крих СБ. А. В. Мишулин и его Спартак. *Вестник древней истории*. 2015;1:178–189.
4. Скворцов АМ. Из истории развития советской исторической науки в 1930-е – 1940-е годы: защита докторской диссертации А. В. Мишулиным. *Научный диалог*. 2019;2:296–310. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-296-310.
5. Ельницкий ЛА. Три круга воспоминаний. *На паперти храма науки*. Москва: Аграф; 2014. 368 с.
6. Иванова АВ, Карпюк СГ. Обреченный проект: Институт истории Коммунистической академии и его наследие. *История* [Интернет]. 2020 [процитировано 15 ноября 2020 г.];11(1). Доступно по: <https://history.jes.su/s207987840008183-0-1/>.
7. Есаков ВД, составитель. *Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991. Том 1. 1922–1952*. Москва: РОССПЭН; 2000. 591 с.
8. Карпюк СГ, Крих СБ. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: поиски управленческой модели. *Вестник древней истории*. 2018;78(4):1011–1031. DOI: 10.31857/S032103910002917-1.
9. Павловская АИ. Первые десятилетия издания «Вестника древней истории». *Вестник древней истории*. 1998;1:6–21.
10. Карпюк СГ. «Вестник древней истории»: начало. *Вестник древней истории*. 2017;77(3):769–777.
11. Профессор Александр Васильевич Мишулин (1901–1948). *Вестник древней истории*. 1948;4:135–142.
12. Карпюк СГ. Институт истории АН СССР в 1941–1943 годах. Документальные свидетельства. *Новая и новейшая история*. 2020;5:128–139. DOI: 10.31857/S013038640011366-0.
13. Карпюк СГ. ИИМК в Москве, 1943–1945 гг. *Российская археология*. 2019;3:115–121.
14. 10 лет журнала ВДИ. *Вестник древней истории*. 1948;2:181–182.

References

1. [To the 10th anniversary of A. V. Mishulin's death]. *Vestnik drevnei istorii*. 1958;4:170–171. Russian.
2. Kuzishchin VI. [Spartacus' uprising]. In: Zhukov EM, chief editor. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya. Tom 13. Slavyanovedenie – Sya Chen* [Soviet historical encyclopedia. Volume 13. Slavic studies – Xia Cheng]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1971. p. 737–740. Russian.
3. Krikh SB. A. V. Mishulin and his Spartacus. *Vestnik drevnei istorii*. 2015;1:178–189. Russian.
4. Skvortsov AM. On history of Soviet historical science development in 1930–1940-ies: A. V. Mishulin's doctoral thesis defence. *Nauchnyi dialog*. 2019;2:296–310. Russian. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-296-310.
5. El'nitskii LA. *Tri kruga vospominanii. Na paperti khrama nauki* [Three circles of memories. At the doors of science]. Moscow: Agraph; 2014. 368 p. Russian.
6. Ivanova AV, Karpyuk SG. [Doomed project: Institute of History of the Communist Academy and its heritage]. *Istoriya* [Internet]. 2020 [cited 2020 November 15];11(1). Available from: <https://history.jes.su/s207987840008183-0-1/>. Russian.
7. Esakov VD, editor. *Akademiya nauk v resheniyakh Politbyuro TsK RKP(b) – VKP(b) – KPSS. 1922–1991. Tom 1. 1922–1952* [Academy of Sciences of the USSR in decisions of the Politbureau of the Central Committee of the RCP(b) – CPSU(b) – CPSU. 1922–1991. Volume 1. 1922–1952]. Moscow: ROSSPEN; 2000. 591 p. Russian.
8. Karpyuk SG, Krikh SB. Work on «The World History» before World War II: searching for a management model. *Vestnik drevnei istorii*. 2018;78(4):1011–1031. Russian. DOI: 10.31857/S032103910002917-1.
9. Pavlovskaya AI. The first decades of the publication of «The Journal of Ancient History» (VDI). *Vestnik drevnei istorii*. 1998;1:6–21. Russian.
10. Karpyuk SG. «Vestnik drevnei istorii»: the beginning. *Vestnik drevnei istorii*. 2017;77(3):769–777. Russian.
11. [Professor Aleksandr Vasilyevich Mishulin (1901–1948)]. *Vestnik drevnei istorii*. 1948;4:135–142. Russian.
12. Karpyuk SG. Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR in 1941–1943. Documentary evidences. *Novaya i noveishaya istoriya*. 2020;5:128–139. Russian. DOI: 10.31857/S013038640011366-0.
13. Karpyuk SG. The Institute for the History of Material Culture in Moscow, 1943–1945. *Rossiiskaya arkheologiya*. 2019;3:115–121. Russian.
14. [10 years of VDI journal]. *Vestnik drevnei istorii*. 1948;2:181–182. Russian.

Статья поступила в редакцию 27.02.2021.
Received by editorial board 27.02.2021.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

КРЫНІЦАЗНАЎСТВА

SOURCE STUDIES

УДК [929.651+94](476)«1918/1919»

ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА НА ПЕЧАТЯХ ДОКУМЕНТОВ 1918–1919 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА 805 НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

А. А. ЛУКАШОВ¹⁾

¹⁾Барановичский государственный университет, ул. Войкова, 21,
225404, г. Барановичи, Брестская обл., Беларусь

Революционные события 1918–1919 гг. на территории Беларуси, процесс создания белорусской государственности в новейшей истории требуют комплексного, в том числе сфрагистического, исследования. В частности, актуальной проблемой является формирование советской символики в этот период. Разработка символов первых в мире социалистических государств нашла свое отражение на печатях, которые создавались и использовались в этот период. Анализ содержания оттисков печатей, хранящихся в фонде 805 Национального архива Республики Беларусь, позволил выявить факт применения местными властями печатей с символикой государственных образований, которые к моменту подписания документа исчезли и признавались идеологически враждебными коммунистам.

Ключевые слова: сфрагистика; события 1918–1919 гг. в Беларуси; документы Национального архива Республики Беларусь; источники по истории Беларуси; государственно-политическая символика 1918–1919 гг.

Образец цитирования:

Лукашоў АА. Дзяржаўна-палітычная сімволіка на пячатках дакументаў 1918–1919 гг. (па матэрыялах фонду 805 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь). *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2021;2: 91–97.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-91-97>

For citation:

Lukashov AA. State and political symbols on the seals of documents of 1918–1919 (based on materials from fund 805 of the National Archives of the Republic of Belarus). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;2:91–97. Belarusian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-91-97>

Автор:

Андрей Алексеевич Лукашов – кандидат исторических наук; старший преподаватель кафедры педагогики и социально-гуманитарных дисциплин факультета педагогики и психологии.

Author:

Andrei A. Lukashov, PhD (history); senior lecturer at the department of pedagogy and social and humanitarian disciplines, faculty of pedagogy and psychology.
lukashov@tut.by

ДЗЯРЖАЎНА-ПАЛІТЫЧНАЯ СІМВОЛІКА НА ПЯЧАТКАХ ДАКУМЕНТАЎ 1918–1919 гг. (ПА МАТЭРЫЯЛАХ ФОНДУ 805 НАЦЫЯНАЛЬНАГА АРХІВА РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ)

А. А. ЛУКАШОЎ^{1*}

^{1*}Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Войкава, 21, 225404, г. Баранавічы, Брэсцкая вобл., Беларусь

Рэвалюцыйныя падзеі 1918–1919 гг. на тэрыторыі Беларусі, працэс стварэння беларускай дзяржаўнасці ў на-
вейшай гісторыі патрабуюць усебаковага, у тым ліку сфрагістычнага, даследавання. У прыватнасці, актуальным
пытаннем з’яўляецца фарміраванне савецкай сімволікі ў дадзены перыяд. Распрацоўка сімвалаў першых у све-
це сацыялістычных дзяржаў знайшла сваё адлюстраванне на пячатках, якія ствараліся і выкарыстоўваліся ў гэты
перыяд. Аналіз зместу адбіткаў пячатак, якія захаваліся ў фондзе 805 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь,
дазволіў выявіць факт выкарыстання мясцовымі ўладамі пячатак з сімваламі дзяржаўных утварэнняў, якія на мо-
мент падпісання дакументаў зніклі і прызнаваліся ідэалагічна варожымі камуністам.

Ключавыя словы: сфрагістыка; падзеі 1918–1919 гг. у Беларусі; дакументы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Бела-
русь; крыніцы па гісторыі Беларусі; дзяржаўна-палітычная сімволіка 1918–1919 гг.

STATE AND POLITICAL SYMBOLS ON THE SEALS OF DOCUMENTS OF 1918–1919 (BASED ON MATERIALS FROM FUND 805 OF THE NATIONAL ARCHIVES OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

A. A. LUKASHOV^a

^aBaranavichy State University, 21 Vojkava Street, Baranavichy 225404, Brest Region, Belarus

Revolutionary events 1918–1919 on the territory of Belarus, the creation of the Belarusian statehood of newest history
require comprehensive, including the sphragistical, research. In particular, a special study requires the role of this period in
the formation of Soviet symbols. The process of creating the symbols of the world’s first socialist states was reflected in the
seals created and used during this period. An analysis of the content of the imprints of the seals in the 805 National Archive
of the Republic of Belarus fund revealed the use of seals by local authorities with symbols of state formations that had
disappeared at moment of use and were the ideological enemies of the Communists.

Keywords: sphragistics; events of 1918–1919 in Belarus; National Archive of the Republic of Belarus documents; sources
on the history of Belarus; state and political symbols of 1918–1919.

Уводзіны

У Беларусі пытанні сфрагістыкі як спецыяльнай
гістарычнай дысцыпліны ў дачыненні да айчы-
най гісторыі распрацоўваліся А. К. Цітовым, С. Я. Ра-
сэдзіным, М. Белямуком, І. Н. Колабавай, К. Р. Кар-
пекіным, А. І. Шаландам і інш. Асноўную ўвагу
даследчыкі надавалі вывучэнню пячатак перыяду
Сярэднявекі і Новага часу. У прыватнасці, да-
следавалася паходжанне герба «Пагоня», а таксама
іншых сімвалаў ВКЛ і яго частак [1–4]. Гэта натураль-
на, паколькі дадзеныя гістарычныя праблемы адно-
сяцца да найбольш актуальных і слаба вывучаных.

Пытаннем сфрагістыкі першай паловы XX ст.,
навейшай гісторыі ў цэлым надавалася значна
менш увагі. У якасці прыкладу можна прывесці
абагульняющую працу, прысвечаную сфрагістыцы
Беларусі за ўвесь перыяд яе гісторыі, дзе пячаткам,

якія ўжываліся ў першай палове XX ст., адводзілася
ўсяго некалькі апошніх старонак кнігі [5]. Адзін
з самых аўтарытэтных даследчыкаў беларускіх
пячатак А. К. Цітоў прапанаваў наступную перыя-
дызацыю помнікаў сфрагістыкі: старажытны пе-
рыяд (X–XIII стст.), велікакняжацкі перыяд (канец
XIII – XVII ст.), перыяд позняй Рэчы Паспалітай
(XVIII ст.), перыяд Расійскай імперыі (апошняя
чвэрць XVIII ст. – 1917 г.). Распавядаючы пра апошні
перыяд, аўтар у некалькіх радках згадвае 1917 г.
як дату, з якой пачаўся «новы этап у беларускай
сфрагістыцы, дзе галоўнымі перыядамі будуць да-
ваенны і пасляваенны» [6, с. 11–18].

Пэўную цікавасць уяўляе нарыс А. М. Сідарэвіча,
прысвечаны апісанню сімволікі пячаткі, якой была
замацавана Першая Устаўная грамата БНР. Аўтар

адзначае малавядомы факт: сімвалам гэтай пячаткі была не «Пагоня», а выява касы і грабель, накладзеных на сноп каласоў [7].

Зусім нядаўна выйшла пяцітомная фундаментальная праца па гісторыі беларускай дзяржаўнасці [8]. У ёй прадстаўлены выявы пячатак з дзяржаўнымі гербамі ССРБ і Літбела.

Пытанні сфрагістыкі 1918–1919 гг. маюць вялікае значэнне для разумення гісторыі фарміравання дзяржаўных сімвалаў Беларусі навейшага часу, паколькі ва ўмовах рэвалюцыйных пераўтварэнняў важным носьбітам палітычнай сімволікі і сродкам ідэалагічнага процістаяння былі выявы на пячатах.

Вынікі і іх абмеркаванне

У Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь (НАРБ) у фондзе 805 захоўваецца 12 спраў Мінскага раённага камісарыята харчавання Заходняй вобласці, пераўтворанага 5 студзеня 1919 г. у Камісарыят харчавання Часовага рабоча-сялянскага саветаўскага ўрада Беларусі. Гэта дзяржаўная ўстанова ва ўмовах харчовага крызісу была адной з найважнейшых структур бальшавіцкага ўрада. Увесь даследуемы перыяд дадзеную структуру ўзначальваў М. І. Калмановіч. Фонд 805 уключае дакументы 1918–1919 гг. агульным аб'ёмам 667 старонак. Сюды ўваходзяць павесткі, інструкцыйныя лісты, цыркуляры, хадаініцтвы, пасведчанні, пропускі, рэзалюцыі, запыты, вопісы і інш. На многіх з іх стаяць адбіткі пячатак (матрыц пячатак). Сфрагістыка вывучае і самі матрыцы, але ў дадзеным даследаванні гаворка пойдзе толькі пра адбіткі, створаныя тушшу або чарніламі шляхам прыкладання матрыц да паперы. Паводле зместу выявы пячаткі можна падзяліць на літарныя і гербавыя (ці эмблемавыя, калі ўлічваць, што класічны герб павінен адпавядаць правілам геральдыкі). Пры гэтым трэба мець на ўвазе, што частка сімвалаў на гэтых пячатах не была афіцыйна зацверджана ў якасці гербаў (ці эмблем). Усяго на дакументах фонду налічваецца 190 адбіткаў пячатак. На 113 з іх можна бачыць толькі тэкст, на астатніх 77 змешчаны сімвалы, якія і з'яўляюцца прадметам дадзенага даследавання. Аб'ект даследавання – дакументы фонду 805 НАРБ. Абсалютная большасць пячатак круглыя, толькі адна з іх мае трохвугольную і адна – шасцівугольную форму. Памер усіх адбіткаў гэтага фонду можна ацаніць як стандартны (круглыя пячаткі дыяметрам 3–5 см, пячаткі іншых форм – 3–5 см у вышыню і шырыню).

Большасць дакументаў створаны на пісчэй паперы, часта ў клетку ці лінейку. У некаторых выпадках выкарыстана някакая папера, падобная да абгортачнай. Часам ужыты спецыяльныя афіцыйныя

ках. Можна сказаць, што палітычная і ідэалагічная барацьба заўсёды суправаджаецца змаганнем сімвалаў. Роля выяў на пячатах стала яшчэ больш істотнай у сітуацыі, калі гаспадарка была разбурана ваеннымі дзеяннямі, а большая частка насельніцтва жыла ў галечы, што паўплывала на традыцыйныя сродкі ідэалагічнай прапаганды. Да таго ж умовы ваеннага часу патрабавалі рэгламентацыі перамяшчэння, спажывання і ўсяго ладу жыцця цывільнага насельніцтва, у сувязі з чым значна вырасла яго патрэба ў пропусках і іншых дакументах, якія выдавалі мясцовыя ўлады і на якіх змяшчаліся адбіткі пячатак.

Бланкі, на якіх указана назва арганізацыі, з якой паходзіць дакумент, і яе прыналежнасць таму ці іншаму ведамству. Тэкст як легенды пячатак, так і саміх дакументаў напісаны на рускай мове ў адпаведнасці з правіламі дарэвалюцыйнай арфаграфіі. У тэксце многіх дакументаў сустракаюцца граматычныя памылкі. Ёсць яны і на адбітках пячатак. Для надпісаў на пячатах, у тым ліку і дэвіза камуністаў «Пралетарыі ўсіх краін, яднайцеся!», характэрныя адвольныя скарачэнні. На тых дакументах, якія створаны не на спецыяльных бланках, а на простае пісчэй паперы, стаяць штампы, змест якіх таксама ўяўляе цікавасць для сфрагістычных даследаванняў. На многіх дакументах прыводзяцца даты, але ні ў адным выпадку не ўдакладняецца, старому ці новаму стылю летазлічэння яны адпавядаюць. У шэрагу выпадкаў невысокая якасць адбіткаў перашкаджае чытанню дэталей.

Перыяд 1918–1919 гг. характарызуецца вострай палітычнай барацьбой, звязанай з сацыяльнымі і нацыянальнымі супярэчнасцямі. На тэрыторыі Беларусі ў гэты перыяд уладныя функцыі адначасова рэалізавалі некалькі дзяржаў, адбывалася замена капіталістычнай грамадска-эканамічнай фармацыі на сацыялістычную. І ўсё гэта адлюстроўвалася на дзяржаўна-палітычнай сімволіцы пячатак дадзенага перыяду, якія ставіліся на дакументы. Таму яе можна класіфікаваць паводле прыналежнасці да той ці іншай ідэалогіі: 1) сімволіка Расійскай імперыі; 2) сімволіка Часовага ўрада Расіі; 3) сімволіка саветскай, камуністычнай (бальшавіцкай); 4) палітычна нейтральная. Да апошняй можна аднесці і сімвалы з маларазумелым значэннем.

Да першай групы належаць сем адбіткаў пячатак, на якіх выяўлены сімвалы царскай Расіі, ці, дакладней, гербы яе губерняў, – контур кароны над геральдычным шчытом «французскай» формы¹.

Усе яны, акрамя апошняга, даюць адбітак выварат-

¹Пропуск // НАРБ. Ф. 805. Воп. 2. Спр. 4. Арк. 112 ; Пропуск // Там жа. Арк. 114 ; Пасведчанне // Там жа. Арк. 140 ; Пропуск // Там жа. Арк. 194 ; Пропуск // Там жа. Арк. 248 ; Пасведчанне // Там жа. Арк. 5 адв. ; Пасведчанне // Там жа. Воп. 1. Спр. 6. Арк. 1 адв.

кай. Выяву на геральдычным шчыце ні ў адным выпадку разгледзець немагчыма. Гэтыя сем адбіткаў, як можна па іх бачыць, належаць тром пячаткам: першыя пяць адбіткаў стаяць на пропусках, выдзеленых Выканаўчым камітэтам Савета рабочых дэпутатаў г. Барысава (аддзел харчавання) у лютым 1919 г.; шостая – Прусевіцкім валасным выканкамам Барысаўскага ўезда Мінскай губерні ў студзені 1919 г.; сёмая – Верхменскім выканкамам Ігуменскага ўезда Мінскай губерні. Такім чынам, пячаткі з царскай сімволікай выкарыстоўваліся і амаль праз два гады пасля звяржэння царскай улады і не ў самым аддаленым рэгіёне. Варта заўважыць, што на розныя дакументы разгледжанага фонду наклеена мноства паштовых марак, і фактычна ўсе яны з царскай сімволікай.

Да другой групы адносяцца тры адбіткі з дзяржаўнай сімволікай Часовага ўрада (двухгаловы арол без рэгалій)². Гэта хадайніцтва Цімковіцкага валаснога зямельнага камітэта, якія датуецца студзенем – лютым 1919 г. Яны належаць адной пячатцы, якая выкарыстоўвалася больш чым праз год і тры месяцы пасля звяржэння Часовага ўрада.

Большасць знойдзеных адбіткаў пячатак з трэцяй групы дакументаў змяшчаюць тыповую савецкую сімволіку, да якой адносяцца выявы прадметаў працы сялян і рабочых, прычым вылучаюцца выявы афіцыйна зацверджанай дзяржаўнай савецкай сімволікі, устойлівай з пункта гледжання зместу. Разам з тым яна характарызуецца пэўнай варыяцыйнасцю, што было, верагодна, абумоўлена навізнай гэтых сімвалаў і складанасцямі таго часу, выкліканымі рэвалюцыяй і інтэрвенцыяй. Да такой афіцыйна зацверджанай дзяржаўнай савецкай сімволікі адносіцца савецкі герб: серп і молат у абрамленні каласоў з надпісам: «Пралетарыі ўсіх краін, яднайцеся!» Гэтыя элементы пазней ляглі ў аснову герба ў СССР і ўсіх савецкіх сацыялістычных рэспублік. Другой разнавіднасцю афіцыйна зацверджанай сімволікі з'яўляецца выява молата і плуга ў цэнтры пяціканцовай зоркі. Гэты сімвал быў зацверджаны Народным камісарыятам па ваенных справах РСФСР у маі 1918 г. у якасці знака ваеннаслужачых Чырвонай арміі. У хуткім часе адносна складаная выява плуга была заменена на больш простую выяву сярпа з тым жа сэнсам (сімвал сялянскай працы) і ў пазнейшыя часы часта называлася неафіцыйна малым гербам СССР.

Усяго ў справах Мінскага раённага камісарыята харчавання Заходняй вобласці знойдзена 17 адбіткаў савецкага герба, якія належаць 13 пячаткам. Розныя пячаткі заўважна адрозніваюцца прамалёўкай дэталяў: відавочна, яны рабіліся майстрамі пячатак на аснове тэкставых апісанняў. На сямі з гэтых пя-

чатак серп і молат змешчаны на картушы рознай формы, як гэта прынята ў класічнай геральдыцы. У астатніх нічога падобнага на картуш ці геральдычны шчыт заўважыць не ўдалося. Найбольш арыгінальным з выяўленых адбіткаў савецкіх пячатак трэба лічыць той, які змешчаны на адваротным баку пасведчання, выпісанага 14 красавіка 1919 г. Гомельскім павятовым харчовым камітэтам. Легенда адбітка гэтай пячаткі чытаецца не цалкам, але добра бачна, што на месцы дэвіза «Пралетарыі ўсіх краін, яднайцеся!» размешчана абрэвіатура РСФСР³. Гэта адзіны прыклад, калі на месцы дэвіза камуністаў прыводзілася назва дзяржавы, што можа быць звязана з тым, што звычайна фраза з некалькіх слоў на адбітках усё роўна дрэнна чытаецца, таму, верагодна, вырашылі замяніць яе на кароткую абрэвіатуру. У некаторых выпадках каласы абавал сярпа і молата больш нагадваюць галінкі (але веданне сацыялістычнай сімволікі не дазваляе думаць, што гэта можа быць штосьці іншае, акрамя каласоў). З'яўленне такой выявы таксама можна патлумачыць цяжкасцю выражання на пячатках дробных дэталяў. Яшчэ адзін унікальны варыянт савецкага герба змешчаны на пячатцы Стара-Талочынскага валаснога харчовага камітэта Савета сялянскіх, рабочых і чырвонаармейскіх дэпутатаў⁴. Унікальнасць гэтай выявы заключаецца ў тым, што ў яе верхняй частцы ў форме круга паказана сонца, а лініі, якія ад яго разыходзяцца, сімвалізуюць промні. Выява дадзенай пячаткі зроблена вывараткай (адзіная сярод выяў з савецкім гербам у фондзе). Варта адзначыць, што гербы СССР, РСФСР і БССР мелі выяву сонца, але яно падавалася ў выглядзе паўкруга і змяшчалася ў ніжняй частцы, а промні былі накіраваны ўверх. Яшчэ адным элементам герба СССР і БССР была пяціканцовая зорка, але на 13 пячатках з гэтай групы яна адсутнічае (на гербе РСФСР пяціканцовая зорка з'явілася толькі ў 1978 г.).

Змест некаторых дакументаў дазваляе зразумець працэс фарміравання сімволікі новастворанай ССРБ. У фондзе 805 НАРБ захоўваецца інструкцыйны ліст ад упраўляючага справамі Часовага рабоча-сялянскага савецкага ўрада ў аддзел гарадскога харчовага забеспячэння. У гэтым лісце апісваецца выгляд, які павінна мець афіцыйная папера структур Урада ССРБ, у прыватнасці, прыводзіцца «форма печати для сведения и исполнения». На штампі ўказана дата атрымання: 10 студзеня 1919 г. У ніжнім левым кутку ад рукі алоўкам намаляваны схематычны эскіз пячаткі, на якім можна бачыць легенду па знешнім крузе: «Временное рабоче-крестьянское правительство Белоруссии»; легенду па ўнутраным крузе: «Комиссариат по... [неразборліва] делам». У цэнтры схематычнага эскіза пячаткі напісана:

²Хадайніцтва // Ф. 805. Воп. 2. Спр. 4. Арк. 95 ; Хадайніцтва // Там жа. Арк. 151 ; Хадайніцтва // Там жа. Арк. 264.

³Пасведчання // Там жа. Арк. 127 адв.

⁴Пасведчання // Там жа. Арк. 227.

«Здесь должен быть герб Советской России». З боку схемы машынапісным тэкстам дададзена: «Если здесь не делают герб, то оставить маленький пустой кружок»⁵. Гэта з'яўляецца сведчаннем таго, што герб ССРБ павінен быў цалкам паўтараць герб РСФСР і бальшавікі пры праектаванні першых гербаў не ставілі задачы паказаць адметнасць краіны і ўвогуле распрацоўвалі такую сімволіку выключна як ідэалагічную, а не як нацыянальную.

Да групы пячатак з сацыялістычнай сімволікай адносіцца выява пяціканцовай зоркі з плугам і молатам, змешчанымі ў крузе ў цэнтры. Як было зазначана вышэй, гэты сімвал узнік для абазначэння ўсяго, што звязана з Чырвонай арміяй. Характэрна, што ва ўсіх выпадках сама зорка ўпісана ў круг, а прастора паміж кругам і зоркай заштрыхавана. Можна меркаваць, што такім чынам падкрэсліваецца рознакаляровасць фону выявы і зоркі. Прамалёўка элементаў дадзенага сімвала ў параўнанні з савецкім дзяржаўным гербам значна больш аднастайная, у некаторых выпадках цяжка ўпэўнена казаць, колькім пячаткам належаць знойдзеныя адбіткі. Але гэтым падлікам у значнай ступені дапамагаюць легенды пячатак. Усяго ў фондзе знойдзена 38 такіх адбіткаў, якія належаць 9 пячаткам. З іх 24 адбіткі адносяцца да пячаткі з даволі вялікай легендай: «Главная комиссия попечения о беженцах» (па ўнутраным крузе); «Наркомвоендел. Центральная коллегия о пленных и беженцах» (па сярэднім крузе); «Российская Федеративная Советск. Республика» (па знешнім крузе). Такім чынам, назва дзяржавы на пячатцы аднаго з найважнейшых камісарыятаў напісана некарэктна (назва *Расійская Савецкая Федэратыўная Сацыялістычная Рэспубліка* была замацавана Канстытуцыяй РСФСР летам 1918 г., а большасць завераных дадзенай пячаткай дакументаў датуюцца 1919 г.). Яшчэ пяць пячатак, наколькі можна бачыць па адбітках, адрозніваюцца паміж сабой толькі легендай, а сімволіка на іх ідэнтычная ў дэталю. Гэта наводзіць на думку, што пячаткі ствараліся па нейкіх агульных лякалах. Можна меркаваць, што 30 адбіткаў належаць, як вынікае з надпісаў на іх саміх і на дакументах, якія імі завяраюцца, чатыром пячаткам і паходзяць з ваенных структур (Народны камісарыят па ваенных справах РСФСР, воінскія часці, камісарыяты), астатнія – з мясцовых саветаў (узденскі (2 адбіткі), валожынскі, Савет Верхменскай воласці Ігуменскага ўезда Мінскай губерні). Пячатка камандзіра 20-га стралковага палка вылучаецца тым, што адбітак з яе зробле-

ны чарнілам зелянага колеру (толькі адзіная пячатка ў падгрупе выканана вывараткай)⁶. Таксама гэта адзіны адбітак зялёнага колеру, які ўдалося знайсці ў фондзе 805 НАРБ, астатнія маюць спектр колераў ад пунсовых да карычневых і фіялетавых. Нешматлікімі з'яўляюцца адбіткі пячатак чорнага колеру. Праўда, 6 % усіх адбіткаў фонду даступныя даследчыкам толькі на чорна-белых мікрафішах, таму даведацца колер чарніла немагчыма. Арыгінальнай можна назваць пячатку Уздзенскага валаснога выканаўчага камітэта. На ёй змешчана выява сярпа і молата, накладзеных на сноп каласкоў. Промні зоркі намаляваны не прамымі лініямі, як на ваенных пячатках, а выпуклымі. На промнях зоркі прыводзіцца надпіс: «Р.С.Ф.С.Р.» – па адной літары на кожным промні. Дадзеная пячатка з'яўляецца яшчэ адным прыкладам неадпаведнасці паміж указанай на адбітку дзяржаўнай прыналежнасцю і датай дакумента, які яна завярае. Якасць вырабу пячаткі, у тым ліку дробных элементаў яе зместу, даволі высокая⁷. У архіве захоўваецца яшчэ адзін адбітак гэтай пячаткі⁸.

У фондзе 805 НАРБ ёсць тры адбіткі пячатак трох выканаўчых камітэтаў саветаў на тэрыторыі Беларусі: свержаньскага (Мінскі павет), гарадзейскага (Навагрудскі павет Мінскай губерні) і маладзечненскага (Віленская губерня)⁹. Дакументы, на якіх стаяць гэтыя пячаткі, датуюцца студзенем – лютым 1919 г. На ўсіх трох дакументах адлюстраваны накладзеныя адзін на аднаго серп, граблі і каса – прылады сялянскай працы. Сімвалы гэтых пячатак вельмі падобныя да тых, што змешчаны на пячатцы на Першай Устаўнай грамаце БНР, з той толькі розніцай, што тут замест снапа каласоў прыводзіцца выява сярпа. Гэта наводзіць на думку, што сімвалы шэрагу выканаўчых камітэтаў саветаў на тэрыторыі Беларусі і сімвалы БНР на пачатку яе існавання выяўлялі адны і тыя ж ідэі, а распаўсюджанае ў савецкай і часткова сучаснай беларускай гістарыяграфіі супрацьпастаўленне БНР і БССР з'яўляецца неабгрунтаваным спрашчэннем (гл. малюнак).

На пячатцы з легендай: «Союз рабочей кооперации Западного района. Минское отделение» – можна бачыць два перакрываваныя малаткі, відавочна, гэта сімвал працоўных. Дадзеная пячатка прадстаўлена ў фондзе 805 НАРБ чатырма адбіткамі, датаванымі лютым 1919 г.¹⁰ У цэлым сукупнасць гэтых сямі адбіткаў, якія належаць чатыром пячаткам, можа быць вылучана ў пэўную падгрупу пячатак нізавых саветаў з сацыялістычнай сімволікай.

⁵Інструкцыйны ліст // НАРБ. Ф. 805. Воп. 1. Спр. 3. Арк. 24.

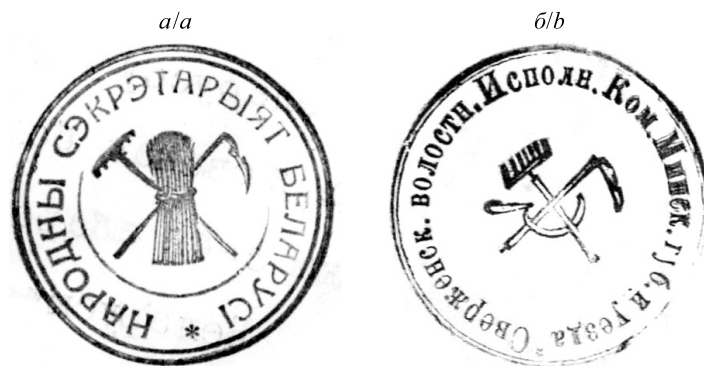
⁶Хадайніцтва // Там жа. Воп. 2. Спр. 4. Арк. 164.

⁷Хадайніцтва // Там жа. Арк. 129.

⁸Пасведчанне // Там жа. Арк. 298.

⁹Хадайніцтва // Там жа. Арк. 171 ; Рэзалюцыя // Там жа. Арк. 242 ; Пасведчанне // Там жа. Арк. 58 адв.

¹⁰Хадайніцтва // Там жа. Арк. 206 ; Хадайніцтва // Там жа. Арк. 207 ; Хадайніцтва // Там жа. Арк. 208 ; Хадайніцтва // Там жа. Арк. 262.

Сімвалы пятака Народнага сакратарыята Беларусі
на Першай Устаўнай грамадзе БНР (люты 1918 г.) (а)
і Свержаньскага валаснога выканаўчага камітэта Мінскай губерні
і Мінскага павета (люты 1919 г.) (б)

Symbols of the Seals of the People's secretariat of Belarus on the First statutory charter
of the Belarusian People's Republic (February 1918) (a) and the Svierżań Volasć Executive Committee
of the Minsk Gubernia and Minsk Uezd (February 1919) (b)

Да чацвёртай групы (палітычна нейтральная сімволіка) можна аднесці 8 адбіткаў пятака з выявай прамога сіметрычнага крыжыка на дакументах, якія паходзяць з Камісарыята аховы здароўя РСФСР. Можна ўпэўнена сцвярджаць, што гэта сімвал Міжнароднага камітэта Чырвонага Крыжа¹¹. На двух іншых дакументах стаяць адбіткі пятака з адносна простым знакам у выглядзе завіткаў (такіх сімвалаў аўтар даследавання ніколі раней не бачыў).

Першы з гэтых адбіткаў мае легенду: «Мінскі раённы харчовы камісарыят» (па крузе) і «Аддзел харчавання» (у цэнтры). Другая пячатка шасцігранная, яна мае легенду: «Мінскі губ. камісарыят міліцыі», дакумент з яе адбіткам датуецца студзенем 1919 г. Верагодна, згаданыя завіткі выконваюць простую функцыю ўпрыгожвання¹².

Маюцца таксама няясныя адбіткі пятака, на якіх немагчыма ідэнтыфікаваць сімвалы¹³.

ВЫСНОВЫ

Такім чынам, даследаванне далёка не самага аб'ёмнага фонду і не самай важнай структуры большавіцкага ўрада дазволіла знайсці сімволіку ўсіх асноўных дзяржаўных утварэнняў і палітычных структур рэвалюцыйнага часу (1917–1919) на неакупаванай Германіяй ці Польшчай частцы тэрыторыі Беларусі. Імклівае змяненне сітуацыі і сацыяльна-эканамічныя ўмовы, выкліканыя вайной і рэвалюцыяй, вялі да таго, што пячаткі з пэўнай дзяржаўна-палітычнай сімволікай працягвалі выкарыстоўвацца і пасля знікнення таго дзяржаўна-палітычнага ўтварэння, з якім яны былі звязаны. Можна нават казаць пра пэўны часавы лаг паміж датай узнікнення дзяржавы і з'яўленнем пятака з яе сімволікай. Гэта было звычайнай устойлівай з'явай. Камуністычная ідэалогія, якой прытрымліваліся прыхільнікі большавікоў, акцэнтавала

ўвагу на агульнакласавых інтарэсах рабочых і сялян усяго свету, што знайшло ўвасабленне ў яе сімвалах, цэнтральнае месца сярод якіх займалі сродкі працы. У выніку сімвалы РСФСР і ССРБ змястоўна мала адрозніваліся адзін ад аднаго ці поўнасю супадалі. Адбіткаў пятака Літбела ў даследаваным архіве не знойдзена. На той момант большавікі не бачылі праблемы ў аднастайнасці гербаў першых сацыялістычных дзяржаў і нават выдавалі інструкцыі, у якіх змяшчаліся прамыя ўказанні па стварэнні гербаў новых дзяржаў (у нашым выпадку – ССРБ) на аснове пэўнага ўзору. Тым не менш і ў такіх умовах можна бачыць варыяцыйнасць у прамалёўцы дэталей савецкіх гербаў, што тлумачыцца праяўленнем творчасці мясцовых улад у справе распрацоўкі сімволікі, якая выкарыстоўвалася на пячатках.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Шаланда АІ, складальнік. Метадычныя рэкамендацыі па апісанні сфрагістычных матэрыялаў XV–XVIII стст. у архівах Беларусі. Мінск: БелНДІДАС; 2015. 48 с.

2. Шаланда АІ. Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X–XVIII стст.: геральдычна-сфрагістычныя нарысы. 2-е выданне. Мінск: Беларуская навука; 2013. 182 с.

¹¹Хадайніцтва // Ф. 805. Воп. 2. Спр. 4. Арк. 25.

¹²Хадайніцтва // Там жа. Арк. 234 ; Рэвалюцыя // Там жа. Воп. 1. Спр. 3. Арк. 38.

¹³Пасведчанне // Там жа. Воп. 2. Спр. 4. Арк. 200 ; Вопіс // Там жа. Воп. 1. Спр. 6. Арк. 20.

3. Белямук М. Вытокі беларускіх пятачкаў. Cleveland: [s. n.]; 1986. 47 с.
4. Колабава ІН. Сфрагістычная калекцыя Віленскага музея старажытнасцей. У: Бондар ЮП, рэдактар. Пятая Міжнародная Тышкевіцкія чытанні. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 14–15 мая 2014 г.; Мінск, Беларусь. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў; 2015. с. 114–125.
5. Цітоў АК. Сфрагістыка і геральдыка Беларусі. Мінск: Метадычна-выдавецкі цэнтр РІВШ БДУ; 1999. 175 с.
6. Цітоў АК. Метадычныя парады па апісанні помнікаў сфрагістыкі для архіваў і музеяў. Мінск: Метадычна-выдавецкі цэнтр РІВШ БДУ; 1997. 44 с.
7. Сідарэвіч АМ. Першы сімвал новай Беларусі: якім гербам была замацавана Першая Устаўная грамата БНР. *Наша ніва*. 2015, 18 лістапада. с. 1.
8. Коваленя АА, рэдактар. *История белорусской государственности. Том 3. Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.)*. Минск: Беларуская навука; 2019. 639 с.

References

1. Shalanda AI, compiler. *Metadychnyja rjekamendacyi pa apisanni sfragistychnyh matjeryjalaw XV–XVIII stst. u arhivah Belarusi* [Methodical recommendations for the description of sphragistic materials of the 15th–18th centuries in the archives of Belarus]. Minsk: Belarusian Research Institute for Documentation Science and Archival Affairs; 2015. 48 p. Belarusian.
2. Shalanda AI. *Simvaly i gerby zjamel' Belarusi w X–XVIII stst.: geraldychna-sfragistychnyja narysy* [Symbols and coats of arms of the lands of Belarus in the 10th–18th centuries: heraldic-sphragistic essays]. 2nd edition. Minsk: Belaruskaja navuka; 2013. 182 p. Belarusian.
3. Belyamuk M. *Vytoki belaruskich pjachatkaw* [The origins of the Belarusian seals]. Cleveland: [s. n.]; 1986. 47 p. Belarusian.
4. Kolabova IN. [Sphragistic collection of the Vilnius museum of antiquities]. In: Bondar YuP, editor. *Pjatyja Mizhnarodnyja Tyshkevickija chytanni. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukova-praktychnaj kanferjencyi; 14–15 maja 2014 g.; Minsk, Belarus'* [Fifth International Tyszkiewicz readings. Proceedings of the International scientific-practical conference; 2014 May 14–15; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University of Culture and Arts; 2015. p. 114–125. Belarusian.
5. Titov AK. *Sfragistyka i geraldyka Belarusi* [Sphragistics and heraldry of Belarus]. Minsk: Methodical and publishing center of the Republican Institute for Higher Education, Belarusian State University; 1999. 175 p. Belarusian.
6. Titov AK. [Methodical advice on the description of sphragistic monuments for archives and museums]. Minsk: Methodical and publishing center of the Republican Institute for Higher Education, Belarusian State University; 1997. 44 p. Belarusian.
7. Sidarevich AM. [The first symbol of the new Belarus: what emblem was attached to the First charter of the Belarusian People's Republic]. *Nasha niva*. 2015 November 18. p. 1.
8. Kovalenya AA, editor. *Istoriya belorusskoi gosudarstvennosti. Tom 3. Belorusskaya gosudarstvennost': ot idei k natsional'nomu gosudarstvu (1917–1939 gg.)* [History of the Belarusian statehood. Volume 3. Belarusian statehood: from the idea to the national state (1917–1939)]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2019. 639 p. Russian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 13.02.2021.
Received by editorial board 13.02.2021.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ

SCIENTIFIC EVENTS

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «BEATITUDO NON EST VIRTUTIS PRAEMIUM, SED IPSA VIRTUS» (МИНСК, 9 ФЕВРАЛЯ 2021 г.)

МІЖНАРОДНЫ НАВУКОВЫ КРУГЛЫ СТОЛ «BEATITUDO NON EST VIRTUTIS PRAEMIUM, SED IPSA VIRTUS» (МІНСК, 9 ЛЮТАГА 2021 г.)

INTERNATIONAL SCIENTIFIC ROUND TABLE «BEATITUDO NON EST VIRTUTIS PRAEMIUM, SED IPSA VIRTUS» (MINSK, 9 FEBRUARY 2021)

9 февраля 2021 г. на историческом факультете БГУ был проведен Международный научный круглый стол «Beatitudo non est virtutis praemium, sed ipsa virtus», посвященный юбилею доктора исторических наук, профессора Виктора Анатольевича Федосика, одного из крупнейших белорусских специалистов в истории античного христианства и истории Средних веков. Это научное мероприятие подготовлено в рамках празднования в текущем году столетнего юбилея первого университета Беларуси – БГУ. Работа круглого стола проходила в очно-дистанционном формате.

Открылся научный круглый стол пленарным заседанием, на котором с приветственными словами к юбиляру обратились декан исторического факультета БГУ профессор А. Г. Кохановский и заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков

исторического факультета БГУ доцент А. А. Прохоров. Первые два доклада пленарного заседания были посвящены научному наследию профессора В. А. Федосика. Научные достижения крупнейшего белорусского ученого-антиковеда, профессора, доктора исторических наук В. А. Федосика, его вклад в развитие белорусского антиковедения и исторической науки в целом были представлены в докладе А. А. Торканевского (Минск) «Виктор Анатольевич Федосик как ведущий ученый-античник в современной белорусской науке». Особое внимание в докладе было уделено недавней монографии ученого, посвященной проблематике восприятия Античности человеком Средневековья. В докладе И. О. Евтухова (Минск) «История античного христианства в исследованиях профессора В. А. Федосика» раскрывается идея, что в работах профессора В. А. Федосика

(кандидатская и докторская диссертации, монографии, статьи) была сформулирована оригинальная концепция истории раннего христианства, которая отражает взгляды академика Н. М. Никольского, опирается на более широкую исследовательскую базу (добавлены анализ института катехумената и анализ пассионов) и является рамочной в современном белорусском антиковедении.

Следующие два доклада были посвящены различным аспектам древней истории. В своем докладе *О. В. Томашевич* (Москва) «Радость по-древнеегипетски – бирюза» подробно рассмотрела вопрос о копиях по добыче бирюзы, проанализировав место и роль бирюзы и украшений из нее в древнеегипетской культуре. В частности, было указано, что метафорически бирюза указывала на мир и радость, что позволяет установить ее связь с культом богини Хатхор. В докладе *М. М. Казакова* (Смоленск) «У истоков христианства в Северной Африке» проанализированы особенности распространения христианства в Северной Африке в I–III вв. Хотя достоверных сведений о возникновении и первоначальном существовании здесь христианских общин очень немного, можно полагать, что отсутствие каких-либо видимых конфликтов христиан с их окружением почти до конца II в. имело своим следствием накопление определенной христианской «критической» массы, которая очень скоро вывела христианство в этом регионе едва ли не на первые позиции во всем христианском мире. Еще одной особенностью быстрого распространения новой религии в регионе стало развитие епископата в сочетании с соборностью в управлении церковной организацией. Важным свидетельством значимости Римской Африки в истории раннего христианства было наличие здесь выдающихся богословов – Тертуллиана и Киприана.

После завершения пленарного заседания работа круглого стола была организована по основным направлениям научных интересов *В. А. Федосика*. На заседании секции по истории древнего мира *А. А. Спартак* (Минск) в докладе «Древнеегипетские обелиски Позднего царства» обратилась к традиции установки древнеегипетскими царями обелисков как элементов института царской власти в период Позднего царства. Был сделан вывод, что цари в эпоху Позднего царства предпринимали попытки воссоздания идеологии божественного происхождения царской династии, в том числе и путем возведения обелисков. Этим они провозглашали себя божественными потомками бога солнца и обосновывали легитимность своих властных полномочий как гарантов миропорядка. Однако сравнительно небольшое число установленных обелисков, скудность и малоинформативность данных на них указывают на то, что обелиски Позднего царства – это лишь отголосок былого величия фараонов, анахро-

низмы. В своем докладе «К вопросу об идентификации объектов, расположенных в море Воурукаше (vouru.kaša) в Авесте» *А. С. Миксюк* (Минск) обратилась к рассмотрению роли этого моря и связанных с ним объектов в картине мира Авесты. Особое внимание уделялось идентификации следующих объектов, расположенных в середине моря: дерева или деревьев (дерево птицы Саэны; дерево *hvāpi-*), рыбы *vāsī-* и осла *xara-*. Анализ текстов Авесты позволяет установить, что данная триада объектов воплощает вертикальную ось мира и конструкцию пространств, а также может являться символическим изображением ритуала. Рассмотрению кудурру – одного из самых известных памятников эпохи касситского правления в Вавилонии – был посвящен доклад *В. Н. Дубовской* (Минск) «Межевой камень (кудурру) царя Мелишиху». Традиционно их считают межевыми камнями и связывают с царскими земельными дарениями, однако функции их спорны и до конца не ясны. В докладе анализировалась текстовая и изобразительная составляющие «кудурру царя Мелишиху», был поставлен вопрос о соотношении текста и рельефа и высказано предположение, что кудурру могли быть не только маркером земельного надела, но и частью культа, а также служить доказательством правильности принятого царем решения. *И. Ю. Лопушанский* (Минск) в докладе «Культовый Мардука и Эсагила в политической истории 2-й половины II тыс. до н. э.» обратился к рассмотрению взаимоотношений царской власти и храма Эсагила в среднеавилонский период (время правления Касситской династии (ок. 1595–1157 гг. до н. э.) и 2-й династии Исины (ок. 1156–1026 гг. до н. э.)). На основании современных и более поздних клинописных источников докладчик пришел к выводу, что храм Эсагила попал в орбиту политической истории, поскольку на протяжении указанного периода Вавилон и сам храм несколько раз были разграблены, а статуя Мардука вывезена из города (хеттский рейд 1595 г., ассирийское завоевание середины XIII в., эламский рейд середины XII в.). После каждого возвращения Мардука производились обновительные работы в храме, а также новое посвящение храма Мардуку. Возможно, что после возвращения статуи из Элама при царе Навуходоносоре I произошло официальное признание Мардука царем богов и главой пантеона. Этот период также известен царскими подношениями в храм и установлением культовых предметов, впервые упоминаются земельные наделы, переданные царем храму. В докладе *Ю. С. Кухарчик* (Минск) «Восточные народы» в системе управления державы Ахеменидов по данным древнеперсидских царских надписей» в качестве основной источниковой базы были выбраны древнеперсидские царские надписи, поскольку это самый приближенный к событиям источник. Докладчик приходит к выводу, что на-

роды на территории восточных сатрапий подчинялись персидским царям, выплачивали обязательную ежегодную дань и несли воинскую повинность в персидском войске. Однако нельзя говорить о том, что положение различных этнических групп было одинаковым. Доклад Л. Л. Селивановой (Москва) «Жертвоприношение ребенка в романе Лоллиана “Финикийские истории”: религиозный акт или варварский обычай?» посвящен сохранившемуся во фрагментах папируса конца II в. н. э. произведению «Phoinikika», часто переводимому как «Финикийские истории». Этот текст до сих пор не получил должного освещения в российской науке. Рассматривая сцену жертвоприношения ребенка (фр. B1), Л. Л. Селиванова поставила вопрос об источнике этой информации и о том, может ли она быть истолкована как свидетельство мистериальных культов. Докладчик пришла к выводу, что, несмотря на внешнее подобие религиозной церемонии, это не был мистический ритуал. Ядром и смыслом всего эпизода являлась клятва на крови, практикуемая разбойниками и заговорщиками. Лоллиан и другие авторы использовали язык мистерий для достижения большего драматического эффекта. А. И. Ганжуров (Минск) обратился к рассмотрению отношения римского историка Луция Аннея Флора к гражданским войнам в Риме в I в. до н. э., завершившимся установлением монархического режима принципата, проанализировав параллели автора между республиканским периодом и принципатом в Древнем Риме. В докладе С. В. Теленя (Мозырь) «Всаднический *cursus honorum* в период ранней империи» эта последовательность магистратур была рассмотрена главным образом в наиболее значимом выражении – продвижении через прокураторские должности. Подверглись анализу предполагаемые факторы, влиявшие на назначение эквитов на административные посты, а также на продвижение императорских назначенцев по должностной лестнице, исследована проблема «стандартной» всаднической карьеры. Вывод, к которому пришел докладчик, заключается в том, что хотя в науке со времен Х.-Г. Пфлаума высказывается идея о существовании в период принципата относительно независимой от воли императора схемы всаднической карьеры, однако ни эпиграфические, ни литературные памятники не подтверждают данного предположения. И напротив, наличный источниковый материал указывает: в отличие от сенаторской карьеры эквитский *cursus honorum* определялся только волей императора, что согласуется с изначально частноправовым характером римской прокураторы. Название доклада А. В. Козленко (Минск) «“...Ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем”. Татуировка и клеймение в греко-римской античности» восходит к словам апостола Павла из «Послания к Галатам», где речь идет о ранах Христа как о стигматах, которые ве-

рующий имеет на своем теле. Для современников апостола Павла слово «стигматы» имело основное значение «клеймо», или, точнее, «татуировка», на теле раба или варвара. Выбор Павлом этого термина определил последующую традицию его использования как знака мученичества. Хотя отцы церкви понимали этот образ метафорически, некоторые верующие в Египте и на Ближнем Востоке действительно делали себе татуировки на теле. Несмотря на отрицательное отношение церкви к подобной практике, здесь она сохранилась вплоть до недавнего времени.

Заседание секции по истории Европы в Средние века и Новое время открылось докладом И. О. Евтухова (Минск) «Структура древнегерманского общества по данным англосаксонского героического эпоса “Беовульф”», в котором доказывалось, что в поэме «Беовульф» описаны два варианта структуры древнегерманского общества. Общими для обоих вариантов являются понятия *þegn* и *gesip*. Правитель обозначен разными терминами: *þeodcynig* и *þeoden*. *Hlaford* присутствует в одном из вариантов. Также показано, что слово *æþeling* в ранний период англосаксонской истории обозначал не благородного, а свободного человека. Независимый исследователь М. В. Гаврюченкова (Минск) в докладе «Англосаксонские королевы и власть» обозначила, что в VIII–IX вв. существовали две парадигмы участия королей в политической жизни страны: мерсийская и уэссекская. Первая парадигма оказывала влияние через статус королевы как матери короля. Вторая блокировала давление через законы, но при Эдуарде Старшем королевы Уэссекса восстановили влияние на политическую жизнь страны. В докладе Е. А. Гуринова (Минск) «Причастен ли Бодуэн Булонский к убийству Тороса, правителя Эдессы?» шла речь о том, что в ходе Первого крестового похода Бодуэн Булонский, один из второстепенных предводителей крестоносцев, отделился от основной армии, а затем был приглашен в Эдессу в Верхней Месопотамии для защиты города от тюрок. Бодуэн был усыновлен армянином Торосом, номинальным византийским наместником, и назначен его соправителем и преемником. В марте 1098 г. Торос был убит в ходе восстания горожан, инспирированного членами городского совета, и Бодуэн стал правителем Эдессы. В докладе была предпринята попытка на основе анализа латинских, армянских и сирийских источников ответить на вопрос, причастен ли Бодуэн к убийству Тороса. Докладчик отметил два момента. Во-первых, ни один из хронистов, за исключением Михаила Сирийца, чья информация противоречива, не обвиняет Бодуэна в смерти Тороса. Во-вторых, Бодуэн принес клятву о том, чтобы позволить Торосу удалиться в Мелитену; более того, Бодуэн и Торос были связаны псевдородством, возникшим в результате усыновления. Принимая

это во внимание, можно предположить, что Бодуэн не желал убивать Тороса, поскольку в противном случае его ждало бы божественное наказание как клятвопреступника и отцеубийцы. В совместном докладе *Е. Д. Смирновой* и *С. А. Рогач* (Минск) рассматривались истоки идей феминизма в эпоху Средневековья по текстам писательницы Кристины Пизанской. *Д. А. Черкасов* (Минск) в докладе «Война “Дамуазо де Пьерфора” и борьба за его наследие» обратился к одному из эпизодов сеньориальных войн второй половины XIV в., проходивших в регионе Лотарингии, – конфликту между герцогом Робером I де Баром и Пьером II де Бар-Пьерфором, известным в истории как Дамуазо де Пьерфор. Был дан анализ предпосылок конфликта, подготовки к войне и хода военных действий, описана последующая борьба претендентов на наследство Пьера II против герцога де Бара. В докладе *С. Н. Темушева* (Минск) «Сущность и значение налогов средневекового государства (на примере Древней Руси)» налоги рассматривались как важнейшая составляющая общей финансовой системы государства, без которой оказывается невозможным осуществление его многообразных функций. Автор доклада сделал вывод о необходимости признать наличие налоговой системы важнейшим признаком государственности. В своем докладе «Навагрудак – першая сталіца Вялікага Княства Літоўскага. Генезіс легенды» *В. А. Воронин* (Минск) обратился к разбору широко распространенного мнения о том, что город Новогрудок был первой столицей Великого княжества Литовского. Однако следует полагать, что в основе тезиса лежит историческая легенда. В докладе был прослежен процесс ее зарождения и развития. Сведения о статусе Новогрудка впервые появились в белорусско-литовской летописи в 1520-х гг. Позже легенда получила развитие в исторической литературе и вошла в общественное сознание. В очередной раз ее актуализировали в конце XX в. Несмотря на свою популярность, легенда до сих пор не нашла серьезных фактических подтверждений. В докладе *Д. В. Мазарчука* (Минск) «Проблема генезиса дипломатии Нового времени в современной историографии» были представлены основные этапы развития историографии истории дипломатии Нового времени во второй половине XX – начале XXI в. Исходным моментом является «классическая» концепция истории дипломатии, сформулированная Г. Маттингли. Автор доклада последовательно рассмотрел содержание критики «классической» концепции с позиций социальной и культурной истории, отдельное внимание уделив дискуссии между Р. Фубини и В. Иларди по поводу содержания понятия резидентного дипломатического представительства в истории дипломатии Нового времени. Кроме того, был изучен вопрос о связи трансформации военного дела и генезиса дипломатии Ново-

го времени в историографии и сделаны выводы об основных достижениях современной историографии истории дипломатии Нового времени и перспективах ее последующего развития. В завершающем заседании секции докладе *С. А. Лапицкого* (Минск) «Участие России в подавлении восстания ихэтуаней и его последствия для китайско-российских отношений» было отмечено, что проникновение иностранного капитала в Китайскую империю происходило в крайне недружественной по отношению к Китаю форме. Российская империя, кроме экономических связей, также имела политические соглашения с Китаем, например соглашение о взаимной обороне с Китаем против третьих стран, и обязательство не использовать свои железные дороги для торговых целей. Несмотря на это, Россия активно участвует в интервенции в Китай в целях подавления восстания ихэтуаней (боксеров), которое угрожало экономическим интересам Российской империи. Разрушительная интервенция, а также оккупация и удержание Маньчжурии Россией стали причиной полной утраты Китаем веса в международных делах. Однако в России господствовали оптимистические настроения о нерушимости союза с Китаем.

В секции по историографии и источниковедению были заслушаны четыре доклада. В докладе *Н. А. Тарасенко* (Киев) «Из истории формирования древнеегипетских коллекций в Украине» был представлен обзор коллекций древнеегипетских древностей в музейных собраниях Украины и рассмотрена история формирования этих собраний. *А. В. Володина* (Варшава) в своем докладе «Рух вальдэнсаў у еўрапейскай гістарыяграфіі: параўнальны храналагічны, рэгіянальны і тэматычны агляд» обратилась к изучению движения вальденсов в историографии. Труды, посвященные движению вальденсов, восходят к теологам XIV в., в начале XVI в. к ним присоединились протестанты, признавшие вальденсов своими предшественниками. Началом собственно вальденской историографии можно считать XVII – начало XIX в., когда происходит накопление фактов, воспринимаемых некритически. К следующему этапу можно отнести период XIX – первой половины XX в., когда авторы перешли от прямого пересказа источников к их критическому изучению. Со второй половины XX в. значительное место в исследованиях движения вальденсов занимают региональная история, научное издание источников, выделение отдельных периодов движения, а также гендерные исследования. Основными центрами изучения вальдизма изначально были Франция и Италия, к которым позже присоединились Англия и Германия. В последние два десятилетия в западной исторической науке наблюдается тенденция «возвращать» вальденсов в исторический контекст – появляются новые обоб-

щающие работы, которые фокусируются на включении движения вальденсов в общеисторические процессы. В докладе *С. С. Гордейчука* (Минск) «Российская историография социально-политического развития Священной Римской империи в XIV в.» были выявлены этапы изучения социально-политического развития империи в этот период в российской исторической науке XIX–XXI вв., рассмотрены тематика исследований и оценки социально-политического развития империи в период позднего Средневековья. Доклад *Т. В. Кудрявцевой* (Санкт-Петербург) «Алеся Акимовна Мотус: белорусский историк на кафедре истории древнего мира ЛГПИ им. А. И. Герцена» познакомил участников круглого стола с жизненным путем и научными достижениями ученого-антиковеда из ЛГПИ им. А. И. Герцена Алеся Акимовны Мотус. Показан вклад, который она внесла в развитие советской исторической науки, особое внимание уделено организаторской деятельности ученой.

Также состоялось заседание секции по истории религии, открывшееся докладом *Д. В. Скворчевского* (Минск) «Культавая дахрысціянская скульптура на тэрыторыі Беларусі: да пытання існавання выяўленчых канонаў», посвященным рассмотрению культовой дохристианской скульптуры (идолов) на территории Беларуси. Автор доклада определил основные изобразительные особенности, уточняя классификацию идолов, обнаруженных на белорусских землях. Особое внимание уделено вопросу соотношения каменных христианских крестов и языческих идолов, предложено выделить крестообразную антропоморфную скульптуру в качестве отдельного вида идолов, который мог возникнуть под влиянием христианизации и являться свидетельством взаимопроникновения и адаптаций традиций. На основании выдвинутых характеристик автор доклада предположил возможность существования изобразительных канонов культовой языческой скульптуры на территории Беларуси и рассмотрел их особенности. *О. М. Ленцевич* (Минск) в докладе «Феномен женского мученичества в античном христианстве» выделила поведенческие мотивы, лежавшие в основе выбора христианами мученической смерти, проанализировала основные реакции римского языческого общества, на основе агиографических источников изучила мотивы и особенности поведения женщин-мучениц и исповедниц. Автор доклада пришла к выводу об отсутствии гендерных границ в христианской среде в связи с формированием института мученичества. *А. В. Верещагина (Гурко)* (Минск) в докладе «Язык богослужения в христианской практике белорусов» отметила, что с самого раннего периода истории и практически до начала XX в. на этническую палитру белорусских земель оказывал влияние религиозный фактор. Складывание поли-

конфессиональной структуры белорусского общества воздействовало на процесс становления этнического самосознания белорусов. Белорусские христианские традиции в своей основе формировались под влиянием восточного христианства, а следовательно, и богослужебного русского языка (или церковнославянского в его русской редакции). Доклад *О. В. Перзашкевича* (Минск) «К вопросу о влиянии Библии Викилффа на ранние чешские переводы Библии (на материале Псалтыри)» был посвящен рассмотрению фрагментов английских и чешских переводов Псалтыри XIV–XVII вв.: Псалтыри Викилффа 1370 г., Библии Викилффа 1395 г., Чешской Библии 1506 г. и Кралицкой Библии 1613 г. Изучались фрагменты Псалтыри, которые содержат упоминания *gOy/εθνος*, сопоставленные с каноническими вариантами этих текстов: Танахом, Септуагинтой и Вульгатой. Автор доклада сделал следующие выводы: рассматриваемые переводы не являются прямыми переводами канонических текстов; перевод Викилффа гораздо ближе к Вульгате, чем рассмотренные славянские тексты, хотя влияние переводов Викилффа в них заметно; старочешский перевод 1506 г. и вариант Кралицкой Библии отличаются степенью влияния на них Септуагинты и Танаха; использование слов в значении «язычник» в славянских переводах является следствием средневекового западноевропейского влияния. В докладе *А. А. Гужаловского* (Минск) «Знос культавых будынкаў падчас антырэлігійнай кампаніі ў БССР канца 1950-х – першай паловы 1960-х гг.» был показан снос культовых зданий в указанный период в рамках реализации одного из наиболее разрушительных для национальной культуры направлений хрущевской антирелигиозной кампании в БССР. В своем докладе «К вопросу об институте *хваранов* и его религиозных основах в государстве Силла» *Н. В. Кошелева* (Минск) сделала вывод, что основной характеристикой института *хваранов* королевства Силла являлся не военный аспект их деятельности, а духовные идеалы и практики, базирующиеся на вере «пхунню». При этом пхунню следует рассматривать в контексте китайского влияния с учетом выработки собственно силлаского содержания пхунню, основанного изначально на даосско-шаманских идеях и практиках с привнесением элементов конфуцианства и буддизма. В докладе *С. И. Шатравского* (Минск) «Взгляд на буддизм в работе профессора А. И. Введенского “Религиозное сознание язычества”» раскрыто представление о будущем А. И. Введенского, одного из известных деятелей Русской православной церкви конца XIX – начала XX в., автора уникальной в своем роде монографии «Религиозное сознание язычества» о буддизме. В первой части своей работы он предложил собственную описательную концепцию механизмов функционирования религиозного сознания. Вторая

часть посвящена тщательному изучению индийских религий в рамках указанной концепции. Автор доклада полагал, что, по мнению А. И. Введенского, религии Индии в общем и буддизм в частности служат яркими примерами механизмов развития языческой религиозной мысли, которая, стремясь к поиску религиозной истины, переживает глубокий кризис.

Участники научного мероприятия обменялись мнениями, обсудили прослушанные доклады и пришли к выводу, что проведение данного мероприятия в сложных условиях пандемии способствовало активизации научного сотрудничества ученых Беларуси и соседних стран с использованием новых информационных технологий.

И. О. Евтухов¹, О. И. Малюгин²

¹Игорь Орестович Евтухов – доктор исторических наук; профессор кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета.

Ігар Арэставіч Еўтухоў – доктар гістарычных навук; прафесар кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Ihar O. Yeutukhou, doctor of science (history); professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: ewtuhow@tut.by

²Олег Иванович Малюгин – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета.

Алег Іванавіч Малюгін – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Oleg I. Maliugin, PhD (history), docent; associate professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: maliugin@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0001-5848-5918>

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РИЖСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1921 г. В СУДЬБАХ НАРОДОВ
ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ (МИНСК, 26 МАРТА 2021 г.)**

**МІЖНАРОДНАЯ НАВУКОВАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ
«РЫЖСКІ МІРНЫ ДАГАВОР 1921 г. У ЛЁСАХ НАРОДАЎ УСХОДНЯЙ
І ЦЭНТРАЛЬНОЙ ЕЎРОПЫ» (МІНСК, 26 САКАВІКА 2021 г.)**

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
«RIGA PEACE TREATY OF 1921 IN THE FATES OF THE PEOPLES
OF EASTERN AND CENTRAL EUROPE» (MINSK, 26 MARCH 2021)**

Падпісанню аднаго з найбольш значных міжнародных дагавораў XX ст. – Рыжскага мірнага дагавора 1921 г. – 18 сакавіка споўнілася 100 гадоў. Гэты дагавор не толькі стаў завяршэннем ваеннага канфлікту паміж РСФСР і Польскай Рэспублікай, але і вызначыў межы краін ва ўсходняй частцы Еўропы амаль на два дзесяцігоддзі, зафіксаваў расклад сіл супраціўных бакоў, заклаў новыя супярэчнасці ў міжнародных адносінах і адыграў важную ролю ў лёсах усіх народаў Усходняй і часткова Цэнтральнай Еўропы. Стагоддзю падпісання дагавора была прысвечана міжнародная навуковая канферэнцыя, якая адбылася 26 сакавіка 2021 г. на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Было заяўлена даволі шырокае праблемнае поле канферэнцыі, што дазволіла прыцягнуць да ўдзелу ў ёй спецыялістаў не толькі па пытаннях Рыжскага мірнага дагавора, гісторыі дыпламатычных адносін і міжнароднай палітыкі, але і даследчыкаў, якія займаюцца вывучэннем перыядаў непасрэдна да і пасля яго падпісання. Выбраны падыход найбольш адпавядае прынцыпу гістарызму, дзякуючы чаму ў заяўленых на канферэнцыю дакладах удалося больш комплексна і сістэмна разгледзець і ацаніць і працэсы, якія папярэднічалі Рыжскаму мірнаму дагавору і ў пэўнай ступені прадвызначылі далейшы ход падзей, і непасрэдныя вынікі яго падпісання. Праблемнае поле канферэнцыі ахоплівала пытанні падпісання Рыжскага мірнага дагавора 18 сакавіка 1921 г. і еўрапейскай дыпламатыі гэтага перыяду, войнаў, рэвалюцый і сацыяльных канфліктаў на тэрыторыі Усходняй і Цэнтральнай Еўропы ў канцы XIX – першай палове XX ст., фарміравання нацый і нацыянальных дзяржаў, сацыяльна-эканамічных пераўтварэнняў і этнаканфесійных працэсаў на тэрыторыі Усходняй і Цэнтральнай Еўропы ў канцы XIX – першай палове XX ст., а таксама сучасных тэндэнцый і навацый вывучэння гісторыі краін гэтага рэгіёна ў акрэслены перыяд.

На адкрыцці канферэнцыі, якое папярэднічала пленарнаму пасяджэнню, да ўдзельнікаў навуковага форуму з прывітальным словам звярнуўся дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага

ўніверсітэта Аляксандр Генадзьевіч Каханоўскі і намеснік дэкана вучоны сакратар гістарычнага факультэта Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава Аксана Вячаславаўна Солапава.

На пленарным пасяджэнні, якое адбывалася ў змешаным фармаце з выкарыстаннем тэхналогій інтэрнэт-сувязі, з дакладамі выступілі знакамітыя навукоўцы і даследчыкі, чые працы прысвечаны даследаванню Рыжскага мірнага дагавора і пытаннем заяўленага праблемнага поля: доктар гістарычных навук прафесар Аляксандр Генадзьевіч Каханоўскі (Мінск, БДУ), кандыдат гістарычных навук дацэнт Дзмітрый Аляксандравіч Андрэеў (Масква, Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава), доктар гістарычных навук прафесар Мечыслаў Эдвардавіч Часноўскі (Мінск, БДУ), доктар гістарычных навук прафесар Мікалай Мікалаевіч Мязга (Гомель, Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны), доктар гістарычных навук прафесар Вячаслаў Іванавіч Менькоўскі (Мінск, БДУ), кандыдат гістарычных навук Вольга Мікалаеўна Бароўская (Мінск, Інстытут гісторыі НАН Беларусі). Доклады выклікалі жывы інтарэс з боку калег і прысутных. Завязалася дыскусія, якая працягнулася і пасля заканчэння пленарнага пасяджэння.

На міжнародным форуме прагучалі даклады больш чым 60 даследчыкаў з Беларусі, Расіі, Польшчы, Чэхіі ў межах працы трох секцый канферэнцыі: «Рыжскі мірны дагавор 1921 г. і еўрапейская дыпламатыя ў 1918–1921 гг.» (мадэратары – доктар гістарычных навук прафесар Рыгор Рыгоравіч Лазько і кандыдат гістарычных навук дацэнт Андрэй Мікалаевіч Максімчык), «Сацыяльна-эканамічныя і грамадска-палітычныя працэсы ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе ў 1921–1941 гг.» (мадэратары – кандыдат гістарычных навук дацэнт Любоў Антонаўна Козік і кандыдат гістарычных навук дацэнт Вікторыя Аляксандраўна Латышава), «Сацыяльна-эканамічныя і грамадска-палітычныя працэсы ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе ў канцы XIX – пачатку XX ст.» (мадэратары – кандыдат гістарычных навук дацэнт Віталь Сяргеевіч Макарэвіч і кандыдат гістарычных навук

дацэнт Ганна Іванаўна Маскевіч). Праца ўсіх секцыйных пасяджэнняў, асабліва першай секцыі, была вельмі плённай, выклікала жывую дыскусію і абмеркаванне ў адкрытым фармаце з удзелам праз інтэрнэт-сувязь калег з Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава, а таксама Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны. Абмеркаванне выступленняў і дыскусія

працягнуліся да 16 гадзін. З тэматыкай прачытаных дакладаў можна азнаёміцца ў праграме канферэнцыі, якая размешчана на афіцыйным сайце гістарычнага факультэта БДУ (www.hist.bsu.by). Па выніках працы канферэнцыі запланавана выданне зборніка навуковых артыкулаў.

В. С. Макарэвіч¹

¹*Віталій Сергеевіч Макаревич* – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета.

Віталь Сяргеевіч Макарэвіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; загадчык кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Vitaly S. Makarevich, PhD (history), docent; head of the department of history of Belarus of new and contemporary times, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: witalij@tut.by

ЮБИЛЕИ

ЮБІЛЕІ

JUBILEES

**Виктор Анатольевич
ФЕДОСИК**

**Віктар Анатольевіч
ФЯДОСІК**

**Viktor Anatolyevich
FEDOSIK**

Выдающемуся отечественному ученому, доктору исторических наук, профессору Виктору Анатольевичу Федосику 9 февраля 2021 г. исполнилось 70 лет.

Более 30 лет Виктор Анатольевич успешно руководил кафедрой истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ, сохраняя и развивая ее позиции как главного научного центра Республики Беларусь в области исследования всеобщей истории периода древности и Средневековья. Некоторое время использовалось неформальное название «профессорская кафедра», так как почти половина ее сотрудников имели ученое звание профессора. Безусловно, научным успехам подразделения содействовал энциклопедический круг научных знаний профессора В. А. Федосика, которые охватывают практически все широкие направления исследовательской активности кафедры.

Виктор Анатольевич является общепризнанным в Республике Беларусь и в мире ведущим специалистом по истории античного христианства. И кандидатская, и докторская диссертации В. А. Федосика

посвящены именно проблематике раннехристианской церкви. Они внесли значимый вклад в историографию вопроса и признаны мировой наукой. Виктор Анатольевич является автором более 360 научных и научно-методических работ. Многие из них издавались в России, Украине и других странах.

Формирование научных интересов В. А. Федосика связано с его специализацией на кафедре истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ. Путь в историческую науку для Виктора Анатольевича начался в 1968 г. на первом курсе. При этом, будучи сыном известного отечественного ученого-фольклориста, профессора Анатолия Семеновича Федосика, он имел все необходимые для научно-исследовательской работы качества.

Под влиянием увлекательных лекций профессора Федора Макарьевича Нечая, корифея белорусской исторической науки, крупнейшего специалиста в области античной истории, на втором курсе В. А. Федосик выбрал специализацию на кафедре

истории древнего мира и средних веков, которая с тех пор стала для него родной. Под руководством Ф. М. Нечая Виктор Анатольевич писал дипломную работу, а затем защищал кандидатскую диссертацию. Именно Ф. М. Нечай, а также профессор Г. М. Лившиц привили В. А. Федосику интерес и любовь к изучению истории Античности.

Окончив в 1973 г. исторический факультет БГУ, Виктор Анатольевич поступил в аспирантуру, после завершения которой в 1976 г. работал в Минском институте культуры сначала в должности преподавателя, а затем, с 1980 г., доцента кафедры истории СССР, БССР и зарубежных стран. В 1983 г. В. А. Федосик вернулся на родную кафедру истории древнего мира и средних веков БГУ, которую возглавлял с 1988 по 2020 г.

Становление В. А. Федосика как профессионального ученого проходило в 1970–80-х гг., когда его основное внимание было сосредоточено на разработке проблематики античного христианства. Результатом кропотливой работы в этом направлении стала защита в 1977 г. кандидатской диссертации на тему «Возникновение христианских таинств крещения и причащения (социально-политическая эволюция христианства и обрядовая практика)». В дальнейшем по проблемам истории раннего христианства им была написана брошюра «В сладкогласии песнопений литургии» (1985), а также целый ряд авторских монографий («Таинства без тайн. Возникновение и социальная сущность первых христианских таинств» (1979), «Критика богословских концепций сущности христианского катехумена» (1983), «Церковь и государство: критика богословских концепций» (1988), «Киприан и античное христианство» (1991)) и коллективных работ («Очерки истории христианской церкви в Европе (Античность, Средние века, Реформация)» (1999), «Мученичество в раннем христианстве: очерк исторического восприятия» (2011), «Рим и христианские мученики (реалии Античности и духовная традиция)» (2012)). Закономерно, что фундаментальные научные изыскания в этом направлении привели ученого к успешной защите в 1992 г. докторской диссертации на тему «Христианская церковь в Римской империи в III – начале IV в. (становление христианской церкви и религиозная политика императорской власти)». Оппонентами Виктора Анатольевича выступили крупнейшие российские антиковеды – профессора В. И. Кузищин и И. С. Свенцицкая, а также профессор-медиевист Белорусского государственного педагогического университета В. И. Горемыкина.

В 1993 г. В. А. Федосику было присвоено звание профессора, а в 1994 г. он проходил стажировку в Пенсильванском университете. Позднее читал лекции по истории античного христианства во Вроцлавском университете. Важно отметить и то,

что профессор В. А. Федосик внес весомый вклад в возрождение богословского образования в нашей стране: почти сразу после создания Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла БГУ Виктор Анатольевич был приглашен работать на кафедру богословия.

В начале 1990-х гг. В. А. Федосик обратился к проблемам античной истории уже без привлечения христианской тематики, основательно разработанной в предыдущие десятилетия. Первой обстоятельной работой в этом направлении стало издание двух классических трудов античного писателя Иосифа Флавия «Иудейская война» (1991) и «Иудейские древности» (1994), сопровождаемых научными комментариями, указателями, а также внушительными статьями предисловия и приложениями. Фактически это было первое и единственное на территории бывшего СССР переиздание после 1900 г. данных источников на русском языке. Благодаря этой работе читатель познакомился с недоступными ранее историческими документами, поскольку в советское время существовали оправданные опасения пробудить интерес к теме раннего христианства, что было недопустимо в атеистическом обществе. Комментирование древних текстов оказалось непростой задачей. Перед учеными (работа была проделана совместно с коллегами В. А. Федосика – кандидатом исторических наук, а позднее доктором исторических наук, профессором Казимиром Адамовичем Ревяко и кандидатом исторических наук Геннадием Иосифовичем Довгяло) стояла цель систематизировать информацию таким образом, чтобы тексты, написанные 2 тыс. лет тому назад, были не только понятны, но и интересны современному читателю. Издание оказалось успешным, его используют во всем русскоязычном образовательном пространстве.

Виктор Анатольевич известен не только как видный ученый, но и как крупный популяризатор истории древнего мира. В 1993 г., возглавляя авторский коллектив, представленный преимущественно доцентами и профессорами кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ, В. А. Федосик опубликовал коллективный очерк исторических портретов под названием «Женщины-легенды». Его самостоятельной крупной работой в этом направлении стало научно-популярное издание «Семь чудес света» (2002). Чудеса света, давшие название труду, явились для ученого своеобразным поводом рассказать о политическом устройстве древних обществ, их культурных достижениях и социально-экономической структуре. Перед глазами читателя открываются живописные панорамы древнеегипетской, месопотамской и античной цивилизаций, предстают портреты выдающихся политиков и деятелей искусства античной эпохи. Через всю книгу красной линией проходит авторская концепция,

согласно которой люди древности были *другими* в своем мышлении и восприятии, непохожими на современных людей. На основе убедительных примеров В. А. Федосик продемонстрировал читателю особенности психологии и мировосприятия человека Античности. Помимо монографий, при участии профессора В. А. Федосика был опубликован и ряд энциклопедических изданий («Средневековый мир» (1999), «Древний мир. Культура, искусство, история» (2008)).

Большой вклад Виктор Анатольевич внес в развитие высшего и среднего образования. Под его научным руководством был организован выпуск многочисленных (свыше 20) учебных пособий и учебных материалов (карты, атласы, рабочие тетради) по основным научным направлениям кафедры (Древний Восток, Античность, Средневековье) для школ и учреждений высшего образования (УВО). Второй важной специализацией В. А. Федосика как ученого-историка является медиевистика, поэтому именно под его научной редакцией с грифом Министерства образования Республики Беларусь было издано учебное пособие для УВО по истории Средних веков на белорусском и русском языках (2002, 2008). Последний на данный момент изданный труд профессора – коллективное учебное пособие для университетов «История Древней Греции и Древнего Рима», где В. А. Федосик представлен как ведущий автор и научный редактор. Уникальность указанного издания состоит в том, что это первый подобного рода труд отечественных историков, предназначенный для высшей школы, охватывающий всю историю античной цивилизации. Во введении В. А. Федосик подчеркивает, что данное пособие направлено на то, чтобы студенты смогли легче «уяснить основную специфику, тенденции и закономерности развития цивилизации Античности» в ситуации, когда многочисленная учебная литература перегружена фактологическим материалом.

Помимо монографий, учебных пособий и научно-популярной литературы, В. А. Федосик написал десятки статей по различным проблемам античной и средневековой истории. В последнее время профессор В. А. Федосик работает над недостаточно исследованной, но весьма актуальной темой современного антиковедения, связанной с одним из известнейших персонажей новозаветной истории – Понтием Пилатом. Фигура наместника римской провинции Иудеи, несомненно, уже давно привлекает исследователей. По этой проблеме Виктор Анатольевич опубликовал ряд статей, среди которых можно назвать такие, как «Титулатура первых римских наместников Иудеи в источниках», «Рымлянін Понцій Пілат: таямніцы біяграфіі». Надеемся, что впереди нас ожидает появление интересного обобщающего биографического издания о Понтии Пилате.

В своей недавней крупной монографии «Антычнасць вачыма Сярэднявечча» (2016) Виктор Анатольевич проводит исследование на стыке антиковедения и медиевистики. Логично, что крупнейший знаток этих двух базовых для современной цивилизации эпох – Античности и Средневековья – проследил процесс влияния первой эпохи на вторую. В качестве предмета исследования было взято литературное наследие восточнославянских народов – исторические хроники и переводной эпос. Здесь ученый проявил себя также как специалист в области отечественной истории. Как следует из названия работы, она посвящена крайне актуальной проблематике не только в мировой, но и в отечественной исторической науке – оценке реалий Античности человеком Средневековья. Виктор Анатольевич исходит из положения о том, что средневековый человек воспринимал Античность иначе, чем мы, т. е. был *другим*. Средневековые писатели понимали и интерпретировали античную историю согласно модели современного им феодального общества и своей шкалы ценностей. Эта мысль автора проходит сквозной нитью через всю монографию. Целью своего исследования ученый поставил выявление характеристик и особенностей такого восприятия античной эпохи людьми Средневековья. Для этого, по словам автора монографии, необходимо попытаться понять ментальность средневекового человека. Несомненно, данное исследование значительно обогатило отечественную историографию знаниями об особенностях менталитета средневекового человека и раскрыло малоисследованную до сей поры проблематику восприятия античных реалий человеком Средневековья.

Значительное внимание профессор В. А. Федосик уделяет подготовке научных кадров. Им была создана научная школа исследования античного и средневекового христианства. Всего под его руководством были защищены одна докторская (И. О. Евтухов, специалист по позднеантичному менталитету) и девять кандидатских диссертаций (И. О. Евтухов, Е. Н. Сурта (специалист по раннесредневековому христианству), О. И. Малюгин (по раннесредневековой Британии), О. М. Ленцевич (по раннему христианству), Л. В. Харичкова (по эпохе Домината), Д. В. Мазарчук (по истории иудаизма), С. П. Шупляк (по средневековому христианству), А. А. Торканевский (по раннехристианской церкви Рима), Н. О. Пашков (по истории православия)).

За высокие достижения в научной, педагогической и общественной деятельности Виктор Анатольевич награжден грамотой Министерства высшего и среднего специального образования БССР (1983), Почетной грамотой Кабинета министров Республики Беларусь (1996), почетными грамотами Министерства образования Республики Беларусь (2001, 2004), пятью почетными грамотами БГУ.

В 2003 г. за цикл научных работ «Человек и социум в Античности и Средневековье» профессор В. А. Федосик получил премию имени В. И. Пичеты в области социальных и гуманитарных наук. В 2006 и 2011 гг. он был награжден медалью святителя Кирилла Туровского Белорусской православной церкви, а в 2009 г. – нагрудным знаком Министерства образования Республики Беларусь «Выдатнік адукацыі». В 2011 г. Виктор Анатольевич награжден медалью «За працоўныя заслугі». В 2014 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник Белорусского государственного университета». Уже в момент празднования 70-летнего юбилея Виктор Анатольевич был награжден Почетной грамотой ВАК Республики Беларусь за многолетнюю плодотворную работу, а также медалью святителя Кирилла Туровского Белорусской православной церкви (по решению Патриаршего экзарха всея Беларуси Вениамина).

Таким образом, очевидно, как велика роль профессора Виктора Анатольевича Федосика в поступательном развитии белорусского исторического

образования (особенно в годы становления суверенитета белорусского государства), создании и развитии научной школы белорусского антиковедения, подъеме международного престижа науки БГУ и всей белорусской науки. Эти успехи стали возможны благодаря энциклопедическому кругозору ученого-историка, его созидательной активности, всепоглощающей доброжелательности в отношении коллег, бескорыстной любви к своим ученикам. Многогранность научных знаний и интересов, созданная им научная школа, а также успешное руководство кафедрой на протяжении более 30 лет делают профессора Виктора Анатольевича Федосика не только ведущим антиковедом и медиевистом, но и крупнейшим ученым в современной белорусской исторической науке.

Весь коллектив кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ сердечно поздравляет уважаемого юбиляра, желает крепкого здоровья и научного долголетия, а также новых научных горизонтов!

А. А. Прохоров¹, А. А. Торканевский²

¹Андрей Аркадьевич Прохоров – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета.

Андрэй Аркадзьевіч Прохараў – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; загадчык кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Andrei A. Prokhorov, PhD (history), docent; head of the department of ancient and medieval history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: andrei_prokhorov@mail.ru

²Андрей Анатольевич Торканевский – кандидат исторических наук, доцент кафедры древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета.

Андрэй Анатольевіч Торканеўскі – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Andrey A. Torkanevskiy, PhD (history); associate professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: tork@tut.by

Олег Антонович
ЯНОВСКИЙ

Алег Антонавіч
ЯНОЎСКІ

Oleg Antonovich
YANOVSKY

Олег Антонович Яновский, наш коллега, друг, руководитель кафедры истории России, празднует свой юбилей – 70 лет. Американские ученые доказали, что пик интеллектуальной активности человека приходится приблизительно на этот возраст, когда мозг начинает работать в полную силу, интеллектуальные способности повышаются на 300 % по сравнению со средним показателем и человек может принимать быстрые, четкие, правильные решения.

Жизнь и деятельность Олега Антоновича оказались навсегда связанными с Белорусским государственным университетом. Студент, лаборант, аспирант, преподаватель, доцент, заместитель декана, декан, проректор по учебной работе, первый проректор, профессор, заведующий кафедрой – таковы важнейшие вехи в жизни О. А. Яновского. Он прошел весь путь карьерного роста: от студента до первого проректора.

Олег Антонович Яновский родился 6 апреля 1951 г. в д. Крички Минского района Минской области в семье служащего. В 1958–1966 гг. учился в Радошковичской восьмилетней школе, а затем – в Заславской средней школе № 2, которую окончил в 1968 г. В 1968–1973 гг. Олег Антонович являлся студентом исторического факультета БГУ. В 1973 г. занял должность старшего лаборанта кафедры истории СССР для работы в музее истории БГУ, оформлением которого он занимался. В дальнейшем О. А. Яновский в значительной степени связал свою судьбу с изучением истории своего родного университета, своей *alma mater*.

В 1975–1980 гг. Олег Антонович заочно учился в аспирантуре (кафедра истории СССР эпохи социализма; научный руководитель – доцент А. И. Кожушков). С 1977 г. вел занятия по истории СССР и обществоведению на подготовительном отделении БГУ имени В. И. Ленина. В 1978 г. Олег Антонович был избран на должность преподавателя ка-

федры истории СССР досоветского периода. В мае 1981 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Трудовой вклад вузовской молодежи Белоруссии в выполнение народно-хозяйственных задач девятой пятилетки (1971–1975 гг.)» и в 1982 г. был утвержден ВАК при Совете Министров СССР в ученой степени кандидата исторических наук. В 1983 г. Олега Антоновича избрали на должность доцента кафедры истории СССР досоветского периода, в 1985 г. ВАК СССР присвоил ему ученое звание доцента, а с 2003 г., по решению Президиума ВАК Республики Беларусь, О. А. Яновский имеет ученое звание профессора по специальности «история».

В октябре 1991 г. приказом ректора БГУ Олег Антонович был назначен заместителем декана исторического факультета. С сентября 1996 г. он исполнял обязанности декана, а в декабре 1996 г. на заседании совета исторического факультета был выдвинут на должность декана. С 1998 г. Олег Антонович стал также заведующим кафедрой истории России. Приказом ректора БГУ А. В. Козулина с августа 2000 г. О. А. Яновский был назначен на должность проректора по учебной работе, а с 2001 по декабрь 2003 г. являлся первым проректором БГУ, не оставляя заведования кафедрой истории России. В 2003 г. кандидатура Олега Антоновича была рекомендована в резерв кадров БГУ на должность ректора. Будучи первым проректором, О. А. Яновский много работал над совершенствованием системы учебной, научной, организационно-методической и воспитательной работы, оказывал действенную помощь факультетам в развитии их материальной базы, активизации публикации учебников, учебных пособий и учебно-методических комплексов, совершенствовании работы со студентами, магистрантами и аспирантами.

Олег Антонович всегда отличался активностью в различных сферах общественной жизни университета и республики в целом: являлся членом научно-

методического совета при Министерстве образования Республики Беларусь, вице-президентом ассоциации белорусских историков, ученым секретарем объединенного совета БГУ. По сегодняшний день О. А. Яновский – член совета БГУ, он входит в состав редколлегий научных исторических журналов.

Занимая высокие посты в родном университете, Олег Антонович проявил себя как подготовленный, трудолюбивый и энергичный руководитель, обладающий отличными организаторскими способностями. Его важными качествами являются системность мышления, способность сплотить коллектив для решения и выполнения сложных задач. Он умело подбирает и расставляет кадры, находя для каждого члена своего коллектива его творческую нишу, позволяя сотрудникам кафедры реализовать свой научный и творческий потенциал.

Поразительно, но у Олега Антоновича неизменно четкий и даже жесткий режим дня: подъем в 6:00, физкультура, занятия в университете, редактирование различных материалов, работа с аспирантами, поиск в архивах, заседания в деканате, советах факультета и университета.

Олег Антонович всегда успешно совмещал административную и научную работу. Он являлся ученым секретарем специализированного совета по защите докторских диссертаций. О. А. Яновский – высококвалифицированный специалист, известный в нашей республике ученый-историк. Круг его исследовательских интересов охватывает проблемы внешнеполитических отношений стран Восточной Европы эпохи Средневековья, историю становления в Беларуси высшей школы, историю России XV–XVIII вв. Его научные работы хорошо известны в Беларуси и за ее пределами, некоторые из них публиковались в России, Украине, Германии и Польше.

Много лет О. А. Яновский занимается исследованием истории БГУ как важнейшего образовательно-культурного, интеллектуального и научного центра белорусского общества. Олег Антонович наиболее полно реализовал свои исследовательские проекты, связанные с изучением, популяризацией, а также преподаванием истории университета. Из всех начинаний историка последний аспект хотелось бы отметить особо. Впервые в мировой практике высшей школы по инициативе, при активном участии и благодаря кипучей энергии Олега Антоновича в учебные планы всех факультетов был введен новый предмет – университетоведение. Преподавание данного курса предполагает не только усвоение студентами суммы знаний об истории становления и развития высшего университетского образования, но и осмысление самого феномена университета. Постижению данной проблемы О. А. Яновский отдает приоритет и в своих современных работах.

В научно-исследовательской деятельности ученый, педагог, руководитель основное внимание уделяет

широкой проблеме оценки значения и места БГУ в становлении и развитии белорусской нации. Данный вопрос нашел правомерное преломление в исследовании роли отдельных личностей в формировании особой интеллектуальной среды, без наличия которой невозможно говорить о полноценном развитии нации. Именно поэтому в центре целой серии публикаций О. А. Яновского оказались наиболее яркие научные и общественные деятели, чьи судьбы тесно связаны с историей БГУ. Олег Антонович исследовал роль той или иной личности в становлении системы высшего образования Беларуси, и в частности в развитии БГУ (статьи о А. Г. Червякове, Н. М. Никольском, В. Г. Кнорине, Д. П. Кончаловском, А. И. Дьякове, Н. М. Бладыко, Я. П. Кореневском и других представителях новой интеллектуальной среды, которая начала складываться после глобальных перемен и потрясений 1917 г.). Особое место занимают работы О. А. Яновского о первом ректоре БГУ – историке, имеющем мировую известность, Владимире Ивановиче Пичете.

В своих публикациях Олег Антонович затрагивает множество различных аспектов в развитии ведущего университета страны, «флагмана высшей школы» Беларуси: международные связи БГУ, социальный и профессиональный состав студенчества, церковно-религиозные аспекты деятельности университета в 1920–30-х гг., преподавание социально-гуманитарных дисциплин, новые методики обучения студентов, научно-исследовательскую деятельность, развитие организационной структуры БГУ, историю университетского городка и др.

Олега Антоновича как историка привлекли трудные годы формирования и становления первого белорусского национального университета. Вопросы истории БГУ 1920–30-х гг. серьезно разработаны в трудах О. А. Яновского. Следует особо выделить подготовку Олегом Антоновичем к публикации уникальных документов по истории образования первого белорусского университета: многое уже сделано (следует отметить обширное издание, осуществленное О. А. Яновским совместно с М. Ф. Шумейко и С. Н. Ходиным, «Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1941» (Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2006)).

С деятельностью Олега Антоновича в должности первого проректора БГУ (2000–2004) связано становление новой символики университета (*папараць-кветка*), культурных, интеллектуальных и издательских традиций. К 80-летию БГУ по инициативе О. А. Яновского было подготовлено многотомное издание избранных научных работ БГУ (1921–2001) различной тематики (в том числе по направлению «История, филология, журналистика»), вышедших под его редакцией. Также в 2001 г. на основе уникальных архивных данных Олегом Антоновичем было составлено энциклопедическое издание «Профессора и доктора наук Белорусского госу-

дарственного университета, 1921–2001». Определенной вехой в развитии в Беларуси университетоведения стало издание в 2001 г. фундаментальной монографии О. А. Яновского и А. Г. Зельского «История Белорусского государственного университета в биографиях его ректоров». В этом труде впервые была сделана попытка представить сложную и значимую историю университета через многообразие ранее неизвестных фактов, преломляя их через биографии его руководителей.

Важная роль принадлежит О. А. Яновскому в деле активизации публикаций по истории БГУ и в целом по университетоведению. С конца 1990-х гг. в БГУ был начат выпуск нескольких книжных серий, названных в классическом стиле: «Universitas» («Университет»), «Scriptor universitatis» («Университетский автор»), «Memoria et Gloria» («Память и слава»), а также серий «Современные технологии университетского образования» и «Образовательные исследования». В них изданы переводы трудов знаменитых авторов-университетоведов, самостоятельные наработки сотрудников БГУ в области дидактики высшей школы, труды по отечественной и всемирной истории ученых прошлого и наших современников, биографии известных исследователей.

С 2017 г. в связи с приближающимся юбилеем БГУ О. А. Яновским было инициировано издание книг в серии «Белорусский государственный университет: 100 лет на благо Отечества». К настоящему времени в серии издано три книги, одна из них – «Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1981)». В ней продолжен рассказ о выдающихся ученых, профессорах и преподавателях первого университета Беларуси. В 23 очерках представлены биографии, особенности пути в науке и высшей школе тех, кто стоял у истоков создания БГУ, осваивал и развивал новые направления фундаментальных и прикладных научных знаний, форсировал научные школы. Эти люди в 1921–1981 гг. не только оказывали бесценную помощь в подготовке тысяч специалистов для важнейших областей народного хозяйства БССР и всего Советского Союза, но и укрепляли своими знаниями экономическую, оборонную, интеллектуальную мощь страны. К юбилею БГУ планируется издать пять томов этой серии. Олега Антоновича по праву можно называть летописцем истории БГУ.

О. А. Яновский – автор большого числа статей и монографий, составитель и редактор многих научных сборников. К настоящему времени насчитывается около 400 опубликованных разноплановых работ ученого, и, безусловно, это число будет увеличиваться.

За свою успешную педагогическую и творческую научную деятельность О. А. Яновский неоднократно награждался различными знаками отличия как БГУ, так и Министерства образования Республики Бела-

русь, Совета Министров Республики Беларусь, Национального собрания Республики Беларусь и других учреждений и государственных органов, ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник Белорусского государственного университета».

Олег Антонович продолжает чтение лекций по общепрофессиональной дисциплине «История России и Украины (с древнейших времен до конца XVIII в.)». Поражает разнообразием, многоплановостью и актуальностью список преподаваемых им курсов по выбору и дисциплин специализации: «Внешнеполитический фактор в формировании и эволюции российской государственности», «Университет как особая социальная конструкция и субъект общественно-политических процессов в России и Беларуси», «Внутренняя политика Екатерины II: консерватизм и новации», «Внешняя политика и дипломатия Юриковичей и первых Романовых (от Ивана III до Петра I)», «Современная Россия в освещении СМИ и научном обобщении», «Феномен Университета: от исторических основ к современным цивилизационным парадигмам», «Российский “просвещенный абсолютизм”: общее и особенное», «Власть и ее оппоненты в исторической ретроспективе», «Интеллектуальная история Беларуси» и др.

Благодаря усилиям Олега Антоновича Яновского в работе кафедры появилось и набрало силу новое направление – история Украины. Ее изучение является новым и важным шагом в процессе формирования будущих специалистов и позволяет глубже и острее взглянуть на целый ряд ключевых проблем отечественной истории. В настоящее время украинская проблематика значимо прослеживается во всех общих курсах кафедры, что нашло отражение в утвержденных Министерством образования Республики Беларусь программах и учебных планах факультета.

Следует особо отметить активную издательскую деятельность кафедры истории России во главе с О. А. Яновским. Выход пособий с грифами учебно-методических объединений Беларуси, изданных под редакцией Олега Антоновича за последние 10 лет, демонстрирует, что кафедра истории России справилась с одной из стратегических задач, заявленных в БГУ, – подготовкой учебных пособий по всем общим профессиональным дисциплинам.

Олег Антонович уделяет много внимания внедрению в учебный процесс информационных технологий. Еще в 1980-х гг. он вместе с коллегами кафедры (И. В. Оржиховский, М. Ф. Чудаев) уже начинал использовать в преподавании возможности технических средств обучения. При поддержке О. А. Яновского преподавателями кафедры истории России (Г. А. Болсун, О. В. Бригадина, В. В. Сергееenkova) создаются электронные учебные мультимедийные проекты, которые становятся электронными приложениями к новым учебно-методи-

ческим пособиям, изданным кафедрой. Эти проекты внедряются в учебный процесс не только на историческом факультете БГУ, но и в других учреждениях высшего образования Беларуси, Украины и России.

Олега Антоновича как преподавателя отличает высокий профессионализм. Он всегда находит максимально индивидуальный подход к каждому студенту. Для такой работы недостаточно профессионализма историка-исследователя, необходимы тактичность, человечность, особая душевная теплота. Но именно такая работа приносит удовлетворение студенту и преподавателю, приводит к высоким результатам.

Олег Антонович Яновский воспитал немало историков, которые задействованы в различных сферах деятельности, подготовил 17 кандидатов исторических наук. С полной уверенностью можно сказать, что О. А. Яновский формирует особую среду, особую школу университетской белорусской науки. Следует признать, что, как ученый, специалист-педагог и наставник, Олег Антонович обладает исключительной способностью вдохновлять на решение творческих научных задач, а его целеустремленность и искренняя вера в свои силы передаются неким незримым образом его ученикам.

Олег Антонович – тонкий и наблюдательный психолог, он умеет успешно подобрать различные психологические подходы и дипломатичные приемы в работе с тем или иным человеком индивидуально. Одновременно он остается строгим и требовательным научным руководителем, аналитиком конкретной ситуации. Отличает Олега Антоновича также чувство юмора и способность остро и предельно отчетливо формулировать общие требования и анализировать ситуацию. Это всегда служит неоценимой поддержкой для его учеников и коллег, обращающихся к нему за помощью.

Разнообразны и многогранны способности и таланты Олега Антоновича как личности. Так, никогда не умаляются в нем качества спортсмена, ценителя искусств и успешного руководителя, а также – что органично и закономерно – радательного семьянина, хозяина и искреннего патриота. Известная истина: воспитание определяет личность. И касательно Олега Антоновича с полной уверенностью можно сказать, что он – превосходно воспитанная личность, которая к тому же умеет передать свои качества окружающим.

В. В. Сергеенкова¹, С. Н. Темушев²

¹*Вера Васильевна Сергеенкова* – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета.

Вера Васільеўна Сяргеенкава – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Vera V. Sergeenkova, PhD (history), docent; associate professor at the department of history of Russia, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: sergeenkova_vera@mail.ru

²*Степан Николаевич Темушев* – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета.

Сцяпан Мікалаевіч Цемушаў – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Stsiapan N. Tsemushau, PhD (history), docent; associate professor at the department of history of Russia, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: stepnik_bsu@tut.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
АНАТАЦЫІ ДЭПАЊІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 94(476)«13/17»(06)+323.3(476)(091)«13/17»(06)

Сацыяльныя інстытуты ў Вялікім Княстве Літоўскім у ранні Новы час [Электронны рэсурс] : матэрыялы Міжнар. навук. круглага стала (Мінск, 2 снеж. 2020 г.) / БДУ ; [пад рэд. А. У. Любага]. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2020. 84 с. Бібліягр. у тэксце. Рэжым доступу: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/254962>. Загал. з экрана. Дэп. у БДУ 28.01.2021, № 001628012021.

У зборніку змешчаны матэрыялы паведамленняў удзельнікаў Міжнароднага навуковага круглага стала, якія прадстаўлялі як гістарычны факультэт БДУ, так і іншыя навуковыя ўстановы, дзе абмяркоўваліся пытанні генезісу і эвалюцыі сацыяльных інстытутаў у Вялікім Княстве Літоўскім у перыяд XIV–XVIII стст.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ	
100-летие Рижского мирного договора	
<i>Мезга Н. Н.</i> Проблематика польско-советской войны 1919–1920 гг. и Рижского мирного договора в отражении протоколов заседаний Политбюро ЦК РКП(б)	7
<i>Шумейко М. Ф.</i> Влияние Рижского мирного договора на судьбы белорусских архивов	17
<i>Дубровко Е. Н.</i> Рижская граница в оценках британских правительственных кругов в первой половине 1920-х гг.	29
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ	
<i>Старостенко Э. В.</i> Служба православного военного духовенства на оккупированной территории Галиции в годы Первой мировой войны.....	39
ИСТОРИЯ ИСКУССТВА	
<i>Цумас Й., Гемту Э.</i> Феминизм Марии Спартали-Стиллман против гендерных стереотипов искусства Братства префаэлитов.....	48
ИСТОРИОГРАФИЯ	
<i>Козловская Н. В.</i> Городельская уния и формирование шляхты Великого княжества Литовского в оценке современной историографии.....	61
<i>Латышев К. А.</i> Историография политики Советского государства 1929–1939 гг. в отношении старообрядчества	74
<i>Карпюк С. Г. А. В.</i> Мишулин и формирование в СССР московского центра изучения истории Древнего мира в 1930–40-х гг.	85
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
<i>Лукашов А. А.</i> Государственно-политическая символика на печатях документов 1918–1919 гг. (по материалам фонда 805 Национального архива Республики Беларусь).....	91
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Международный научный круглый стол «Beatitudo non est virtutis praemium, sed ipsa virtus» (Минск, 9 февраля 2021 г.)	98
Международная научная конференция «Рижский мирный договор 1921 г. в судьбах народов Восточной и Центральной Европы (Минск, 26 марта 2021 г.)	104
ЮБИЛЕИ	
Виктор Анатольевич Федосик.....	106
Олег Антонович Яновский	110
Аннотации депонированных в БГУ работ	114

ЗМЕСТ

Ад рэдакцыі.....	5
------------------	---

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

100-годдзе Рыжскага мірнага дагавора

<i>Мязга М. М.</i> Праблематыка польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. і Рыжскага мірнага дагавора ў адлюстраванні пратаколаў пасяджэнняў Палітбюро ЦК РКП(б).....	7
<i>Шумейка М. Ф.</i> Уплыў Рыжскага мірнага дагавора на лёс беларускіх архіваў.....	17
<i>Дуброўка А. М.</i> Рыжская мяжа ў ацэнках брытанскіх урадавых колаў у першай палове 1920-х гг.	29

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Старасценка Э. В.</i> Служба праваслаўнага ваеннага духавенства на акупаванай тэрыторыі Галіцыі ў гады Першай сусветнай вайны.....	39
---	----

ГІСТОРЫЯ МАСТАЦТВА

<i>Цумас Ё., Гемту Э.</i> Фемінізм Марыі Спарталі-Сцілман супраць гендарных стэрэатыпаў мастацтва Братэрства прэрафаэлітаў.....	48
---	----

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

<i>Казлоўская Н. У.</i> Гарадзельская унія і фарміраванне шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў ацэнцы сучаснай гістарыяграфіі.....	61
<i>Латышаў К. А.</i> Гістарыяграфія палітыкі Савецкай дзяржавы 1929–1939 гг. у дачыненні да стараверства.....	74
<i>Карпюк С. Г. А. В.</i> Мішулін і фарміраванне ў СССР маскоўскага цэнтра вывучэння гісторыі Старажытнага свету ў 1930–40-х гг.	85

КРЫНІЦАЗНАЎСТВА

<i>Лукашоў А. А.</i> Дзяржаўна-палітычная сімволіка на пячатках дакументаў 1918–1919 гг. (па матэрыялах фонду 805 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь).....	91
--	----

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ

Міжнародны навуковы круглы стол «Beatitudo non est virtutis praemium, sed ipsa virtus» (Мінск, 9 лютага 2021 г.).....	98
Міжнародная навуковая канферэнцыя «Рыжскі мірны дагавор 1921 г. у лёсах народаў Усходняй і Цэнтральнай Еўропы» (Мінск, 26 сакавіка 2021 г.).....	104

ЮБІЛЕІ

Віктар Анатольевіч Фядосік.....	106
Алег Антонавіч Яноўскі.....	110
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац.....	114

CONTENTS

Editorial	5
SPECIAL TOPIC SECTION	
100th anniversary of the Riga Treaty	
<i>Miazga M. M.</i> Problems of the Polish-Soviet war of 1919–1920 and the Riga Treaty in reflection of the RCP(b) Central Committee Politburo minutes of meetings	7
<i>Shumeiko M. F.</i> Influence of the Riga Peace Treaty on the fate of the Belarusian archives	17
<i>Dubrouka A. M.</i> The Riga border in the assessments of the British government circles in the first half of the 1920s	29
WORLD HISTORY	
<i>Starostenko E. V.</i> Service of the Orthodox military clergy in the occupied territory of Galicia during the First World War	39
HISTORY OF ART	
<i>Tsoumas J., Gemtou E.</i> Marie Spartali-Stillman's feminism against Pre-Raphaelite Brotherhood gender stereotypes art	48
HISTORIOGRAPHY	
<i>Kozlovskaya N. V.</i> Horodlo Union and the formation of the nobility of the Grand Duchy of Lithuania in the assessment of contemporary historiography	61
<i>Latyshau K. A.</i> Historiography of politics of the Soviet state 1929–1939 regarding the Old Believers ...	74
<i>Karpyuk S. G. A. V.</i> Mishulin and forming of the Moscow research and education centre for ancient history in 1930–40s	85
SOURCE STUDIES	
<i>Lukashov A. A.</i> State and political symbols on the seals of documents of 1918–1919 (based on materials from fund 805 of the National Archives of the Republic of Belarus)	91
SCIENTIFIC EVENTS	
International scientific round table «Beatitudo non est virtutis praemium, sed ipsa virtus» (Minsk, 9 February 2021)	98
International scientific conference «Riga Peace Treaty of 1921 in the fates of the peoples of Eastern and Central Europe» (Minsk, 26 March 2021)	104
JUBILEES	
Viktor Anatolyevich Fedosik	106
Oleg Antonovich Yanovsky	110
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	114

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 2. 2021**

**Часопіс Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.
№ 2. 2021**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ».

Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы *С. Е. Богуш, О. А. Семенец, М. А. Подголина*
Технический редактор *В. В. Пишкова*
Корректор *Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 30.04.2021.
Тираж 100 экз. Заказ 168.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2021

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 2. 2021**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.

Until 2017 named «Vesnik BDU».

Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors *S. J. Bohush, O. A. Semenets, M. A. Podgolina*
Technical editor *V. V. Pishkova*
Proofreader *L. A. Merkul'*

Signed print 30.04.2021.
Edition 100 copies. Order number 168.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2021